ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

Гапизов Заур Расулович

Геополитическое измерение «крымского вопроса» в контексте обеспечения национальной безопасности России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук
по специальности
5.5.4 – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Научный руководитель –
доктор политических наук,
профессор Н.И. Харитонова

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……...С.3

Глава 1. «Крымский вопрос» как атрибут геополитического конфликта

1.1. «Крымский вопрос» как проблема международных отношений: опыт теоретических интерпретаций…….С. 25

1.2. Геополитическое значение Крыма: критический анализ…….С. 39

Глава 2. Геополитическое и политико-правовое измерение «крымского вопроса»

2.1. Политико-правовые аспекты вхождения Крыма в состав РФ ……С. 51

2.2. «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России…….С. 72

2.3. Позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу»……С. 95

Глава 3. Опыт и пути разрешения «крымского вопроса»: геополитический подход

3.1. Технологии и инструменты геополитического противостояния в рамках «крымского вопроса»……...С. 113

3.2. Фактор цивилизационного идентитета населения Крыма в геостратегии России……..С. 126

3.3. Пути решения «крымского вопроса» в целях обеспечения национальной безопасности России…...……...С. 156

Заключение……С. 170

Список литературы……С. 183

Приложения……..С. 216

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация мирового порядка в конце XX в. повлекла за собой радикальные изменения военно-политической обстановки, что в свою очередь оказало существенное влияние на характер угроз и вызовов национальной безопасности России. Становление полицентричной структуры мира в рамках современной системы международных отношений не разрешило имеющиеся ключевые противоречия, но и более того, стимулировало формирование новых разногласий, оказывающих влияние на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

С начала XXI в. мировое сообщество является свидетелем крупных геополитических сдвигов на карте Евразии. В большинстве случаев они породили серьезные политические конфликты с различным набором прямых и косвенных участников. Наличие у ведущих государств мира, выступающих в качестве геополитических антагонистов, существенных военных потенциалов, в условиях любых, даже малозначительных, кризисов перманентно порождают угрозу военных столкновений. Значительный рост наступательных вооружений коалиции государств Североатлантического альянса в результате их переоснащения принципиально модернизированными и усовершенствованными видами оружия, а также стремление Китая, Пакистана, Ирана, Турции, Саудовской Аравии и других стран существенно расширить зоны своего геополитического влияния, во многом определяют «линию фронта» геополитического противостояния с Россией. В свою очередь, Российская Федерация, претендующая с середины 2000-х гг. на ключевую роль в решении региональных и мировых проблем, по новому осознает и параметры своего геополитического влияния в Евразии, руководствуясь, прежде всего необходимостью защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности[1].

[1] См.: Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 2 июля 2021 г. N 400. Собрание законодательства Российской Федерации. Изд. «Юридическая литература». 5 июля 2021 г. (Часть II), ст. 5351; Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении

Важным этапом в реализации политики обеспечения национальной безопасности и геополитических интересов России стало возвращение Крыма в состав Российской Федерации. Предпринятый руководством государства шаг был неоднозначно воспринят внутри страны и вызвал сугубо негативную реакцию за его пределами, отразившуюся в резком охлаждении межгосударственных взаимоотношений с Западом и санкционной политике отдельных стран и групп стран в отношении Российской Федерации. Неоднозначную реакцию произошедшее вызвало и в кругу традиционных союзников и стратегических партнеров России на постсоветском пространстве. Таким образом, многие аспекты политики государств, входящих вместе с Россией в ООН, ОБСЕ и другие международные организации и их структуры, ставшие реакцией на включение Крымского полуострова в состав России, сегодня могут рассматриваться как угроза национальной безопасности РФ.

Актуальность темы исследования обусловлена:

во-первых, необходимостью глубокого и детального анализа внешних угроз национальной безопасности России в контексте геополитического конфликта вокруг Крыма. После «парада суверенитетов» и обретения независимости новыми независимыми государствами отношения между Россией и странами Запада прошли несколько периодов оживления и сближения, разделенных периодами заметного охлаждения. Сегодня же большинство экспертов сходятся во мнении, определяя нынешний характер отношений России с Западом как новый этап «холодной войны». Многократное осложнение геополитической обстановки на южных «окраинах» Евразии (Сирия, Турция и пр.) усугубляют и состояние «крымского вопроса»: в результате Крым становится западной оконечностью юго-западного «геополитического фронта». США посредством НАТО и своих новых союзников из числа постсоветских государств стремятся расширить свои геополитические позиции в глобальном и

Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 5 декабря 2016 г. № 646. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074.

региональном масштабе (политика президента Трампа в данном разрезе видится лишь как незначительное отступление от общей генеральной линии американской внешней политики). Свидетельством этому стала активная политика Североатлантического альянса и США в Прибалтике, в Молдавии, на Украине и т.д. Перечисленные обстоятельства представляют собою угрозу национальной безопасности Российского государства;

во-вторых, Российская Федерация как правопреемник (правопродолжатель) СССР по объективным причинам не может отказаться от роли сверхдержавы (хотя эта категория отсутствует в стратегических документах РФ) и предпринимает для сохранения и усиления этой роли последовательные шаги. Одним из таких шагов и стало возвращение Крыма и Севастополя в состав Российского государства. При этом правовой аспект предпринятого российским политическим руководством шага остается неясным, вызывает споры в политической и экспертной среде в России и за рубежом. Обвинения в нарушении международного права в адрес России становятся отправной точкой для реализации политики, подрывающей национальную безопасность государства. Эти обстоятельства были учтены в содержании поправок в Конституцию Российской Федерации, принятых общероссийским голосованием в 2020 г. в части, касающейся внешнеполитической деятельности[2]. Таким образом дихотомия основ международного права и национальных интересов отдельно взятого субъекта мировой политики порождает кризисные ситуации, формирующие ландшафт новой геополитической реальности. Последнее является крайне актуальным вопросом для современных политологических исследований;

[2] См. *Харитонова Н.И.* Концептуализация внешней политики современной России в контексте конституционной реформы // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты. Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.). Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 26–28.

в-третьих, Российская Федерация и коллективный Запад, с позиции достижения геополитических интересов в Евразии, действуют фактически на конкурентной основе, что, однако, предполагает и ситуативное сотрудничество (каковое действительно имеет место несмотря на горячую фазу информационного противоборства), и возникновение противоречий, которые могут привести к открытым военно-политическим конфликтам. Таким образом, имеется насущная необходимость анализа происходящих процессов в рамках «крымского вопроса» и прогнозирования различных ситуаций их развития с целью разработки мер по нейтрализации негативных последствий изменения военно-политической обстановки в Азово-Черноморском регионе;

в-четвертых, потребностью проведения анализа реального геополитического значения Крыма, позиций ключевых геополитических акторов в регионе, изучения внутренних и внешних ресурсов подпитки геополитического конфликта в Азово-Черноморском регионе с целью разработки и реализации мер, направленных на решение «крымского вопроса» с учетом национальных интересов Российской Федерации;

в-пятых, необходимостью комплексного исследования содержания технологий и инструментов, используемых для реализации геополитического противоборства в Азово-Черноморском регионе. Понимание «механики», с помощью которой реализуется геополитическое давление на Россию, и прогнозирование ее трансформации, появления новых подходов и инструментов позволило бы эффективно противодействовать геополитическим оппонентам России и обеспечивать эффективную внешнюю политику государства в целях обеспечения национальной безопасности.

Выбор темы исследования определяется следующим. После роспуска Советского Союза геополитический конфликт вокруг Крыма стал поворотным моментом не только в отношениях России с другими мировыми акторами, но и ключевым событием во внутренней политике. Мобилизация российского народа,

поддержавшего решение политического руководства страны (что отразилось на рейтингах первых лиц государства), одобрение ответной санкционной политики, результаты конституционной реформы 2020 г. и многое другое продемонстрировали одновременно и социальный запрос, и реализацию ожиданий среднестатистического россиянина в проведении решительной внешней политики, защите прав русских, российских граждан и соотечественников за рубежом, жестком отстаивании национальных интересов.

Степень научной разработанности темы. Актуальность вопросов, касающихся значительных геополитических изменений XXI в., потребность в глубокой проработке причинно-следственных связей и большая заинтересованность в точном прогнозировании развитии ситуации в Азово-Черноморском регионе объясняют появление большого количества научных статей, диссертационных и монографических исследований по геополитической проблематике в целом и по «крымскому вопросу» в частности. Целесообразно их разделить на *три группы. К первой группе* отнесены работы, представляющие собой исследования различных аспектов наиболее известных геополитических теорий, объясняющих облик современного мира[3], взаимообусловленности и взаимозависимости геополитики с национальными интересами современных государств и их безопасностью[4], а также влиянию пространственно-

[3] См.: *Андрианова Т.В.* Геополитические теории XX в. (Социально-философское исследование). М.: ИНИОН РАН, 2010; *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998; *Гаджиев К.С.* Геополитика. М.: Международные отношения, 2001; *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997; *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 5, № 10.; *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред и коммент. П..А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002; *Поздняков Э.А.* Геополитика. М.: Международные отношения, 2011; *Савицкий П.Н*. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997; *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Пг., 1915; *Тойнби А.Дж.* Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001; *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002; *Шарапов А.К.* Характеристика отдельных геополитических технологий, применяемых в современном геополитическом процессе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015, № 27 (75). С. 103–108; *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S.P. Huntington. London [etc.] : Touchstone books, 1998; *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power on History, 1660-1783. – 1890; *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Volkerrecht des Jus Publicum Europaeum. Berlin, 1988 и др.

[4] См.: *Абдурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л., Пирумов В.С.* Геополитика и национальная безопасность. Словарь основных понятий и терминов. Под общ. ред. В.Л.Манилова. М.: РАЕН, 2012; *Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-

территориального фактора на международную политику глобального и регионального уровней[5]. *Ко второй группе* следует отнести исследования политических, экономических, социальных, военных и других процессов, происходящих в Азово-Черноморском регионе на разных исторических этапах[6]. *В третью группу* могут быть включены работы, исследующие разные аспекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также

Университета. 2018. №1(58). С. 26–41; *Волков Я.В.* Геополитика и безопасность в современном мире. М.: ВУ, 2000; *Ивашов Л.Г.* Россия и мир в новом тысячелетии. М.: Палея-Мишин, 2012; *Киселев С.Г.* Трансформация мировой геополитической модели: последствия для России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №2(38). С. 61–64; *Кудлай А.А.* Региональная социально-политическая безопасность как новая стратегия безопасности для Крымского полуострова // Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 1 (50). С. 19–22; *Морозов И.Л.* Геополитическая безопасность современной России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 112–114; *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М.: ИФРАН, 1995; *Прохожев А.А.* Новые подходы к безопасности в связи с современными концепциями развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. №1(2). С. 8-12; *Отставнова Е.А.* Полуостров Крым и национальные интересы России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 83–87; *Чаевич А.В.* Геополитические факторы и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2000; *Чебан В.В.* Геополитическое положение и военная безопасность России. М.: Фонд "Воин", 2013 и др.

[5] См.: *Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 67–73; *Бабурин С.Н.* Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 2012; *Володин А.В.* Региональная политика и национальная безопасность. М.: Научная книга, 2013.; *Жильцов С.С.* Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 2. С. 149-164; *Конуров А.И.* Территориальные аспекты военной безопасности государства (философско-политологический анализ): Автореф. дис. ..канд. филос. наук. М., 2000; *Морозов И.Л.* Геополитическая безопасность современной России // Теория и практика общественного развития. 2015, № 8 С. 112–114; *Пашковский П.И.* Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991-2014 гг.): ретроспективный анализ // Научные ведомости. Серия «История. Политология». 2019. Т. 46. № 2. С. 384-392; *Швец А.Б.* Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 19–29 и др.

[6] См.: *Абрамова Е.Н., Аникин В.И.* Политический анализ проблематики Крыма: оценки и позиции международных акторов // Обозреватель – Observer. 2020. №2. С. 70-84; *Волконская М.Ю.* Гуманитарные права крымчан и западная политика «двойных стандартов» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т.7. №4. С. 83-91; *Горшков М.К.* Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // Социологическая наука и социальная практика. 2018. №2 (22). С 7–16; *Дмитриев В.А*. Крым. Севастополь. Флот // Пространство и время. 2014, №2(16). С. 189–198; *Коновалов В.С*. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2003. С. 63–70; *Кульпин Э.С.* Феномен Крыма с позиций социоестественной истории // История и современность. 2014. №1. С. 3–15; *Морозов И.Л.* Геополитическая безопасность современной России // Теория и практика общественного развития. 2015, № 8. С. 112–114; *Нарочницкая Н.А.* Крым в исторической судьбе России // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2. С.7-21; *Попов М.Ю., Карепова С.Г., Некрасов С.В.* Исторический и современный контекст интеграции Крыма в Российскую Федерацию: планы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т.4 (70). № S2. С. 148–153; *Портная Н.О.* Стратегические направления развития морских портов России // Вестник Государственного университета морского и речного флота им. Адмирала С.О. Макарова. 2009, Вып.3. С. 77–81; *Усов С.А.* Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (историко-политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2003; *Юрченко В.М., Юрченко И.В.* Информационная безопасность России в Черноморском регионе // Власть. 2009. №4. С.73–76 и др.

сущность российской политики в области обеспечения национальной безопасности и приоритетные направления ее реализации[7].

Обзор и анализ научной литературы по теме диссертации позволили прийти к следующим выводам:

Во-первых, зачастую составлению научного представления о предмете исследования и возможностях решения «крымского вопроса», стоящего в центре настоящей работы, препятствует политическая ангажированность политологических и исторических исследований.

Во-вторых, следует констатировать отсутствие фундаментальных исследований, системно анализирующих геополитический конфликт вокруг Крымского полуострова с учетом динамических изменений в современной системе международных отношений, а также ключевых факторов, влияющих на ход и результаты геополитического противостояния между Россией и Западом (важным элементом этого противостояния является как раз «крымский вопрос»).

В-третьих, принципиальное значение имеют обобщение имеющегося опыта теоретических интерпретаций политической сущности, содержания, приемов и методов разрешения «крымского вопроса» и необходимость выработки принципиально нового, научно обоснованного подхода к его разрешению с использованием положений геополитической теории.

Таким образом, следует констатировать, что в современной российской научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные комплексному анализу геополитического конфликта вокруг Крыма, а также механизмам реализации стратегических документов Российской Федерации в Азово-Черноморском регионе с точки зрения практической геополитики. Это

[7] См.: *Буденный А.А.* Формирование новой стратегической концепции союзников по отношению к России после украинского кризиса // Мировая политика. 2018. №2. С. 73–79; *Живарев В.Е., Салихов Б.В., Синайский А.С.* Геополитические интересы России и военно-экономическая безопасность. М.: ВУ, 2014; *Макаренков Е.В.* Военно-политическое решение: подготовка, принятие, проблемы реализации. М.: ВУ, 2013; *Поздняков А.И.* Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. №21(210). С. 46-53; *Чебан В.В.* Геополитическое положение и военная политика России. М.: 2001; *Эйвазов Дж.* Россия в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность // Кавказ и глобализация. 2009. Т.3. Вып. 1. С. 11–24 и др.

обстоятельство, актуальность, а также выбор темы, объекта и предмета исследования и обусловили постановку цели и определение задач диссертации.

Проблемную ситуацию, на разрешение которой направлено настоящее диссертационное исследование, можно определить следующим образом. Современные международные отношения характеризуются наличием дихотомии политического и международно-правового. Это противоречие выходит на первый план практически в любых геополитических операциях, становясь причиной конфликтных взаимодействий между геополитическими субъектами. Так как противоречие между политическим и правовым элементами в рамках современной международной системы неразрешимо, превалирование права или геополитических интересов определяется преимущественно силовой компонентой, следствием чего является дестабилизация в сфере безопасности (международной и национальной) и разбалансировка международной системы.

Научная задача, на решение которой направлено настоящее исследование, заключается в следующем: в условиях противоречия между политическим и международно-правовым компонентами системы международных отношений и возрастания фактора силы найти решение «крымского вопроса» как атрибута геополитического конфликта, а также схожих с ним конфликтных ситуаций, в геополитической плоскости, используя потенциал тех факторов, влияние которых недооценено в современной теории международных отношений.

Объектом исследования является геополитический конфликт вокруг Крыма («крымский вопрос»).

Предметом исследования является имеющийся опыт и возможные пути разрешения «крымского вопроса» в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка актуального механизма разрешения «крымского вопроса», определение возможностей и направлений политики России в Азово-Черноморском регионе для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Поставленная цель работы обуславливает необходимость решения следующих исследовательских задач:

1. На базе критического анализа дать оценку «крымскому вопросу» как проблеме международных отношений, опираясь на имеющийся опыт теоретических интерпретаций проблемы.

2. Определить геополитическое значение Крыма для обеспечения международной и национальной безопасности.

3. Охарактеризовать политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова и Севастополя в состав Российской Федерации.

4. Определить значение «крымского вопроса» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России, формирования «пространства безопасности» по периметру российских границ.

5. Выявить позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу», уровень и характер вовлеченности каждого из акторов в региональные процессы, степень прямого или опосредованного участия в конфликте, основные противоречия и возможные точки соприкосновения их интересов.

6. Проанализировать и охарактеризовать специфику используемых акторами технологий и инструментов в геополитическом противостоянии в рамках «крымского вопроса».

7. Определить значение фактора цивилизационного идентитета населения Крыма в геостратегии России.

8. Дать критическую оценку предложенным современными исследователями путям решения «крымского вопроса» и разработать механизм разрешения «крымского вопроса» с учетом национальных интересов России, совершенствования политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности на Черноморском направлении и в Крыму, в частности, с учетом фактора цивилизационного идентитета населения Крыма и характера существующих угроз на глобальном и региональном уровнях.

Теоретико-методологической основой исследования являются принципы историзма, научности и объективности; теоретические положения политической науки, традиционные политологические методы – сравнительный метод, ретроспективный метод, структурно-функциональный анализ, ситуационный анализ, сценарный анализ, моделирование; общенаучные методы – анализ, синтез, дедукция, индукция, наблюдение, анализ документов и др.

Исследование опирается на современные научные подходы к развитию международной политики, международных отношений и обеспечению безопасности: геополитическую теорию (Маккиндер Х., Мэхэн А.,., Шмитт К., Триар Ж, Савицкий П., Ильин И., Семенов Тян-Шанский В., Дугин А., Гаджиев К. и др.), теорию национальной безопасности (Прохожев А., Поздняков А. и др.), теорию систем (Берталанфи Л., Истон Д., Луман Н., Парсонс Т., Дойч К., Анохин П.), цивилизационную теорию (Тойнби А., Данилевский Н., Леонтьев Н., Хантингтон С., Панарин А. и др.), концепт идентичности в изучении политики (Бурдье П., Дилигенский Г., Тилли Ч., Дробижева Л., Семененко И., Губогло М. и др.).

Диссертационное исследование состоит из трех последовательно реализованных этапов.

На первом этапе исследования было определено место «крымского вопроса» как проблемы в современных международных отношениях с позиций исторического, конфликтологического, социологического, геополитического походов, теории международных отношений и др. На этом этапе посредством сравнительного анализа трактовок проблемы Крыма в рамках указанных подходов была определена политическая сущность «крымского вопроса», который должен рассматриваться как вызов стабильности, международной безопасности и национальной безопасности России. Использование геополитического подхода позволило определить значение Крыма как ключевой геополитической точки в Восточном полушарии, а «крымский вопрос» – как фактор обеспечения международной и национальной безопасности.

На втором этапе использование системного анализа, структурно-функционального анализа, положений теории национальной безопасности и теории геополитики, ретроспективного метода, ряда общенаучных методов позволило определить и охарактеризовать политико-правовое и геополитическое измерение «крымского вопроса» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России. Посредством системного и ситуационного анализа были определены позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу». Использование такой комбинации методов позволило прийти к выводу о необходимость разработки нового инструмента и новых механизмов геополитического воздействия для успешного разрешения «крымского вопроса» в новых условиях функционирования сложных и сверхсложных систем.

На третьем этапе посредством комбинации системного, структурно-функционального, сравнительного анализа была определена специфика используемых международными акторами технологий и инструментов геополитического противостояния в рамках «крымского вопроса», выявлена необходимость поиска нового механизма для его разрешения. Положения теории геополитики, цивилизационный подход и концепт идентичности позволили рассмотреть возможность использования фактора цивилизационного идентитета для благоприятного разрешения «крымского вопроса» с учетом российских национальных интересов на основе эмпирических данных. Метод моделирования позволил представить имитационную модель механизма геополитического воздействия на конфликт вокруг Крыма (модель разрешения «крымского вопроса»). В работе были предложены четыре сценария разрешения «крымского вопроса» с использованием ситуационного анализа и конкретные рекомендации практического характера для реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности России с учетом выявленного ресурса цивилизационного идентитета населения Крыма.

Эмпирическая база исследования. Решение обозначенной научной проблемы предполагает использование обширной эмпирической базы, которая позволила бы верифицировать теоретические построения, представленные в виде моделей, и практические выводы исследования. В качестве эмпирической базы настоящего исследования определены следующие *группы источников*.

Первую группу источников, содержащую значительный объем информации о характере и интенсивности геополитического конфликта вокруг Крыма, сформировали международное и национальное законодательство, материалы открытого доступа МИД России и Совета безопасности РФ, представленные на официальных интернет-сайтах. Эта группа составила фактологическую основу разделов исследования.

Ко *второй группе источников* по современной проблематике в рамках «крымского вопроса» относятся материалы, содержащиеся в новостных интернет-версиях различных российских и зарубежных СМИ, информационно-аналитических агентств («Вести.ру», ИА REGNUM, РИА «Новости» («Спутник») и др.): интервью высших должностных лиц, глав министерств и ведомств, комментарии мировых и региональных событий, представленные видными российскими учеными и экспертами, специалистами по политике в Азово-Черноморском регионе, информационно-аналитические материалы.

Третью группу источников составляют экспертные интервью, полученные в ходе бесед автора диссертации непосредственно на территории Крыма с российскими дипломатами, военными, учеными, общественными деятелями, представителями деловых кругов.

Наконец, *четвертую группу источников* составили делопроизводственная документация, статистические данные, результаты социологических исследований, собственные расчеты автора.

Обозначенные параметры эмпирической базы исследования позволили провести эффективную верификацию результатов, полученных в рамках настоящей научно-квалификационной работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках диссертационной работы:

- обосновано содержание термина «крымский вопрос», обозначающего комплекс международных противоречий, связанных со страновой принадлежностью Крымского полуострова. На основе критического анализа опыта теоретических интерпретаций сущности «крымского вопроса» определена его конфликтологическая сущность, проявляющаяся в структуре современных международных отношений; являющаяся вызовом стабильности, международной безопасности и национальной безопасности России;

- выявлены позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу», уровень и характер вовлеченности каждого из них в региональные процессы, степень прямого или опосредованного участия в конфликте, основные противоречия и возможные точки соприкосновения их интересов;

- охарактеризована специфика используемых акторами технологий и инструментов в геополитическом противостоянии в «крымском вопросе»;

- впервые определено значение фактора цивилизационного идентитета населения Крыма в геостратегии России;

- разработан механизм разрешения «крымского вопроса» с учетом национальных интересов России – совершенствования политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности на Черноморском направлении, на основе фактора цивилизационного идентитета населения Крыма и характера существующих угроз на региональном и глобальном уровнях.

Основные научные результаты, полученные автором:

1. Обосновано содержание термина «крымский вопрос» в качестве обозначения комплекса международных противоречий, связанных со страновой принадлежностью Крымского полуострова. Определено, что механизм разрешения «крымского вопроса» может использоваться в качестве модели для

политических практик разрешения политических конфликтов вокруг спорных территорий.

2. Доказано, что историческая обусловленность Крыма как геостратегического объекта, контроль над которым обеспечивает геополитическое превосходство политических акторов в Восточном полушарии и выступает важным фактором для обеспечения международной и национальной безопасности России, является условием формирования геополитических ресурсов субъектов международных отношений.

3. Определено, что воссоединение Крыма и Севастополя с Россией обладает всеми базовыми признаками демократической процедуры осуществления права народов на самоопределение. Воссоединение юридически обосновано и легитимно, но вместе с тем специфично. Государственный переворот 2014 г. создал на Украине ситуацию конституционно-правовой неопределенности. В таких условиях преобладающее конституционно-правовое значение для Крыма приобрели конституционные акты и волеизъявление народа Крыма, а также необходимость учитывать международно-правовые гарантии на самоопределение народа Крыма как нацменьшинства на Украине. Констатируется, что непризнание Западом российской принадлежности Крыма является проявлением политики «двойных стандартов», что стало следствием не столько противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств в международном праве, сколько возможностью свободного выбора между легитимными действиями и реализацией национальных интересов, базирующегося на «праве сильного».

4. Установлено, что состояние «крымского вопроса» как международно-политической проблемы является важным фактором оценки уровня обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и индикатором, по которому с высокой степенью точности можно судить об уровне субъектности России в мировой политике. Определено значение результатов решения «крымского вопроса» в формировании «пространства безопасности» по периметру

российских границ. Выявлены сущностные отличия моделей поведения действующей политической элиты России от моделей 1990-х – первой половины 2000-х гг. во внешней политике по разрешению «крымского вопроса».

5. Выявлена универсальность современных геополитических технологий и инструментов, используемых в конфликте по поводу Крыма с учетом того обстоятельства, что эффективность и успешность их использования зависит от имеющегося в распоряжении геополитического актора ресурсов и возможностей.

6. Для выявления и обоснования фактора благоприятного разрешения «крымского вопроса» с учетом российских национальных интересов, геополитического инструмента легитимации российской принадлежности полуострова разработан вариант концептуализации понятия «цивилизационный идентитет» и обосновано его использование как геополитического инструмента. Доказано, что идентичность населения полуострова имеет несколько уровней, где на высшем располагается цивилизационная идентичность населения Крыма – ее можно определить как идентичность России-Евразии. Она, будучи наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, не конфликтует ни с одной из идентичностей базового уровня и гармонично сочетается с групповыми идентичностями более низких уровней, усиливая их. Совпадение ряда идентичностей по субъекту вызывает синергетический эффект, способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе. Цивилизационный идентитет населения Крыма выступает в качестве значимого элемента геостратегического планирования Российской Федерации.

7. Механизм разрешения «крымского вопроса» с учетом национальных интересов России представлен в виде вербальной модели консолидированной политики ключевым направлениям международных отношений, построенной на принципе инкорпорирования концепции цивилизационного идентитета населения Крымского полуострова в стратегические документы РФ. В гуманитарной сфере идентитет проявляется в контексте базовых общественных ценностей при согласовании интересов личности, общества и государства. В

информационной сфере концепция цивилизационного идентитета определяет характер коммуникационной политики, набор инструментов «мягкой силы» для продвижения национальных интересов России, формирования лояльного общественного мнения на внешнем и внутреннем направлениях. В политико-экономической сфере феномен идентитета проявляется и выражается во всех стратегических документах внутренней и внешней направленности, национальных инфраструктурных проектах, ориентированных на геополитическое единство полуострова и материковой России. Даны конкретные рекомендации практического характера по разрешению «крымского вопроса» для реализации российских национальных интересов в Азово-Черноморском регионе, обеспечения национальной безопасности России и международной безопасности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Нерешенность «крымского вопроса» представляет собой вызов международной безопасности и национальной безопасности России, а разработанный на основе всеобъемлющего анализа среды протекания геополитического конфликта и влияющих не него факторов механизм разрешения может стать моделью для политических практик урегулирования конфликтов вокруг спорных территорий.

2. Противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств в международном праве в условиях нового мирового порядка создают для крупных геополитических игроков возможность свободного выбора между двумя моделями – «легитимные действия» и «реализация национальных интересов». Возможность свободного выбора формируется силовым полем геополитического игрока и базируется на «праве сильного».

3. Контроль над Крымским полуостровом, как геополитической точкой, обеспечивает геополитическое превосходство в Восточном полушарии и выступает важным фактором для обеспечения международной и национальной

безопасности. Успешное разрешение «крымского вопроса» позволит замкнуть «периметр безопасности» Российского государства и высвободить ресурсы для реализации национальных интересов за пределами этого «периметра», например, на Ближнем и Среднем Востоке, что позволит существенно продвинуться на пути формирования «пространства безопасности» по периметру российских границ. «Крымский вопрос» стал индикатором, по которому с высокой степенью точности можно судить об уровне субъектности России в мировой политике.

4. Линейное воздействие субъектов системы международных отношений на Россию с целью возвращения Крымского полуострова под юридический и политический контроль Украины (точнее – геополитический контроль Запада) не учитывает всего многообразия внешних и внутренних факторов, влияющих на геополитические процессы в регионе и на глобальном уровне. Разрешение геополитического конфликта и международная легитимация акта воссоединения Крыма с Россией с использованием старого инструментария в новых условиях функционирования сложных и сверхсложных систем невозможно. В разрешении «крымского вопроса» должны быть задействованы геополитические механизмы, учитывающие новые факторы. Технологии и инструменты геополитического противостояния в рамках «крымского вопроса» являются универсальными, однако эффективность и успешность их использования зависит от имеющегося в распоряжении геополитического актора ресурсов и возможностей.

5. Наличие в Крыму цивилизационного идентитета России-Евразии должно стать критерием и одним из базовых условий разрешения «крымского вопроса» в формате признания российской принадлежности полуострова. Учитывая обстоятельство, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать «синергетический эффект», способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе, необходимо рассматривать феномен цивилизационной идентичности населения Крыма как фактор благоприятного для реализации российских национальных интересов России разрешения «крымского вопроса», инструмента, направленного на легитимацию акта

воссоединения Крыма с Россией, для чего целесообразна его концептуализации и внедрение в качестве значимого элемента в документы стратегического планирования Российской Федерации. Использование в механизме разрешения «крымского вопроса» концепции цивилизационного идентитета населения Крыма (как инструмента) позволит игнорировать существование противоречия в международном праве между правом народов на самоопределение и принципа территориальной целостности и в целом дихотомию права и политики в геополитическом конфликте. Использование такого геополитического инструментария во внешней и внутренней политике способно благоприятно повлиять на удовлетворение российских национальных интересов в процессе разрешения «крымского вопроса» (легитимация российской принадлежности Крыма и проч.), укрепить роль России в регионе и в мире, а также благоприятно сказаться на обеспечении ее национальной безопасности и международной безопасности в целом.

Гипотеза исследования. В настоящем исследовании на основе геополитического подхода в качестве гипотезы предложен механизм решения «крымского вопроса», определяющего содержание межгосударственных отношений России и стран Запада, базирующийся, с одной стороны, на игнорировании дихотомии права и политики в геополитическом конфликте, а с другой стороны, на предположении о том, что механизм решения «крымского вопроса» лежит не в правовой и политической плоскостях, а в геополитической, и носит комплексный характер, с точки зрения своего действия на внутреннем и внешнем направлениях.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они дают целостное научное представление о специфических чертах «крымского вопроса», ставшего атрибутом геополитического конфликта между Россией и коллективным Западом. Значимыми являются и определенные в рамках исследования возможности его разрешения политическим инструментарием на уровне тактики и стратегии в

целях обеспечения международной безопасности, национальной безопасности, реализации национальных интересов России, ее стабильного и поступательного развития. Предложенный в рамках исследования механизм геополитического воздействия на конфликт (модель разрешения «крымского вопроса») может быть рекомендован как теоретическая основа для разрешения «крымского вопроса», закрепления российского геополитического влияния в Азово-Черноморском регионе в целях обеспечения национальной и международной безопасности, а также методологической и прикладной базой международной практики разрешения проблем спорных территорий.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в деятельности государственных органов, отвечающих за формирование и реализацию Стратегии национальной безопасности РФ и Концепции внешней политики РФ, а также стабилизации отношений России и стран Запада, региональных государств, прогнозирования развития ситуации в Северном Причерноморье, преодоления противоречий, возникающих при столкновении российских национальных интересов с национальными интересами стран Запада, а также противоречий, существующих в российском обществе относительно «крымского вопроса». В частности, государственными и общественными структурами может использоваться предложенная в работе концептуализация категории «цивилизационный идентитет» в качестве геополитического инструмента, заняв соответствующее место в стратегических документах Российской Федерации (в разделе «Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем» Концепции внешней политики России, в Стратегии национальной безопасности), став своеобразным аттрактором для формирования нового фокуса в дискурсе по «крымскому вопросу» в России и за рубежом, и проч. Проведенное исследование может использоваться в процессе обучения студентов и слушателей образовательных учреждений, специализированных курсов для сотрудников министерств и ведомств Российской Федерации, занимающихся проблемами

управления и обеспечения национальной безопасности России в рамках реализации практической геополитики России в Евразии.

Степень достоверности и апробация исследования. Достоверность полученных в рамках диссертации результатов обеспечивается, во-первых, корректностью исходных методологических принципов, во-вторых, достаточной теоретической и эмпирической базой исследования, в-третьих, апробацией материалов и выводов исследования.

Результаты исследования были апробированы на международных конференциях и экспертных семинарах в формате научных докладов: Среднерусский научный форум «Общественные отношения в эпоху цифровизации: проблемы, вызовы и пути решения» (дискуссионная панель «Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты») (Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС г. Орёл, 4 декабря 2020 г.); Международный круглый стол «Внешняя политика России в условиях формирования нового мирового порядка» (ИПиНБ РАНхиГС, г. Москва, 20 апреля 2021 г.; Этносоциум и межнациональная культура. № 4 (154). С 116-120); VII Международной научно-практической конференции Факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, 23 июня 2021 г.); Международная научно-практическая конференция «Черноморское сотрудничество 2021» (Севастополь, Севастопольский государственный университет, Российский университет дружбы народов, Ассоциация Балтийско-Черноморских исследований, Черноморский информационно-аналитический центр, 21-22 октября 2021 г.); Второй евразийский аналитический форум- 2021 (Круглый стол РАНХиГС совместно с редколлегией журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» на тему: «Большое евразийское партнерство: восстановление значения национального суверенитета и разнообразия национальных политик развития» 12 ноября 2021 г.); Международная научная конференция «Западный фланг СНГ и Прибалтика: итоги 30 лет независимости» (Ассоциация Балтийско-

Черноморских исследований, Центр исследований постсоветских стран и журнал «Постсоветские исследования» Москва, 19 ноября 2021 г.).

Основные результаты и содержание настоящего исследования отражены в 7 опубликованных работах общим объемом 5,6 п.л., в том числе в 4 научных статьях в ведущих рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК, в 3 статьях в составе сборников статей, в том числе 4 в журналах, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС при Президенте РФ:

1. *Гапизов З.Р.* Позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу» // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т.15. №3. С. 244–257. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43101514_97680184.pdf

2. *Гапизов З.Р.* «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №82 (Октябрь). С. 270–289. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/82_2020gapizov.htm

3. *Гапизов З.Р.* Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85 (Апрель). С. 189–210. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2021/vipusk__85._aprel_2021_g./pravovie_i_politi tcheskie_aspekti_upravlenija/gapizov.pdf

4. *Гапизов З. Р.* Политико-правовые аспекты воссоединения Крыма с Россией // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты. Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.). Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. – Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 90–94.

5. *Гапизов З.Р.* «Крымский вопрос» и задачи пространственного развития России в контексте обеспечения национальной безопасности // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: вызовы и риски пространственного развития. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Москва, 23 июня 2021 г., Институт права и

национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ.) / Под общей ред. д-ра полит. наук А.В. Шевченко. – М.: «Издательство «Проспект», 2022. С. 120-127.

6. *Гапизов З.Р.* Варианты решения «крымского вопроса» в целях обеспечения национальной безопасности России // Западный фланг СНГ и Прибалтика: итоги 30 лет независимости. Материалы Международной научной конференции, Ассоциация Балтийско-Черноморских исследований (Москва, 19 ноября 2021 г.). — М.: URSS, 2023. С. 90-95.

7. *Гапизов З.Р., Харитонова Н.И.* Геополитическое противостояние вокруг Крыма: технологии и инструменты // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №79 (Апрель). С. 193–206. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/79_2020kharitonova_gapizov.htm

Результаты исследования также прошли апробацию в работе автора как независимого эксперта в работе с государственными органами и общественными организациями.

Структура диссертации определена поставленной целью и последовательно решаемыми задачами, и включает в себя введение, три главы, включающих восемь параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, ряд приложений.

Глава 1. «Крымский вопрос»
как атрибут геополитического конфликта

1.1. «Крымский вопрос» как проблема международных отношений: опыт теоретических интерпретаций

Вокруг «крымского вопроса» достаточно давно сформировался особый дискурс. Он получил новый импульс в 2014 г. после акта воссоединения с Россией, чему предшествовали трагические события государственного переворота на Украине. Многострадальная судьба Крыма стала объектом пристального внимания мирового сообщества, приложения всевозможных политологических моделей с целью доказать или опровергнуть целесообразность и правомочность воссоединения полуострова с Российским государством.

Новое звучание «крымского вопроса» и реакция на «крымскую весну» показали, сколь полярными являются позиции ключевых и второстепенных геополитических сил, сколь хрупка современная система международного права и сколь скоро меняется политический ландшафт современного мира. «Крымский вопрос» выявил глубокие противоречия между Россией и Западом, два с половиной десятилетия лежавшие под спудом партнерской риторики, декларируемых попыток выстраивания общей архитектуры безопасности в Европе, взаимных заверений в поддержке и вполне ощутимой взаимозависимости в вопросах энергобезопасности. Агрессивные действия, предпринятые коллективным Западом в ответ на «крымскую весну», продемонстрировали и цену этой риторики, и реальное положение дел в двусторонних и многосторонних отношениях со странами Североатлантического блока и их союзниками. Градус накала в отношениях России и США достаточно быстро превысил градус самых тревожных эпизодов холодной войны. А новые возможности информационной политики, благодаря развитию информационно-

коммуникационных технологий, фактически сделало это противостояние фатальным. Российское и американское общества, погруженные в нужным образом отформатированные информационные пространства, крайне тяжело переживали и переживают этапы активного противоборства двух политических систем и мировоззренческих моделей.

«Крымский вопрос» как проблема международных отношений имеет несколько измерений: политическое, правовое, геополитическое, цивилизационное и др. По актуальности и важности для современной системы международных отношений и перспектив ее развития ни одно из этих измерений не уступает другому. Более того, разные фокусы позволяют искать решение «крымского вопроса» на стыке этих измерений, заимствовать механизмы и наиболее удачный опыт для создания гибридных подходов, обещающих быть достаточно эффективными в стремительно меняющихся международных реалиях.

«Крымский вопрос» представляет собой комплекс противоречий в международной политике в связи с выходом Автономной Республики Крым из состава Украины, провозглашения независимости Республики Крым и последующим включением ее в состав Российской Федерации. «Крымский вопрос» как проблема международных отношений стала следствием краха советской системы и роспуска СССР. Поэтому предлагаемая в исследовании формулировка «крымский вопрос» представляет собой образное и во многом символичное заимствование из истории и практики международных отношений. «Восточный вопрос» - принятое в дипломатии и исторической литературе условное обозначение комплекса международных проблем второй половины XVIII – начала XX веков, возникших в связи с обострением соперничества европейских держав (Австрии, с 1867 г. – Австро-Венгрии, Великобритании, России, Франции, Италии), а затем и США за влияние на Ближнем Востоке в условиях ослабления Османской империи и подъёма национально-освободительно борьбы подвластных ей народов. Что примечательно, в рамках

«Восточного вопроса» Крыму принадлежала роль узла силовых линий[8]. Термин «Восточный вопрос» впервые был употреблён на Веронском конгрессе (1822 г.) Священного союза[9]. Примечательно, что первый этап истории «Восточного вопроса» (со второй половины XVIII века до Венского конгресса 1814-1815 гг.) характеризовался возраставшей ролью России на Ближнем Востоке, именно тогда в результате русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Крым перешел под контроль Российского государства (в 1783 г.). Между современными событиями и событиями более чем 200-летней давности можно провести массу исторических аналогий, характеризующих как сложность международных процессов в рамках двух исторических эпох, так и определенные закономерности, описанные и охарактеризованные теорией международных отношений. В связи с этим целесообразно использовать *термин «крымский вопрос» как обозначение комплекса международных противоречий, связанных с принадлежностью Крымского полуострова*.

Современные исследования политических противоречий вокруг Крыма характеризуются междисциплинарностью. На основе взаимодействия и взаимовлияния науки о международных отношениях, истории, правоведения, теории управления, этнологии, социологии при ведущей роли политической науки складывается *особый научный дискурс*, связанный с поиском решения противоречий и проблем, лежащих в основе «крымского вопроса».

К настоящему моменту специалистами предложены разнообразные теоретические интерпретации содержания и *политической* сущности «крымского вопроса». Большинство из них непосредственно связаны с историческим прошлым этого уникального региона и его местом в современной системе международных отношений.

[8] *Нарочницкая Н.А.* Крым в исторической судьбе России // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2. С. 13.

[9] Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1930560 (дата обращения: 28.08.2019).

Исторический подход занимает значительное место в системе исследований «крымского вопроса»[10]. В рамках подхода анализируются эпизоды истории полуострова, связанные со сменой его государственной принадлежности, его роль в истории Российского государства в ключевые периоды (прежде всего Крымская война 1853-1856 гг., Великая Отечественная война), в постсоветский период – российско-турецкие и российско-украинские отношения, проблема депортированных народов в исторической ретроспективе, проблема статуса русского языка, национальных меньшинств и национальных движений, этноконфессиональная ситуация на полуострове. Подавляющая часть таких исследований направлена на анализ исторических причин и предпосылок возникновения «крымского вопроса». Использование исторического подхода позволило исследователям удалось охарактеризовать особенности формирования современного этноконфессионального ландшафта Крымского полуострова, военно-политическое значение этих территорий для дореволюционной России, противоречивость акта передачи Крыма Украинской ССР и специфику бытования Крымской автономии в составе независимой Украины на разных этапах становления и развития украинской государственности и ее внешнеполитических ориентаций. Анализ работ, основывающихся на историческом подходе, показал, что в постбиполярный период, когда практически все постсоветские государства активно занимались нациестроительством, Украина, как и многие другие новые независимые государства проводила политику агрессивной коренизации населения (украинизации) в рамках унитарной модели государственного устройства, что не

[10] *Гайдамакин А.В.* История поправляет политиков // Национальные приоритеты России. 2014. №1 (11). С. 21–23; *Горшков М.К.* Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // Социологическая наука и социальная практика. 2018. №2 (22). С 7–16; *Дмитриев В.А*. Крым. Севастополь. Флот // Пространство и время. 2014, №2(16). С. 189–198; *Долгова Г.Н., Масляков Д.С.* Историко-политические основания республиканской субъектности Крыма // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. №2. С. 24–31; Евтюшкин И.В. Крымский автономизм в аксиологическом измерении // Научный вестник Крыма. 2016. №5. С. 1–15; *Коновалов В.С*. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2003. С. 63–70; *Кульпин Э.С.* Феномен Крыма с позиций социоестественной истории // История и современность. 2014. №1. С. 3–15; *Попов М.Ю., Карепова С.Г., Некрасов С.В.* Исторический и современный контекст интеграции Крыма в Российскую Федерацию: планы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т.4 (70). № S2. С. 148–153.

могло не сказаться на состоянии «крымского вопроса». Начавшийся процесс смены внешнеполитического вектора и в целом направления развития украинской государственности в середине 2000-х гг. привела к завершению формирования альтернативной исторической парадигмы, весьма своеобразно трактующей истоки украинской государственности, характера российско-украинских отношений и место в них Крымского полуострова. Новая историческая парадигма не была принята рядом украинских регионов, в числе которых был и Крым – именно здесь прошла линия идеологического, исторического и социокультурного противостояния двух парадигм. Они, наряду с парадигмами, господствующими в западной науке, обусловливают направленность подходов к теоретическим интерпретациям содержания и политической сущности «крымского вопроса». Характерной особенностью исторического анализа этой темы является крайне высокий уровень политизированности полученных результатов. В российской историографии встречаются работы, где недостаточная взвешенность оценок возмещается либо патриотическими лозунгами, либо критикой решения российского политического истеблишмента по воссоединению Крыма с Россией. В случае украинской историографии это объясняется незавершенностью процессов национального и государственного строительства, фактическим внешним управлением после событий государственного переворота 2014 г. и специфической ситуацией с легитимацией политической власти, когда ее недееспособность компенсируется активным мифотворчеством. Западная историография в основной массе также изобилует негативными оценками российской внешней политики на постсоветском пространстве – будь то проблема Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии или Крыма. Популярности работ, реализованных в рамках исторического подхода, способствует и высокий уровень восприимчивости современных постсоветских обществ к исторической тематике, что объясняется не только спецификой школьного образования, но и продолжающимися геополитическими трансформациями в Восточной Европе и в целом в Евразии. Актуализация

исторической тематики и отдельных исторических сюжетов, часто вырванных из общей канвы, становятся эффективным инструментом не только для аргументирования тех или иных внешнеполитических действий и их легализации во внутриполитическом поле, но и конструирования новой геополитической реальности в зонах национальных интересов. В целом, большинство отечественных специалистов, реализуя исторический подход в изучении крымской проблемы, оценивают возвращение Крыма в состав России как акт исторической справедливости и значимый рубеж во внешнеполитическом и внутриполитическом развитии страны.

Политический анализ сущности и содержания «крымского вопроса» традиционно осуществляется в виде анализа политических процессов, протекающих в Северном Причерноморье. Здесь, как и в случае реализации исторического подхода к изучению проблемы, важно то очевидное, что политические процессы в Крыму неотделимы от политических процессов на Украине и в России, а также регионального и глобального политических процессов.

Одними из ключевых направлений исследований сущности и содержания «крымского вопроса» являются политологические исследования, в основе которого лежит *социологический подход*[11]. Он, в частности, предполагает определение параметров зависимости политики от общества, выявление

[11] *Вдовиченко О. В., Масляков Д.С.* Политические особенности формирования многонационального сообщества в Республике Крым // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во ПИУ им. П.А. Столыпина, 2016. С. 17–20; *Волков Ю.Г.* Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). № S1. С. 9–21; *Галас М.Л.* Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Власть. 2017. №5. С. 108–115; *Ерохина О.В.* Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 2 (7); *Климова Д. В., Обринская Е.К.* Развитие национально-культурных автономий – необходимое условие формирования межнационального согласия (на примере Республики Крым) // Учен.зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 2. С. 22–27; *Коноплева А.А.* Регулирование межэтнических взаимоотношений в Республике Крым в рамках профилактики развития экстремизма // Символ науки. 2015. №.11. С. 72–74; *Костина А.С.* Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы // Знание. Понимание. Умение. 2016. №2. С. 138–152; *Никифоров А.Р.* Крымское региональное сообщество в трёх проекциях и измерениях // Вестник СевНТУ. 2012. № 136. С. 225–231; *Сараф М.Я.* Социокультурные аспекты интеграции Крыма в Россию // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. С. 425–427 и др.

социальной обусловленности политических явлений и процессов, в том числе влияние социальной структуры общества, культуры и идеологии на политическую систему. В большинстве работ в рамках указанного направления содержится оценка и характеристика этноконфессиональной ситуации в Крыму, и описание параметров взаимодействия (конфликтного, конкурентного, кооперационного) между различными этническими и конфессиональными группами, проживающими на полуострове. Большое внимание уделяется отношению молодежи в Крыму к этносоциальным процессам, а также узловым проблемам крымского общества, которые могут использоваться внешними силами в своих интересах (рост религиозного экстремизма, сепаратистские настроения в среде крымско-татарского этноса, межэтнические и межконфессиональные противоречия). Результаты отдельных исследований указывают на существование в Крыму региональной идентичности, что может рассматриваться как один из ключевых аргументов в пользу самоопределения народов Крыма.

Конфликтологический подход к определению сущности и содержания «крымского вопроса» используются специалистами с целью классификации политического конфликта вкруг Крыма. В рамках этого направления ведется поиск взаимоприемлемых путей разрешения конфликта и определения действия факторов среды международных отношений, способствующих или препятствующих разрешению конфликта с учетом интересов всех сторон[12]. Исследователи, работающие в рамках конфликтологического подхода, сущность конфликта вокруг Крыма определяют как международно-политический

[12] *Баранов А.В.* Трансформация сложносоставного конфликта в Крыму в условиях воссоединения региона с Россией: внутриполитические и внешнеполитические факторы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. №4. С. 92–105; *Большаков А.Г.* Внутренние вооруженные конфликты в странах Северо-Восточной Евразии в начале XXI в. : трансформация и перспективы завершения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т.35. Вып.1. С. 131–144; *Буденный А.А.* Формирование новой стратегической концепции союзников по отношению к России после украинского кризиса // Мировая политика. 2018. №2. С. 73–79; *Маркедонов С.М.* Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты // Постсоветские исследования. 2019. Т.2. №2. С. 951–962; *Отставнова Е.А.* Полуостров Крым и национальные интересы России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 83–87; *Яковлев А.Н.* Внешние риски развития социокультурной конфликтности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Том 4 (14). Вып. 3. С. 405–414.

конфликт, геополитический конфликт, конфликт национальных интересов, либо видят возможности ее разрешения в створе комбинаций традиционных методов разрешения политических конфликтов разного уровня, либо констатируют необходимость разработки принципиально новых методик с учетом большого количества факторов, влияющих на конфликтное взаимодействие сторон.

Геополитический подход с каждым годом становится все более востребованным специалистами, занимающимися проблемами Северного Причерноморья. Располагающиеся в ресурсных регионах или на пересечении стратегических линий современные государства постоянно подвергаются давлению со стороны существующих и нарождающихся центров силы. Далеко не всегда это влияние или разного рода экспансия этих центров силы могут быть охарактеризованы и оценены с помощью инструментария политической, исторической, экономической или военной наук. Зачастую, с такой задачей может справиться только теория геополитики, представляющей собой синтез концептов целого пласта гуманитарного знания. Так, в пользу использования геополитического подхода при анализе региональных проблем свидетельствует, в частности, проект «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья», реализованный Севастопольским государственным университетом в коллаборации с Лабораторией комплексного картографирования географического факультета МГУ, специалистами из НИУ-ВШЭ, Института географии РАН, Крымского федерального университета и др.[13] Отечественные авторы, работающие в рамках геополитического подхода, исходят из того, что Крым является стратегически важным регионом для обеспечения национальной безопасности России и залогом стабильности в Азово-Черноморском регионе и примыкающего сегмента Средиземноморского региона[14].

[13] См.: *Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. №1. С. 67–73.

[14] *Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 67–73; *Киселев С.Г.* Трансформация мировой геополитической модели: последствия для России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №2(38). С. 61–64; *Киселев С.Н., Киселева Н.В.* Размышления о Крыме и

Ряд работ отечественных специалистов, посвященных «крымскому вопросу» базируются на *цивилизационном подходе*[15]. Использование цивилизационного подхода позволило авторам прийти к выводу, что «крымский вопрос» в современном измерении является производной от конфликта разных цивилизационных идентичностей. Ключевым фактором в «крымском вопросе» является то, что Крым располагается на линии «цивилизационного разлома», а сложная этноконфессиональная обстановка на полуострове и последствия информационной войны между Россией и Западом лишь усугубляют ситуацию и делают перспективы разрешения конфликта вокруг Крыма туманными.

В рамках *теории международных отношений*, *системной теории* «крымский вопрос» рассматривается как результат конфликта, в котором участвуют субъект мировой политики, территория, отколовшаяся в результате сецессии, и другие субъекты мировой политики, и который протекает в условиях постбиполярного мира (нового мирового порядка). Основное внимание в таких исследованиях уделяется политическому конфликту между Россией и Украиной, Россией и США, Россией и ЕС, Россией и военно-политическим блоком НАТО[16]. В отдельных исследованиях констатируется, что существовавшая до 2014 г. возможность появления военно-морских баз НАТО в Крыму являлась прямой угрозой национальной безопасности России. Согласно результатам исследований по этим направлениям, предполагается, что разрешение «крымского вопроса» возможно либо в рамках современной международно-правовой системы, либо по мере изменений структурного характера в системе международных отношений при изменении «баланса сил» и «расстановки сил», а

геополитике. Симферополь, 1994; *Швец А.Б.* Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 19–29.

[15] *Тамбиянц Ю.Г.* Проблематика интеграции Крыма и России в свете цивилизационного подхода // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). № S2. С. 243–247; *Сенюшкина Т. А.* Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. М. : Наука и политика, 2014. С. 182–191.

[16] *Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 26–41; *Кудлай А.А.* Региональная социально-политическая безопасность как новая стратегия безопасности для Крымского полуострова // Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 1 (50), С. 19–22; *Отставнова Е.А.* Полуостров Крым и национальные интересы России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 83–87.

также с учетом набирающего силу «права сильного»[17]. Апелляции к историческому прошлому, цивилизационным аспектам, другим факторам оцениваются в рамках данных подходов как неэффективные и даже вредные.

Проблема Крыма занимает существенное место и в *дискуссии о международно-правовых основаниях* воссоединения Крыма с Россией. Российские правоведы в своих работах обосновывают легитимность решения Москвы о включении Крымского полуострова в состав Российской Федерации[18]. Исследователи отмечают, прежде всего, тот факт, что в международном праве «не существует точности и единообразия применения соответствующих норм, поскольку в основополагающих принципах международного права есть некоторые противоречия, позволяющие разрешать ту или иную ситуацию с нужным для ряда государств результатом»[19]. Содержащееся в базовых международных документах противоречие между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств создает возможность и условия для проведения политики «двойных стандартов» ключевым игрокам современной мировой политики. Такого подхода придерживаются США и их союзники по блоку НАТО в оценке различных ситуаций с «де-факто» государствами, территориями со спорным статусом в

---

[17] См.: *Харитонова Н.И.* Непризнанные государства: «спорная субъектность» как вызов международной безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. Том 12. № 2. 2017. С. 64–76.

[18] *Валяровский Ф.И., Цапко М.И.* К вопросу о международно-правовых основаниях провозглашения независимости Республики Крым // Теория и практика общественного развития. 2017. №. 2. С. 71–73; *Вельяминов Г.М., Вознесенская Н.И., Курбанов Р.А.* Воссоединение Крыма с Россией // Закон и право. 2019. №1. С. 15–24; *Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 26–41; *Галиев Р.С.* Принятие Республики Крым в состав Российской Федерации (международно-правовой аспект) // Развитие государственности и права в Республике Крым : материалы Всерос. науч.-практ.конф. / под общ. ред.С. А. Буткевича. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2016. С. 33–36; *Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.* Право народов на самоопределение, международное право и федерализм (анализ событий в Шотландии, Каталонии и Крыму) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 13–19; *Карташкин В.А.* Судьба Крыма и международное право // Обозреватель-Observer. 2015. №10. С. 109–116; *Кошкин А.П., Черданцев В.В.* Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №2. С. 273–278; *Курилюк Ю.Е., Семеновский И.Д.* Правовой аспект вхождения Крыма и Севастополя в состав России // Научные записки молодых исследователей. 2014. №2. С. 73–78; *Томсинов В.А.* «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. №5. С. 3–32; *Цыкунов Г.А.* Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т.25. №3. С. 550–555.

[19] *Каламкарян Р.А., Галиев Р.С.* Международно-правовая оценка принятия Республики Крым в состав Российской Федерации // Алтай. юрид. вестн. 2015. № 4 (12). С. 49.

различных регионах мира. Уже хрестоматийным стал пример признания Косова, получивший в научной литературе название «косовский прецедент», который, по замыслу США и их сателлитов не подлежит «копированию» при разрешении схожих конфликтов (т.е., абхазской и южно-осетинской проблем, приднестровского конфликта, «крымского вопроса» и проч.). Указанная политика «двойных стандартов» позволила странам Запада провести в марте 2014 г. через ГА ООН резолюцию № 68/262 «О территориальной целостности Украины» и обосновать с ее помощью санкционную политику, направленную против Республики Крым и Российской Федерации.

Следует иметь в виду, что российские, украинские специалисты и специалисты на Западе свободно толкуют события 2014 г., а также предшествующие и последующие события в рамках «крымского вопроса». Как правило, исследовательские трактовки в подавляющем большинстве случаев совпадают с официальными оценками, транслируемыми правящими элитами на внешних и внутренних направлениях. Отличные от официальных, исследовательские оценки чаще всего можно встретить в России, где либеральный лагерь политиков, общественных деятелей и интеллектуалов свободно транслируют на всевозможных площадках, включая университетские аудитории, альтернативные оценки действий российских властей на украинском и крымском направлении. Однако такая позиция слабо представлена в отечественных научных публикациях (в основном она касается дискуссионных моментов международно-правовых оснований воссоединения, оценки общественного мнения россиян, событий «крымской весны» и последующего процесса интеграции полуострова, исследований социально-экономических и имиджевых потерь России в результате санкционной политики Запада в отношении нашей страны).

Важно отметить тенденцию рассматривать сущность и содержание «крымского вопроса» сквозь призму российских национальных интересов[20], что характерно для большинства современных российских исследователей (аналогичная ситуация имеет место на Украине, где проблема Крыма рассматривается практически исключительно сквозь призму украинских национальных интересов). Это подтверждается и исследованиями отечественного научного дискурса по проблеме Крыма[21]. В своих исследованиях авторы указывают на ключевую роль Российской Федерации в недопущении массового насилия в Крыму в феврале-марте 2014 г. (повторения ситуации на Донбассе), недопущении расширения блока НАТО на восток, реализации чаяний российского народа в восстановлении исторической справедливости, последовательность действий Москвы в решении «крымского вопроса», политическую значимость этих шагов, успешной интеграции полуострова в качественные пространства Российского государства. Как указывает Н.А. Нарочницкая, «для России историческая задача обеспечить прочность своих границ в Черноморско-Кавказском регионе была и остается не только вопросом военной безопасности. Это средство и условие успешного выстаивания между агрессивными и динамичными цивилизациями, опора в достижении равновесия между ними. Равновесие же обеспечивает некоторое усмирение цивилизационной экспансии»[22].

Итак, обобщение опыта теоретических интерпретаций содержания и политической сущности «крымского вопроса» показало, что именно политический фактор является определяющим в решении проблемы

[20] *Кирсанова Е.Г., Панкратов С.А.* Воссоединение Крыма с Россией в контексте тенденций и противоречий развития современного политического процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т.21. №6. С. 76–82; *Киселев С.Н.* «Пять постулатов крымского регионализма»: двадцать лет спустя // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5(5). Вып.1. С. 34–38; *Милецкий В.П.* Реинтеграция Крыма в социально-экономическое пространство России в контексте современных политических мегатрендов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. С. 362–366; *Отставнова Е.А.* Полуостров Крым и национальные интересы России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 83–87 и др.

[21] См.: *Вилков А.А.* Проблематика Крыма в отечественном научном дискурсе 2014-2019 гг. // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 473–477.

[22] *Нарочницкая Н.А.* Крым в исторической судьбе России // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2. С. 14.

принадлежности полуострова и именно он определяет перспективы разрешения «крымского вопроса». В международном измерении перспективы статусного роста и положения в системе России также во многом зависит от состояния изучаемой проблемы.

В целом современные исследователи акцентируют свое внимание на причинах и предпосылках формирования комплекса противоречий между Россией и странами Запада, которое можно определить как «крымский вопрос» (разные направления исследований определяют их различным образом), и фазах конфликтного взаимодействия. В большинстве работ по исследуемой проблеме, претендующих на научную объективность, указывается, что разрешение «крымского вопроса» в рамках международно-правового поля желательно, но недостижимо, а возможности политического процесса разрешения этой проблемы международных отношений блокируется очевидными различиями в подходах конфликтующих сторон и их союзников. Кроме того, комплексный анализ используемых различными исследователями подходов и предлагаемых механизмов к разрешению «крымского вопроса» показал, что они обладают общим недостатком. Последний заключается в том, что исследователи часто не учитывают или учитывают в незначительной степени динамику изменений в современной системе международных отношений, повышающийся уровень ее сложности и нелинейность связей между субъектами и объектами системы. В такой сверхсложной системе неизбежно появление «смысловых аттракторов» как символов конфликтного взаимодействия, наиболее четко обозначенном в геополитическом измерении. Крым, помимо функции объекта конфликта, играет именно такую роль в противостоянии России и коллективного Запада – он является *атрибутом геополитического конфликта* (См. Рис.1.).

Рис. 1. Крым в геополитической парадигме.

Таким образом, можно прийти к выводу об отсутствии теоретически обоснованных решений «крымского вопроса» как *проблемы современных международных отношений*. «Крымский вопрос» как проблема играет значительную роль в современных международных отношениях, являясь объектом воздействия третьих сил и выполняя дополнительные функции. Более того, характер изменений в ныне существующей системе международных отношений демонстрирует, что «крымский вопрос» представляет собой *вызов* стабильности, международной безопасности и национальной безопасности России. Следовательно, поиск решений «крымского вопроса» в рамках политологического знания может рассматриваться в качестве *научной проблемы*. Научная разработка конкретного механизма и набора инструментов и их последующая апробация могут лечь в основу теоретико-методологического обоснования использования модели разрешения «крымского вопроса» для политологического анализа проблемы разрешения политических конфликтов вокруг спорных территорий и соответствующих политических практик с целью обеспечения международной глобальной и региональной безопасности.

1.2. Геополитическое значение Крыма: критический анализ

Крымский полуостров является крупным полуостровом, который вдается достаточно глубоко с севера в Азово-Черноморский бассейн. От Черноморских проливов, связывающих Черное море со Средиземным морем, Крым находится на незначительном удалении. Географическое расположение Крымского полуострова, весьма обособленного от материковой части узким перешейком, в самом центре Азово-Черноморского региона, а также близость к первому черноморскому проливу Босфор и непосредственная близость к Керченскому проливу, делает этот участок суши ключевой, с точки зрения геополитики, территорией всего Причерноморья.

Глядя на географическую карту, становится очевидно, что на пространстве Евразии Крым занимает уникальное геополитическое положение. Полуостров представляет собой природную, цивилизационную, этническую и экономическую рубежную зону, своеобразный исторический перекресток. Здесь по сей день сохраняются следы разных культур, имеющих тысячелетнюю историю (древнегреческая, древнеримская, иранская, иудаистская, эллинистическая, византийская, мусульманская, генуэзская, армянская, тюркская и проч.) Столетиями между различными этносами и культурами на полуострове складывались отношения и тесное взаимодействие между этносами, в основе которых лежали интенсивные торговые и культурные контакты. Всякий раз, когда очередная война нарушала сложившийся торговый уклад в Северном Причерноморье — Таврида приходила в запустение.

Специфика геополитического и геостратегического положения полуострова последние два с половиной тысячелетия во многом определяется общностью исторической судьбы Крыма с крупными государствами и империями в Евразии. В этом ряду стоят Афинский морской союз, империя Александра Македонского, Римская и Византийская империи, Тюркский и Хазарский каганаты. Большое влияние на Крым позже оказывали Монгольская

империя, Киевская Русь, Великое княжество Литовское, Османская и Российская империи. Не прошли бесследно для Тавриды влияние культур Древней Эллады (более пяти столетий), Древнего Рима (более трех столетий), Византии (тысячелетие), Османской империи (три столетия) и Российской империи / Советского Союза (два столетия). Здесь важно отметить, что евразийская школа отечественной геополитики рассматривает советский этап истории Евразии как новый этап развития Российской империи. Не меньшее значение, чем империи, для геокультурного и этнического ландшафта Крыма имели Херсонес, Ольвия и другие города-государства, а также Скифия и Боспорское царство, генуэзские города-колонии, княжество Феодоро и Крымское ханство.

Ключевое значение для формирования и укрепления современной геополитической идентичности населения Крыма и Севастополя имело включение в конце XVIII в. полуострова в сферу геополитического контроля России. Так, в соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) Крымское ханство объявлялось полностью независимым от Османской Порты. Манифест о включении Крымского ханства, Таманского полуострова и Кубани в состав Российского государства был издан императрицей Екатериной II в 1783 г. Далее, согласно условиям заключенного между Российской и Османской империями Ясскому мирному договору (1791 г.), Крым окончательно вошел в состав Российского государства.

Значимыми событиями был наполнен и советский период история края. Так, в период гражданской войны в Крыму были провозглашены и действовали Крымско-татарское национальное правительство, Крымское краевое правительство белых, Советская Социалистическая Республика Таврида, Крымская ССР и Правительство Юга России. Лишь осенью 1921 г. (18 октября) на полуострове была создана Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР), существовавшая в межвоенный период. Однако уже ходе Великой Отечественной войны предоставленная

крымским татарам автономия была ликвидирована. Ее место заняла образованная в короткие сроки Крымская область в составе РСФСР. Советское руководство уделяло ситуации в Крыму большое внимание. Однако Москва, рассматривала эту территорию, как и другие, имевшие не меньшее геополитическое значение, в качестве элемента административного управления в рамках огромного Советского государства. Так, уже в 1954 г. в период активной фазы борьбы за власть (перед XX съездом КПСС) Крымский полуостров был передан Украинской Советской Социалистической Республике. Соответственно, после роспуска СССР в 1991 г., с 1992 по 2014 гг. Крым вместе с Севастополем являлись суверенной территорией современной независимой Украины на правах автономии (автономные права Крыма были весьма ограничены, фактически можно говорить о существовании Крыма в тот период в составе унитарной Украины).

История Азово-Черноморского региона показывает, что геостратегическое положение Крымского полуострова превратило его в арену этнонациональных, этноконфессиональных, геополитических и военно-политических конфликтов. Полуостров стал местом, игравшим роль истока православия на всей Руси, приобщения русского государства к великой византийской культуре. Одновременно он стал местом жесткого противоборства разных цивилизаций, великих и мировых держав.

За последние 150 лет Крымский полуостров минимум трижды становился эпицентром вооруженных конфликтов, имевших колоссальные масштабы и последствия, зачастую общемирового значения. Речь идет о Крымской войне середины XIX в. (зачастую оцениваемой как «нулевая мировая война»), Гражданской и Великой Отечественной войных в XX в. Крымская военная кампания 1853-1856 гг. оставила глубочайший след в культурных кодах всех ее участников. Россия, единолично выступавшая против объединенных европейских великих держав и Османской Порты, коренным образом изменила принципы своей внешней политики, поставив во главу угла национальную

безопасность и национальные интересы. Именно печальные итоги Крымской войны стали импульсом к проведению Великих российских реформ середины – второй половины XIX века, благодаря которым на рубеже столетий Российская империя вышла на первое место в мире по темпам экономического развития.

В ходе Ялтинской конференции (1945 г.) по итогам Второй мировой войны в Крыму были заложены основы нового мирового порядка (определившего контуры биполярного мироустройства) и утверждены принципы существования и деятельности Организации Объединенных Наций, включая принцип незыблемости послевоенных границ. Именно на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. решался вопрос о составе и правилах голосования в Совете Безопасности ООН – тогда союзники одобрили так называемую «ялтинскую формулу», которая предусматривала, что «право вето» не должно применяться при решении процедурных вопросов, а страна, являющаяся одной из сторон конфликта, должна воздержаться от голосования при принятии решений, касающихся мирного урегулирования международных споров[23]. Однако, послевоенный мировой порядок, в 1990-х гг. не продемонстрировал способность не допускать и разрешать этнонациональные и этноконфессиональные конфликты, которых было огромное количество во всем мире.

В постсоветский период истории Северного Причерноморья Крым стал площадкой для апробаций различных политических практик, реализуемых в рамках построения украинской государственности. Итоги его оказались крайне печальны для экономики региона и для многонационального населения.

Очевидно, одной из ключевых причин непрекращающегося кризиса управления на независимой Украине и в украинском Крыму стал «географический нигилизм» правящей элиты, нежелание и неумение использовать во внешне- и внутриполитической практике весьма обширного

[23] *Запарий Ю.В.* Миротворческие операции ООН: эволюция концепции и ее реализация (середина 40-х - начало 70-х гг. XX в. Екатеринбург, 2005. С. 16.

набора уже укорененных и лишь формирующихся в пределах украинской государственной территории геополитических и политико-географических образов. Отказ политической элитой Украины от учета региональной специфики во внутренней политике, упор на унитарную модель административного устройства при наличии латентных этноконфессиональных конфликтов привели к возникновению многих острых внутриполитических проблем. Как раз одной из таких проблем традиционно является крымская проблема или «крымский вопрос». Однобокость политики официального Киева вызывало явное неприятие крымчан. Они весьма остро реагировали на перманентное игнорирование интересов населения полуострова официальным Киевом. Политическая линия на явное ограничение прав Крымской автономии в составе Украины, сопровождающиеся попытками полностью нивелировать культурно-исторические отличия населения Крыма от материковой части Украины, откровенная политика украинизации в ущерб русской культуре и прочее – все это вызывало скрытый протест и поиски местной элитой возможных вариантов исправления ситуации.

В настоящее время Киев безусловно сохраняет геополитические интересы в отношении Крымского полуострова, базирующиеся на желании вернуть полуостров под свой фактический контроль. Кроме того, в интересах Киева значимое место занимает непосредственно Керченский пролив, играющий ключевую роль как морской путь к портам Азовского моря (Мариуполь, Бердянск, Геническ). Не меньший интерес Украина испытывает к северо-западному шельфу Чёрного моря (между крымским Тарханкутом и Одессой). Интересует современную украинскую правящую элиту и их западных союзников и общие вопросы безопасности в Азово-Черноморском регионе.

Крымский полуостров выступает в качестве места сосредоточения и своеобразного притяжения геополитических и геостратегических интересов прежде всего Российской Федерации, Турецкой Республики, США и Европейского Союза. Дело в том, что на территории полуострова располагается

удобная портовая инфраструктура (речь идет об оборудованных и приспособленных для современной экономической и военно-политической деятельности морские порты Севастополь, Феодосия, Керчь). Наряду с привлекательной инфраструктурой, неприкрытый интерес указанных стран к Крымскому полуострову обусловлен военно-стратегическим преимуществом расположения. С военно-стратегической точки зрения, полуостров представляет собой «непотопляемый авианосец», распоряжение которым предоставляет право и возможность контролировать весь Азово-Черноморский регион, а то и все Средиземноморье.

Важным является и геоцивилизационный фактор. Как указывает Ю.А. Узлов[24], «нарастающие волны цивилизационной обособленности и этнической исключительности, перманентной конфликтности и вражды актуализируют утверждения американского социолога С. Хантингтона[25], представляющего исследуемый регион как «пограничную зону» с высоким уровнем конфликтности, возникающую в месте столкновения интересов различных историко-культурных типов»[26]. Н.А. Нарочницкая подчеркивает: «Вся история Черноморско-Средиземноморского региона — это история столкновения, экспансии и взаимодействия цивилизаций»[27].

Геополитические образы также занимают важное место в геополитике региона. Эти образы создаются его богатой историей и уникальной природой, собственно политико-территориальной реальностью полуострова. Они непосредственным образом связаны с пространством всего Причерноморья и такими крупными регионами как Восточная Европа, Кавказ, Малая Азия и шире – Европа и Азия. Сегодня они активно формируются в системе крайне

[24] *Узлов Ю.А.* Интеграция Крыма и Кавказа в геокультурное пространство России (XVII-XIX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №5 (27). С. 18.

[25] *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

[26] *Узлов Ю.А.* Интеграция Крыма и Кавказа в геокультурное пространство России (XVII-XIX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №5 (27). С. 18.

[27] *Нарочницкая Н.А.* Крым в исторической судьбе России // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2. С. 11.

непростых и разнонаправленных взаимоотношений между Россией и Украиной, Россией и Турцией, Россией и Западом.

С точки зрения экономики, Крыму традиционно отводилась роль всесоюзной здравницы. В период, когда полуостров входил в состав независимой Украины, экономика автономии была в основном ориентирована на туристический сезон. По настоящий момент рекреационное хозяйство является одной из ведущих отраслей экономики полуострова. Кроме того, в республике традиционно развивается сельское хозяйство, особенно садоводство и виноградарство. В северной части Крымского полуострова расположены плодородные черноземы, позволяющие выращивать и экспортировать зерновые культуры. Кроме того, здесь производятся рыбные консервы, эфирные масла и виды и типы сельскохозяйственной и пищевой продукции.

Крымский полуостров располагает и собственными нефтяными и газовыми месторождениями. Для переработки добываемых полезных ископаемых предназначены располагающиеся на территории полуострова важные предприятий химической промышленности – ЗАО «Крымский ТИТАН», ОАО «Крымский содовый завод», ПАО «Бром» и проч.

Однако, с точки зрения инфраструктуры, необходимой для поступательного развития экономики, имеются существенные недостатки, ставшие последствием пренебрежительного отношения к полуострову со стороны официального Киева. Так, Крым зависим от электроэнергии, поступающей с территории Украины, водных ресурсов Северо-Крымского канала, поставок продовольствия и пр. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что на момент выхода из состава Украины весной 2014 г. Крым не обладал реальной экономической базой и ресурсами для подлинно независимого развития.

Таким образом, любая форма «независимости» Крыма изначально должна была рассматриваться как тактический шаг в ходе реализации геостратегии, направленной на усиление геополитических позиций в Азово-

Черноморском регионе и/или, соответственно, вытеснение из указанного региона геополитического оппонента, который реализует здесь ровно такую же стратегию. Такая ситуация характеризует типичное *перекрестное геополитическое поле*, за контроль над которым идет непрекращающееся соперничество в историческом измерении. В геополитическом и военно-стратегическом плане Крым представляет собой *геополитическую точку*, на обладании которой выстраивается стратегия расширения сферы геополитического влияния вовне. Именно поэтому история Крыма преисполнена сюжетов, связанных с борьбой геополитических сил за влияние на полуостров. Попытки представить интерес к полуострову как «заботу о братской независимой Украине», «заботу о безопасности русскоязычного населения» и прочим, являются не более, чем политической риторикой для «широкой мировой общественности».

Реализуемая США с 2001 г. Евразийская геостратегия, направленная, с одной стороны, на установление контроля над Азиатско-Тихоокеанским регионом через ограничение сферы влияния Китая, а с другой стороны, на вбивание клина между Европейским союзом и Россией и втягивание их в борьбу с исламизмом, столкнулась с неожиданным препятствием. А именно – включение Крыма, являющегося, с точки зрения теории геополитики, геополитической точкой, в состав Российской Федерации. Во многом вынужденное решение российского политического истэблишмента «разрушило данный глобальный сценарий, чем открыло новый период в системе международных отношений»[28]. Евразийскую геостратегию США были вынуждены существенно скорректировать, отложив «наступление» на Китай на неопределенное время и сосредоточив все усилия на противодействие Москве. Возвращение Крыма в состав России было расценено коллективным Западом как попытка реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России, как

[28] *Морозов И.Л.* Геополитическая безопасность современной России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 112.

запуск проекта «СССР. Версия 2.0». Сценарий противодействия «русской весне» строится на политике международной изоляции России и санкциях.

Вместе с тем, для подавляющей части специалистов на Западе «крымский вопрос» в общем и весьма упрощенном виде сводился к межгосударственному спору России и Украины за советское наследство. Примерно в таком же ключе подвергался анализу и весьма сложный и многосоставный конфликт политического свойства между населением Крымского полуострова и официальным Киевом. При этом суть конфликта на Западе определялась не иначе как «крымский сепаратизм»[29]. Таким образом, можно констатировать, что большая часть исследователей на Западе и на Украине оценивают позицию Российской Федерации в вопросе о Черноморском флоте и статусе Крыма и Севастополя не иначе как «имперскую» и, соответственно, как агрессивную. В свою очередь, большая часть специалистов в Крыму и в России весьма последовательно обращают внимание на слабость позиции и явные недоработки российской правящей элиты в отношении полуострова[30]. Точка зрения последних изменилась в 2014 г. после фактического включения Крыма в состав Российской Федерации. Так, в частности, подчеркивается, что Россия именно после событий 2014 г. вернула себе статус одной из ведущих мировых держав[31], в стране сложился «крымский консенсус»[32].

Немаловажное значение для понимания сущности «крымского вопроса» имеет рассмотрение ситуации вокруг Крыма на этапе «парада суверенитетов». В тот период судьба полуострова решалась в рамках системы взаимодействий

---

[29] *Мальгин А.* Крымский узел. Очерки политической истории крымского полуострова. 1909-1999. Симферополь, 2000. С. 6.

[30] *Евтюшкин И.В.* Крымский автономизм в контексте распада СССР // Теория и практика общественного развития. 2014. №7. С. 86.

[31] *Киселев С.Н.* «Пять постулатов крымского регионализма» двадцать лет спустя // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5(15). Вып. 1. С. 37.

[32] *Никифоров А.* Политические перспективы Крымской весны: взгляд с дистанции пяти лет. 18.03.2019 // Russkie.org [Сайт]. URL: https://russkie.org/articles/politicheskie-perspektivy-krymskoy-vesny-vzglyad-s-distantsii-pyati-let/ (дата обращения: 10.10.2022).

союзного руководства с новыми политическими элитами УССР и РСФСР. Сложная политическая игра, большое количество внешних факторов, играющих зачастую определяющее влияние на процесс принятия политических решений, необходимость выстраивать ситуативные союзы и коалиции политических сил, привели к тому, что интересы населения Крыма были проигнорированы. А последующий расклад геополитических сил в Азово-Черноморском регионе был во многом обязан именно кулуарным договоренностям, легитимизированным в ряде международных договоров и соглашений.

Таким образом, геополитические процессы, протекающие в Азово-Черноморском регионе, можно рассматривать не только в рамках геополитического подхода, но и с точки зрения системного подхода к пониманию политической реальности. Системный подход позволяет рассматривать происходящие события вокруг Крыма как реакцию политических акторов в рамках союзной политической системы на вызовы, связанные с роспуском Советского Союза на центральном и региональном уровне. Здесь важно отметить, что имевшая место в 1990-1991 гг. автономизация Крыма (во-многом номинальная) была обусловлена не только и не столько этническими факторами, но и геополитическими. Речь идет о том, что Крымская автономия в составе Украины возникла как механизм защиты прав русских, крымских татар и представителей других этнических групп, проживающих в Крыму. Однако, с другой стороны, провозглашение независимости и выход Украинской ССР из состава СССР вместе с Крымской Автономной ССР явился результатом непростого политического компромисса в «крымском вопросе» между политическим руководством УССР и РСФСР. Как подчеркивает И.В. Евтюшкин, «институт крымской автономии выступил в роли противовеса националистическим устремлениям украинских политических элит, проводивших политику этнократического унитаризма»[33]. Стоит ли говорить о том, что в нынешних условиях полная реинтеграция Крыма и его населения в

[33] *Евтюшкин И.В.* Крымский автономизм в контексте распада СССР // Теория и практика общественного развития. 2014. №7. С. 88.

состав Украины, независимо от ее административно-территориального устройства, неприемлема? При этом необходимо констатировать, что интеграция Крыма в геополитическое и геокультурное пространство России является сложной и весьма дискуссионной проблемой. Последнее является следствием существующей полиэтничности Азово-Черноморского региона, а также весьма специфической системы историко-культурных ориентаций населения (например, крымских татар на тюркский мир, и на Турцию, в частности). Это, в свою очередь, делает практически невозможным однозначный характер выводов о возможностях и итогах такой интеграции.

Итак, суть геополитического положения Крыма следует охарактеризовать таким образом: полуостров, расположенный в стратегически важном районе тесного взаимодействия стран Европы, России, Украины и Турции. Контроль над полуостровом гарантирует контроль над всем Северным Причерноморьем. Используя категории-максимы, предложенные Х. Маккиндером[34], можно предложить следующий вариант: Кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море (т.е. обеспечивает активное перемещение грузов из Восточной Европы в Ближний Восток, Индию, Африку, Америку), кто контролирует Черное море, тот контролирует Средиземное море, кто контролирует Средиземное море – тот контролирует Мировой Остров (геополитическая категория из модели Х. Маккиндера, включающая в себя материки Евразию и Африку). С этой точки зрения Крым важен не просто как порт, посредством которого можно осуществлять удобные транзиты, для Украины, России, Казахстана и др. стран Центральной Азии, а как ключевая геополитическая точка (или, как указывает Н.А. Нарочницкая, – «стратегическая точка»[35]), контроль над которой обеспечивает геополитическое превосходство в Восточном полушарии.

*** *** ***

[34] См.: *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 5, № 10.

[35] *Нарочницкая Н.А.* Крым в исторической судьбе России // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2. С. 11.

В первом разделе диссертационного исследования была осуществлена развернутая постановка научной проблемы с учетом ее исходного состояния, приведены результаты анализа научного дискурса по «крымскому вопросу», обоснованы целесообразность использования геополитического подхода для решения сформулированной научной проблемы и перспективы использования ее результатов. Применение методов системного, конфликтологического и исторического подходов, сравнительного анализа позволило обосновать возможность использования термина «крымский вопрос» как обозначения комплекса международных противоречий, связанных с принадлежностью Крымского полуострова, доказать, что «крымский вопрос» является атрибутом геополитического конфликта между Россией и Западом и вызовом международной безопасности и национальной безопасности России, а также выдвинуть предположение, что механизм разрешения «крымского вопроса» может стать моделью для политических практик по разрешению конфликтов вокруг спорных территорий. Использование, наряду с обозначенными выше методами, положений теорий международных отношений, теории международной безопасности и теории управления позволило выявить ключевое значение Крыма как геополитической точки в Восточном полушарии, что объясняет многовековое соперничество за обладание и геополитической контроль над этой территорией. По подобию трех максим Х. Маккиндера выведены три максимы относительно геополитического значения Крыма и его роли в формировании геополитического превосходства и обеспечении национальной безопасности России как иллюстрации геополитического значения Крыма для современного Российского государства.

Глава 2. Геополитическое и политико-правовое измерение «крымского вопроса»

2.1. Политико-правовые аспекты вхождения Крыма в состав РФ

Разрешению геополитического конфликта вокруг Крыма представляется нереализуемой задачей без принятия во внимание политической и правовой составляющих аспектов «крымского вопроса». Вместе с тем в современных международных отношениях, глобальной политике и международном праве существует определенная двойственность в подходах. Она определяется противоречием между двумя следующими принципами: правом народов на самоопределение и сохранением территориальной целостности государств. Однако учет этих международно-правовых принципов необходим для решения геополитического конфликта вокруг Крыма, и определения дальнейшей судьбы полуострова.

В работах Карташкина В.А., Романовского Г.Б., Тимофеева Е.В., Томсинова В.А., Цыкунова Г.А. и др.[36] обстоятельно изучены историко-правовое и государственно-правовое основания для декларирования и постулирования независимости Крыма от Украины и его последующего воссоединения с Россией. Большое внимание авторы уделяют и оценке работ зарубежных коллег и политических решений правительств и международных организаций относительно ситуации в Крыму 2014 г. и последующих событий, что имеет принципиальное значение для выстраивания государственной политики, направленной на решение «крымского вопроса».

[36] *Карташкин В.А.* Судьба Крыма и международное право // Обозреватель-Observer. 2015. №10. С. 109–116; *Романовский Г.Б.* Итоги воссоединения Крыма с Россией: правовые вопросы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4, № 3. С. 35–42; *Тимофеев Е.В.* Новые аспекты права наций на самоопределение // Московский журнал международного права. 1993. №4. С. 100–113; *Томсинов В.А.* «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 5. С. 3–32; *Цыкунов Г.А.* Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т.25. №3. С. 550–555.

Целью этого подраздела диссертации является демонстрация принципиальной важности политических и правовых аспектов воссоединения Крыма и России для последующего закрепления статуса полуострова, а также достаточность юридических и политических оснований для реализации народом Крыма права на самоопределение. Для достижения цели были использованы системный подход, ретроспективный метод, сравнительный и юридический анализ текстов.

Оценивая свершившийся факт воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., необходимо обозначить следующие очевидные положения, в целом, не требующих доказательств, которые стали отправными для последующего анализа, а именно:

- современное население Крыма неоднократно и четко артикулировало свои интересы в совместном с России будущем;

- полуостров является критически важной территорией для обеспечения национальной безопасности России;

- народ Крыма воспользовался правом на самоопределение в ситуации паралича государственной власти на Украине, с точки зрения ее функциональности и дееспособности;

- обострение «крымского вопроса» было связано, прежде всего, с неадекватной внутренней и внешней политикой официального Киева;

- возвращение Крыма в состав России является актом восстановления исторической справедливости.

«Крымский вопрос» в контексте принципов международного права

Принцип самоопределения народов постулируется в п. 2. ст. 1. Устава ООН[37]. Генеральная Ассамблея Организации Объединенный Наций в 1960 г. приняла «Декларацию о предоставлении права на независимость колониальным

[37] Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С.7–33.

странам и народам от метрополий»[38]. В ней подчеркивается, что «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»[39]. Это право также зафиксировано в Пактах о правах человека. В 1974 г. в Резолюции Генассамблеи об определении агрессии (принята в 1974 г.) отмечается, что использование оружия и вооруженной силы не является препятствием для реализации имеющегося у народа права на самоопределение. Преимущественно оно распространяется на находящихся «под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства»[40]. Согласно этой Резолюции, в других случаях это право должно реализовываться исключительно мирно при согласии всех участвующих сторон. Наконец, в соответствии с Декларацией Генассамблеи ООН «О принципах международного права»[41], (принята в 1970 г.) для реализации народом своего права на самоопределение считается возможным «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом»[42].

Анализируя обозначенную проблему с позиций современного международного права, отмеченные международно-правовые акты можно считать применимыми исключительно, когда идет обсуждение прав народов и наций[43]. При этом дискуссионным является вопрос о распространении этого права на национальные меньшинства. Это связано с тем, что абсолютное большинство современных государств категорически против этого, ясно осознавая, что наделение меньшинств подобным правом может привести к

[38] Резолюция ГА ООН № 1513 (XV).

[39] Резолюция ГА ООН № 1513 (XV). п.2.

[40] Резолюция ГА ООН № 3314 (XXIX). ст.7.

[41] Резолюция ГА ООН № 2625 (XXV).

[42] Там же.

[43] Обращает на себя внимание отсутствие общепринятых определений этих понятий.

неконтролируемым процессам, вплоть до развала суверенных государств. За меньшинствами, согласно Декларации Генассамблеи ООН (принята в 1992 г.), закреплено только право участия в государственной жизни, в том числе в общественной и экономической, культурно-религиозной сферах. Так, «они могут пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме»[44]. Однако, накопленный исторический опыт борьбы меньшинств с оружием в руках за формирование отдельных государств принудил международное сообщество купировать их высокую активность правыми нормами. В соответствии с ними все государства обязаны разрешать возникающие конфликты исключительно без применения вооруженной силы и мирным путем. Аналогичный принцип – «неприменения силы и территориальной целостности»[45] – является частью Декларации Генассамблеи ООН о принципах международного права. Указанные выше принципы являются взаимозависимыми и должны рассматриваться в общем контексте.

В тоже время распространен подход, в соответствии с которым указанный принцип – неприменения силы и территориальной целостности – направлен на защиту целостности государств при вмешательстве извне и в первую очередь относится к конфликтам, в которых участвуют несколько стран, и не распространяется на процессы, протекающие в рамках одного государства. Вероятно таким образом необходимо понимать соответствующие положения двух ключевых документов – Устава ООН и Хельсинкского Заключительного акта[46]. Подобный подход не связывает напрямую между собой принцип территориальной целостности государств и права отдельных народов на самоопределение. Согласно общим подходам, он является национальным или

[44] Резолюция ГА ООН № 47/135.

[45] Резолюция ГА ООН № 2625 (XXV).

[46] См.: *Курилюк Ю.Е., Семеновский И.Д.* Правовой аспект вхождения Крыма и Севастополя в состав России // Научные записки молодых исследователей. 2014. №2. С.75.

внутригосударственным, и закрепленным в существенно большем массиве правовых норм. Более того, принцип права на самоопределение имеет более высокий статус, чем принцип территориальной целостности государства, в том случае если последнее не отвечает другим основополагающим принципам международного права: равноправия и самоопределения народов. При этом принцип территориальной целостности должен отстаиваться, когда государства соблюдают права населяющих его народов на самоопределение.

Принципы самоопределения народов и территориальной целостности государств закреплены в ряде важных международно-правовых актов, в первую очередь это Устав ООН, Хельсинкский Заключительный акт (принят в 1975 г.). В них существенное внимание уделяется мирному урегулированию споров между отдельными международными акторами. Отступления от этих норм, как было отмечено, делается в тех случаях, когда народы находятся в колониальном подчинении или под оккупацией. В такой ситуации, по мнению специалистов по международному праву, народ может выйти из состава государства, сформировав своё, или войти в состав другого, лишь после получения согласия данного (материнского) государства, а также после проведения плебисцита. Ученые отмечают, что все попытки меньшинств отделиться от государств через применение силы (в качестве примеров приводятся попытки создания Ичкерии, Курдистана и ряд других), в большинстве случаев не достигают успеха[47]. На основе этого правоведы-международники приходят к выводу о целесообразности примата права народов на самоопределение над принципом территориальной целостности[48].

Выбор того, какой из рассматриваемых принципов является преимущественным, является важной проблемой для Российской Федерации в свете политического урегулирования ряда конфликтов на постсоветском

[47] *Карташкин В.А.* Судьба Крыма и международное право // Обозреватель-Observer. 2015. №10. С.12–13.

[48] См.: *Задохин А.Г.* Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы // Обозреватель-Observer. 2005. №5. С.13–24; *Тимофеев Е.В.* Новые аспекты права наций на самоопределение // Московский журнал международного права. 1993. №4. С.100 и др.

пространстве. Наиболее заметными из них являются южно-осетинско-грузинский конфликт, абхазско-грузинский, а также приднестровский[49]. Особую важность для нашей страны эта дихотомия обрела в 2014 г. после проведения в Республике Крым референдума о независимости от Украины и вхождения в состав России.

Рассматривая данный пример, ученые-международники уверены, что здесь присутствуют все ключевые условия для реализации народом Крыма его права на самоопределение. Среди них:

- несоблюдение властями государства, в состав которого входит общность, желающая самоопределиться, важнейшего принципа равноправия отдельных народов (фиксировались факты дискриминационной политики в отношении русского, крымско-татарского и ряда других национальных языков);

- существование историко-правовой основы для самоопределения народа Крыма, (в качестве примера может быть отмечен факт передачи Крыма Украине в 1954 г. с нарушением ключевых принципов и норм международного права или тот факт, что референдум о выходе Крымской АССР из состава Советского Союза на территории полуострова не проводился вопреки существовавшим тогда правовым нормам);

- реализация плебисцита, в котором приняло участие всё населения самоопределяющегося региона, а не отдельные этнические общности, при этом результат референдума показал желание более чем 95 % населения региона (АР Крым и Севастополя) войти в состав Российской Федерации.

«Крымский вопрос»: советский и постсоветский опыт

Вся сложность и противоречивость ситуации с самоопределением народов в международном праве исключительно ярко демонстрируется в рамках «крымского вопроса». Акт присоединения Крыма к России специалистами расцениваются по-разному. Часть специалистов, называющая действия РФ как

[49] См.*: Харитонова Н.И.* Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. М., 2019.

минимум «неоднозначными», считают что плебисцит в Крыму был осуществлен без согласия и участия официальных властей Украины, в нем не были учтены интересы всех сторон, при этом референдум проходил под давлением со стороны российских вооруженных сил[50]. Вместе с тем, эти специалисты не обращают внимания на тот факт, что передача Крыма Украинской ССР в 1954 г. осуществлялась с нарушением ключевых международно-правовых норм. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 19.02.1954 г.) «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»[51] был подписан только Н.С. Хрущевым. Однако в соответствии с действовавшей в тот момент Конституцией СССР и другими правовыми нормами такие вопросы должен был урегулировать Верховный Совет страны. В этом случае можно отметить, что передача Крыма в состав УССР фактически не имела юридической силы «ab initio»[52]. Вместе с тем, под давлением Хрущева они были рассмотрены, приняты и утверждены[53].

Также можно отметить, что в соответствии со ст. 53 Венской конвенции, «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречил императивной норме общего международного права»[54]. При переводе Крыма в состав УССР было нарушено право его народа на самоопределение. В связи с чем, возврат Крыма в состав России является легитимным, так как изначально передача была незаконной. Этой точки зрения придерживается большинство специалистов, считающих, что воссоединение Крыма с Россией стало актом, отвечающим нормам международного права.

---

[50] *Карташкин В.А.* Судьба Крыма и международное право // Обозреватель-Observer. 2015. №10. С.114.

[51] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Гарант [Информационно-правовой портал]. URL : http://base.garant.ru/185534/ (дата обращения: 12.03.2020).

[52] с момента принятия

[53] *Вельяминов Г.М., Вознесенская Н.И., Курбанов Р.А.* Воссоединение Крыма с Россией // Закон и право. 2019. №1. С. 16.

[54] Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М.: Юридическая литература, 1997. Ст.53.

Оправданной является и критика в адрес руководства РСФСР, а затем и РФ в период с конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Исследователи подчеркивают, что «легкость, с которой Россия отказалась в 1991 г. от своих прав на Крым, вызывает не просто удивление, а и недоумение»[55]. Специалисты предполагают, что во многом это объясняется стремлением к достижению российской элитой консенсуса с руководящими кругами Украины. В условиях «парада суверенитетов», руководство России пыталось найти в Киеве партнеров по противодействию союзному центру. Соответственно, инициативы Крымского областного совета по автономизации не нашла поддержки у руководства РСФСР, несмотря на обращения[56]. В результате «крымский вопрос» был решен без участия союзного центра. Между УССР и РСФСР был подписан Договор (19.11.1990 г.) в ст. 6 которого закреплялась территориальная целостность республик в границах, которые были очерчены в рамках Советского Союза[57]. Здесь целесообразно отметить позицию тогдашнего политического руководства РФ. Так, Президент России Б.Н. Ельцин в ходе дискуссии на поставленный ему вопрос, планируется ли обсуждение проблемы статуса Крыма на заседаниях ВС РФ, подчеркнул: «Это дело народа Крыма и Верховного Совета УССР. Мы на эту провокацию не поддадимся, будем уважать суверенитет Украины»[58].

Обращает на себя внимание тот факт, что руководство СССР планировало в проекте нового договора между республиками включить автономии в состав Советского Союза как отдельные субъекты. Полномочные представители Верховного Совета автономии даже принимали непосредственное участие в работе над проектом такого документа летом 1991 г. Однако эта инициатива столкнулась со значительным сопротивлением

[55] *Киселев С.Н., Киселева Н.В.* Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь, 1994. С.33.

[56] Там же.

[57] *Усов С.А.* Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (историко-политологический анализ) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2003. С. 171.

[58] Крымская правда. 1990. 23 ноября.

части политических элит, и не продвигалась вперед, а августовский путч 1991 г. фактически закрыл дискуссию по этой теме.

Руководство РСФСР не изменило свою позицию по Крыму после фактического развала СССР. В конце августа 1991 г. делегация РСФСР на переговорах в Киеве подтвердила положение подписанного в ноябре 1990 г. Договора, в котором Украина оставалась в пределах границ, установленных в СССР[59].

Позиция России, прежде всего Б.Н. Ельцина, оказывала негативное влияние на руководство Крымской АССР. Несмотря на то, что в республике существовали пророссийские настроения оно всего лишь повторяло действия Киева по отношению к союзному центру, и во многом придерживалось выжидательной позиции. Реакцией на провозглашение независимости Украины[60] от СССР стало принятие ВС Крымской автономии декларации «О государственном суверенитете Крыма»[61] (принята 4 сентября 1991 г.). Поскольку руководство России заявляло, что у него нет территориальных претензий к Украине, реально ирредентистских действий осуществлено не было. Республиканский статус Крыма дал возможность сформировать на его территории ряд важнейших пророссийских движений, таких как Республиканское движение Крыма[62], из которого выросла Республиканская партия Крыма, и прочие.

Референдум о получении независимости от Украины был проведен в Крыму в декабре 1991 г. Специалисты оценивают результаты этого плебисцита как важнейшее правовое обоснование для выхода Украинской ССР из

---

[59] *Усов С.А.* Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (историко-политологический анализ) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2003. С. 186–187.

[60] Акт провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 г. // Правда Украины. 31 августа 1991 г.

[61] Декларация «О государственном суверенитете Крыма» от 4 сентября 1991 г.// Ведомости Верховного Совета Крыма. 1991. № 2. Июль – сентябрь. С. 80.

[62] Примечательно, что в документах этой политической силы партии фигурировали идеи по формированию в Крыму республики со всеми правами независимого суверенного государства, а также проведения референдума о статусе полуострова

Советского Союза вместе с Крымской автономией. Вместе с тем специалисты не учитывают то обстоятельство, что Украина вышла из состава СССР вопреки закону «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»[63]. Так в ст. 3 этого закона отмечается, что «в союзной республике, имеющей в своем составе автономии, референдум о выходе республики из состава СССР должен проводиться отдельно по каждой автономии»[64]. Сам факт, что референдум о выходе Крымской автономии из состава Союза на территории полуострова не был реализован, также не был принят внимание при подготовке и подписании Соглашения о создании СНГ (8 декабря 1991 г.) главами России, Украины и Беларуси. Таким образом, выход УССР из состава СССР вместе с Крымской автономией стал последствием компромисса, при решении «крымского вопроса», достигнутого между руководством Украины и России. Здесь как нельзя лучше демонстрируется, как политика становится доминирующим над правом фактором. Сиюминутное совпадение политических и геополитических интересов новых элит двух новых независимых государств позволило проигнорировать нормы международного и национального законодательства и интересы населения Крыма во второй раз в рамках одного поколения.

Современное измерение «крымского вопроса»

Закономерно, что расхождение геополитических интересов и внешнеполитических ориентаций двух государств на фоне политики этнократического унитаризма Киева в отношении полуострова неизбежно ставили «крымский вопрос» в совершенно новые условия. Учитывая тот факт, что автономность Крыма появилась как механизм соблюдения и защиты прав русского, крымско-татарского населения, а также представителей других этнических групп, родиной которых является полуостров, события осени-зимы 2013-2014 гг. на Украине, резко актуализировавшие «русский вопрос», не могли

[63] Закон СССР от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» [Электронный ресурс]. URL: http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1737 (дата обращения: 18.03.2020).

[64] Там же

не отразиться на состоянии «крымского вопроса». В результате они во многом стали прямо ассоциироваться друг с другом (не в последнюю очередь благодаря эффектам от использования информационно-коммуникационных технологий в гибридном противоборстве между Москвой и Киевом).

Немаловажным является то обстоятельство, что к 2014 г. население Крыма уже ясно определилось в своих устремлениях, оказав поддержку отдельной части украинской политической элиты. В качестве примера следует отметить результаты выборов в Верховную раду Украины в 2012 г., когда в Крыму подавляющее большинство голосов получила «Партия регионов»[65]. Соответственно, игнорирование интересов населения Крыма не могло не иметь последствий.

В контексте внутриполитического и гражданского противостояния на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг. имел место вполне предсказуемый сценарий, в рамках которого сторонники восточного геополитического вектора обратятся за поддержкой к России. Именно так и случилось. 1 марта 2014 г. Президент Украины В.Ф. Янукович и Председатель Совета министров Республики Крым С.В. Аксенов выступили с обращением к Президенту РФ В.В. Путину, и попросили оказать содействие в сохранении мира и спокойствия на территории полуострова. В действующей Военной доктрине РФ (от 5 февраля 2012 г.) подчеркивается, что «считается правомерным применение вооруженных сил и других войск… для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права»[66]. Глава Российской Федерации, полагаясь на пункт «г» части 1 ст. 102 Конституции РФ внес в Совет Федерации РФ обращение «об использовании Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-

[65] *Романовский Г.Б.* Итоги воссоединения Крыма с Россией: правовые вопросы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4. № 3. С. 39.

[66] Военная доктрина Российской Федерации (Указ Президента РФ№ 706 от 21.04.2000 г.). М.: МИД РФ, 2000 (в редакции 2012 г.).

политической обстановки в этой стране»[67]. Совет Федерации согласовал инициативу Президента. При этом необходимо подчеркнуть, что при четком соблюдении законодательства нашей страны в части, касающейся использования ВС РФ за пределами России, до настоящего момента эта инициатива реализована не была (тем не менее, обвинения в использовании ВС РФ постоянно звучат в адрес России со стороны ее геополитических оппонентов). И если исходить из того, что принцип территориальной целостности касается только взаимодействия двух и более государств, оценка Запада действий России как «аннексии Крыма» не является адекватной.

Усугубление общественно-политической ситуации в регионе заставило руководство Республики Крым 6 марта принять решение о проведении 16 марта 2014 г. референдума о независимости и возможном дальнейшем вхождении автономии в состав Российской Федерации. Уже 11 марта 2014 г. была принята «Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя»[68]. Как отмечает М.Ю. Волконская, «Выбор крымчан был обусловлен теми негативными процессами, которые к тому времени начали складываться в Украине: рост национализма и неонацизма»[69]. Вместе с тем дискуссионным остается вопрос, можно ли было проводить референдум самостоятельно, без участия Киева. Дихотомия проблемы связана с тем, что в соответствии со ст. 73 Конституции Украины, вопросы об изменении территориальной целостности должны решаться исключительно в рамках проведения общенационального плебисцита[70]. Однако в ч. 2 ст. 7 Конституции АР Крым (принята в 1998 г.) указано, «что территория Республики может быть изменена с учетом решения республиканского (то есть местного) референдума и

[67] Путин внес в СФ обращение об использовании войск на территории Украины // ТАСС [Информационное агентство]. URL: https://tass.ru/politika/1013802 (дата обращения: 10.03.2020).

[68] Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя от 11.03.2014. [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым [Официальный сайт]. URL: http://crimea.gov.ru/app/2988. (дата обращения: 10.03.2020).

[69] *Волконская М.Ю.* Гуманитарные права крымчан и западная политика «двойных стандартов» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т.7. №4. С. 84.

[70] Конституция Украины от 26.06.1996 р. К., 1996.

решения Верховной Рады Автономной Республики Крым в соответствии с Конституцией Украины»[71]. Объективно на Украине существовало серьезное противоречие юридического порядка в определении прав Крымской автономии. Оно могло привести к очередному кризису в рамках «крымского вопроса» при любом изменении внутри- или внешнеполитической обстановки вокруг Украины.

Важно также отметить, что крайне важный для Крыма референдум[72] прошел после принятия Декларации о независимости Крыма, при этом политическая элита региона ссылалась на прецедент признания независимости Косово решением Международного Суда ООН. Обращает на себя внимание, что референдум в Косово не проводился, и в целом, как утверждают специалисты, процедура признания была менее демократична, чем крымская[73]. Как полагает Томсинов В.А., есть все основания считать решение, принятое Международным Судом ООН о том, что «декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 г., не нарушает международного права», решением, легитимизирующим и другие правовые документы, относящиеся к схожим случаям[74]. Таким образом, формально власти Крыма не допустили нарушения норм международного права, и, что немаловажно, национальных правовых норм Украины. Что касается проведенного на полуострове плебисцита, большинство экспертов считают, что «именно референдум позволяет наиболее полно и адекватно учесть мнение населения по вопросу самоопределения той или иной территории»[75].

---

[71] Конституция Автономной Республики Крым от 21 октября 1998 г: утв. Законом Украины от 23 декабря 1998 г. // Відомості Верховної Ради України. 1999. № 5–6.

[72] За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% проголосовавшего населения Крыма (участвовало 83,01% населения Крыма, имеющего право голосовать) и 95,6% – Севастополя (участвовало 89,5% населения Севастополя, имеющего право голосовать). Результаты референдума были утверждены Комиссиями по проведению референдума 17 марта 2014 г.

[73] См.: *Кошкин А.П., Черданцев В.В.* Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №2. С. 273–278.

[74] Цит.по: *Томсинов В.А.* «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 5. С. 15.

[75] *Валяровский Ф.И., Цапко М.И.* К вопросу о международно-правовых основаниях провозглашения независимости Республики Крым // Теория и практика общественного развития. 2017. №2. С.71.

Логичным продолжением референдума и принятия Декларации о независимости стали Постановление «О независимости Крыма» и Решение «О статусе города Севастополя». Указанные документы подписаны 17.03.2014 г. В них закреплялся суверенный и независимый и статус Крыма и особый статус города Севастополя. Кроме того, в них также отражено обращение политического руководства и народа Крыма к ООН и всем странам мира о необходимости признании нового суверенного государства. Также обращение содержало просьбу к руководству РФ о принятии Крыма и Севастополя в состав нашей страны в качестве отдельных субъектов[76]. Необходимо подчеркнуть, что накануне «крымской весны», на Украине произошел антиконституционный переворот, и от власти был отстранен президент В.Ф. Янукович. О том, что новые власти в Киеве представляли интересы всех народов Украины, говорить не приходится. Вспышки ксенофобии только усугубляли ситуацию. Как указывает Н. Нарочницкая, «после антигосударственного переворота на Украине в 2014 г. русскому населению Крыма грозило полное подавление его идентичности»[77]. Именно эти факты стали поводом для обращения властей Крымской автономии к России за помощью и содействием в проведении референдума о самоопределении Крымской республики. Так Крым реализовал положения Декларации о принципах международного права и других документов, лежащих в основе международного права в рамках своей компетенции. Результатом стало предложение о включении нового субъекта международных отношений – Республики Крым – в состав Российского государства. Тот факт, что АР Крым вошла в состав другой страны сразу после объявления независимости является беспрецедентной в современной мировой политике[78].

[76] См.: Постановления «О независимости Крыма» от 17 марта 2014 г. // Гарант [Информационно-правовой портал]. URL : http://base.garant.ru/23700012/ (дата обращения: 13.03.2030).

[77] *Нарочницкая Н.А.* Крым в исторической судьбе России // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2. С. 7.

[78] *Рогов И.И.* Украинский кризис: предварительные замечания по интеграции АР Крым в состав Российской Федерации // Электронный вестник Ростовской социально-экономического института. Вып.1 (январь-март), 2014. С. 28.

Мировое сообщество отреагировало на факт проведения референдума и его результаты весьма оперативно. 21 марта 2014 г. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) в своем Заключении (носит рекомендательный характер) отметила неправомерность проведения референдума об отделении Крыма от Украины (п. 27) и несоответствии референдума европейским демократическим стандартам (п. 28)[79]. Против принятия Заключения Против проголосовала лишь член Венецианской комиссии от РФ, директор института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ Т. Хабриева. 27 марта.2014 г. была принята Резолюция ГА ООН № 68/262 «О территориальной целостности Украины». Здесь подчеркивалось, что «референдум, проведенный в АР Крым и в городе Севастополе 16 марта 2014 года, не имея законной силы, не может быть основой для любого изменения статуса Автономной Республики Крым и города Севастополя»[80]. Вместе с тем изучение международно-правовых документов, результаты которого приведено выше, а также оценки специалистов по международному праву, говорят об обратном. Соответственно, можно прийти к выводу, что непризнание мировым сообществом результатов референдума в Крыму связано не с международным правом, а исключительно с политическими причинами и собственными геополитическими интересами. Это особенно явно при сравнении с ситуацией вокруг Косово, когда Международный Суд ООН фактически признал легитимным одностороннее провозглашение независимости края.

Ключевые аргументы российской стороны были озвучены Т. Хабриевой и ее заместителем, профессором В. Лафитским в комментарии к вышеупомянутому Заключению Венецианской комиссии, которые, однако,

---

[79] Заключение на тему «соответствует ли конституционным принципам принятое Верховным Советом Автономной Республики Крым в Украине решение об организации референдума о вхождении в состав Российской Федерации или восстановлении Конституции Крыма 1992 года», принятое Венецианской комиссией на ее98-я пленарная сессия (Венеция, 21-22 марта 2014 г.) [Электронный ресурс] // Венецианская комиссия [Официальный сайт]. URL: www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e (дата обращения: 22.09.2022).

[80] Резолюция ГА ООН № 68/262.

были проигнорированы. По мнению представителей России в комиссии, решение о проведении референдума невозможно оценивать вне историко-правового, фактического конституционного и международно-правового контекста, раскрывающего истоки и движущие силы происходящих в Крыму событий. В комментарии подчеркивалось, что «Крым в течение многих столетий входил в состав России и что акт 1954 г. о передаче Крыма Украине нарушал действовавшие в то время конституционные требования; что февральский переворот 2014 г. создал на Украине ситуацию конституционно-правовой неопределенности и что в таких условиях преобладающее конституционно-правовое значение для Крыма приобретают конституционные акты и волеизъявление народа Крыма; что необходимо учитывать международно-правовые гарантии на самоопределение народа Крыма как нацменьшинства на Украине»[81].

Основываясь на обращении Государственного Совета Крыма к ООН руководство РФ, признала независимость Крыма. Признание состоялось 17 марта 2014 г. В. В. Путин в своем Указе №147 отметил следующее: «учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., признать Республику Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, в качестве суверенного и независимого государства»[82].

Власти Крыма обратились к России с предложением о принятии республики и г. Севастополь в состав Российской Федерации в качестве субъекта Федерации в статусе республики. Нормами, регулирующими данный процесс, являются Конституция РФ и Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. №6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». В соответствии с п. 2. ст. 4. указанного закона «принятие в Российскую

[81] Как Европейская комиссия принимала решение по крымскому референдуму // Российская газета. 17 апреля 2014.

[82] Указ Президента РФ от 17 марта 2014 г. №147 «О признании Республики Крым». П.1.

Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части осуществляется по обоюдному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным (межгосударственным) договором»[83]. Договор между РФ и Республикой Крым о принятии в состав нашей страны Республики Крым и образовании двух новых субъектов Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополь был подписан 18 марта 2014 г. в Москве.

После подписания данного документа Президент РФ обратился в Конституционный Суд России с запросом о его соответствии Конституции нашей страны. Конституционный Суд России признал данный международный договор отвечающим нормам основного документа России 21 марта 2014 г[84]. Далее был принят Федеральный закон №36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в состав РФ Республики Крым и образовании в составе РФ двух новых субъектов»[85]. В рамках этого закона был установлен до 01 января 2015 г. переходный период, предусматривающий всестороннюю интеграцию новых субъектов в системы РФ. Указом Президента РФ от 21 марта 2014 г. № 168 был образован Крымский федеральный округ, а 31 марта 2014 г. сформировано Министерство по делам Крыма.

Следовательно, Российская Федерация закрепила «свою высокую традиционную легитимность на полуострове юридически, когда почувствовала

---

[83] Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001г. №6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Ст.4., п.2.

[84] Постановление Конституционного Суда России от 19 марта 2014 года №6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в Российской Федерации новых субъектов».

[85] Федеральный закон от 21.03.2014 г. № 36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38219 (дата обращения: 12.11.2020)

угрозу ей со стороны расширяющегося НАТО»[86] после незаконной смены власти в результате государственного переворота на Украине.

Международные последствия возникновения «крымского вопроса» были учтены в содержании поправок в Конституцию Российской Федерации, принятых общероссийским голосованием летом 2020 г. Так, ст. 79 в новой редакции предусмотрено, что решения межгосударственных органов, противоречащие Конституции РФ, не подлежат исполнению[87]. Другими словами, решения межгосударственных организаций, направленные на восстановления статус-кво на начало 2014 г. в отношении принадлежности Крыма, Российской Федерацией не будут браться в расчет при реализации ее внешней и внутренней политики.

Однако мировое сообщество не признает российскую принадлежность Крыма, и даже ближайшие союзники России не готовы признать Крым российским. В числе основных аргументов тех, кто считает этот акт воссоединения Крыма с Россией нелегитимным следующие:

- в Крыму Киев не проводил политику насильственной украинизации и не осуществлял дискриминацию русскоязычного населения;

- население Крыма не имело право на референдум по вопросу самоопределения, т.к. на момент проведения референдума в Крыму не осталось легитимных органов власти, которые могли объявить, организовать и провести референдум, отсутствовала законодательная база для проведения местных референдумов, согласно ст. 73 Конституции Крыма, вопросы об изменении территории Украины решаются исключительно всеукраинским референдумом;

---

[86] *Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 39.

[87] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 года № 6 ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7 ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11 ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Официальный сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 12.11.2020)

- «косовский прецедент» не мог стать образцом для самоопределения Крыма, т.к. в Крыму не было массового вооруженного насилия в рамках межэтнического конфликта, в отличие от Косова, Республика Крым просуществовала всего два дня, российский военный контингент был заинтересован в результатах референдума в отличие от контингента НАТО в отношении территориальной принадлежности независимого Косова;

- Россия осуществила аннексию Крыма, т.к. для проведения референдума не было правовой базы, власти, принявшие решение о референдуме, не были легитимными, внешняя лигитимизация также не состоялась, т.к. международное сообщество не признало независимость Крыма, как и российскую принадлежность полуострова;

- аргумент о защите российскими военными населения Крыма от нацистского режима в Киеве после Майдана 2014 г. не состоятелен, как и утверждение, что в противном случае Крым разделил бы судьбу Донбасса, т.к. ситуация на Донбассе стала следствием аннексии Крыма, а на остальных 93% территории Украины киевский режим никому не угрожал и не угрожает;

- присоединение Крыма сопровождалось насилием над местным населением («референдум под дулами Калашниковых»);

- большинство крымчан было против вхождения в состав России (приводится информация о 40% сторонников присоединения на 2014 г. со ссылкой на данные соцопросов), а результатам референдума нельзя доверять, т.к. он проводился в условиях «открытой российской оккупации»;

- против воссоединения выступали не только Меджлис крымско-татарского народа, но и украинцы, и русские в рамках массовых акций протеста, гражданский раскол в Крыму наблюдался не по национальному, а по идеологическому признаку;

- Запад никогда не признает российский суверенитет над Крымом, т.к. ни одна из семи аннексий с 1945 г. не была признана мировым сообществом, аннексия Крыма запускает практику силового пересмотра послевоенных границ.

Указанные аргументы несмотря на свою несостоятельность активно используются противникам России в политических дискуссиях и в информационном противостоянии. При этом фигурируют отсылки к Резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН[88] и отчетам ОБСЕ. Фактически такой подход игнорирует волеизъявление населения Крыма, высказанное на референдуме. Как отмечает М.Ю. Волконская в таком случае должна идти речь о нарушение гуманитарных прав крымчан; «под эти нарушения подпадают водная блокада Крыма, санкции по ограничению передвижения граждан, энергетическая и продовольственная блокада, а также экстремистская и террористическая деятельность радикальных националистических групп, собственно, и самого государства Украина против крымчан»[89].

Охарактеризовав политическую и правовую стороны процесса воссоединения Крыма с Россией, становится очевидным, что неприятие геополитическими оппонентами России этого факта, обоснованного и прозрачного с правовой точки зрения, лежит в сугубо политической плоскости. Однако правовой и политический аспекты являются составными элементами системы международных отношений. В связи этим, любой факт международной политики необходимо рассматривать с учетом правового и политического[90]. Право представляет собой структурированную реальность, правда, не

[88] Речь идет прежде всего о следующих резолюциях: Резолюция ГА ООН № A/RES/68/262 от 27 марта 2014 года «О территориальной целостности Украины»; Резолюции ГА ООН № 74/17 от 9.12.2019 и № 75/29 от 7.12.2020 «Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь, Украина, а также районов Черного и Азовского морей»; Резолюции ГА ООН №71/205 от 19 декабря 2016 года, № 72/190 от 19 декабря 2017 года, № 73/263 от 22 декабря 2018 года, № 74/168 от 18 декабря 2019 года 14 ноября 2020 г. «Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина».

[89] *Волконская М.Ю.* Гуманитарные права крымчан и западная политика «двойных стандартов» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т.7. №4. С. 88.

[90] *Харитонова Н.И.* Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. М., 2019. С.172.

лишенную серьезных противоречий, именно поэтому к нему государства обращаются в первую очередь, мотивируя свои политические решения или оспаривая аналогичные решения своих политических оппонентов. В условиях глобальных геополитических сдвигов и при усилении такого фактора как «право сильного» это проступает особенно наглядно. Политика «двойных стандартов», реализуемая коллективным Западом в отношении «крымского вопроса» стала следствием не только противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств в международном праве в условиях нового мирового порядка, сколько существующей возможностью свободного выбора (которое можно представить как «пространством для политического маневра) между легитимными действиями (регламентируемыми нормами международного права) и реализацией национальных интересов, базирующегося на «праве сильного».

Воссоединение Крыма с Россией обладает всеми ключевыми признаками демократической процедуры осуществления права народов на самоопределение. Оно юридически обосновано и легитимно, но вместе с тем специфично. Специфика определяется тем, что воссоединение стало в определенном смысле следствием роспуска СССР, когда украинские власти не продемонстрировали способности выстроить адекватную политику в отношении Крымской автономии, а также в целом неспособность властей Украины за последние 30 лет выстроить полноценное суверенное, независимое, социально-ориентированное государство, чуждое этнократической политике.

Таким образом, изменение правового статуса Крыма можно рассматривать в рамках комплексного подхода к пониманию политической реальности, как реакцию ключевого геополитического актора – России – в рамках современной мировой системы на вызовы, связанные, кроме прочего, с эрозией международного права, выражающейся в двойной трактовке его ключевых норм. В ходе реагирования на вызов, который в России расценивается как вызов безопасности, актуализировалась проблема соотношения принципов

международного права – принципа равноправия и самоопределения народов и принципа территориальной целостности. Однако, если взглянуть на ситуацию шире, можно констатировать, что в качестве базового противоречия необходимо рассматривать соотношение между международным правом и национальными интересами как политической категорией.

2.2. «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России

В период постсоветской истории Крым играл особую роль в обеспечении национальной безопасности России. Попытка стран Запада, традиционно выступающих в роли геополитических оппонентов России, вывести полуостров из зоны российского влияния заставил Россию предпринять решительные действия по сохранению этого влияния и его упрочению. В обстановке, сложившейся на южных рубежах Российской Федерации, Москва пошла на беспрецедентный в новейшей мировой истории шаг – включение в состав Российского государства территории, пусть ранее и отторгнутой в совершенно иных исторических и международно-политических условиях. Этот шаг, повлекший за собой крайне негативную реакцию мирового сообщества, в особенности стран Запада, имел огромное значение для населения России и Русского мира в целом. Признание независимости Крыма и последующее включение его в состав Российской Федерации носило характер четкой артикуляции осознанных национальных интересов и понимания необходимости создания условий для их реализации и конструктивного способа обеспечения национальной безопасности России на ключевом юго-западном направлении.

С точки зрения геополитики, Азово-Черноморский регион всегда был регионом серьезнейших международных противоречий. Воссоединение Крыма с

Россией создали принципиально иной расклад сил в регионе и новые параметры международного взаимодействия. При том, что часть актуальных внешнеполитических проблем России были решены в марте 2014 г., часть - осталась нерешенной, однако, появились и новые проблемы, решение которых только предстоит найти.

«Крымский вопрос» имеет особое звучание и в международной повестке. «И хотя в результате сецессии и присоединения Крым вошел в состав Российской Федерации, международная общественность по-прежнему оценивает эту территорию как «буферную», «серую зону» спора между Россией и Украиной»[91]. Как указывалось выше, в категориях геополитики Крымский полуостров является геополитической точкой, претензии на включение в свою зону влияния которой так или иначе обозначают Украина, США и ЕС, Турция. У «крымского вопроса» есть также социально-экономическое измерение, связанное с антироссийской санкционной политикой и сохранением «периметра безопасности» для самого Крыма, а также гуманитарное измерение. Последнее связывается с сохраняющейся опасностью утраты влияния русского языка и русской культуры в Северном Причерноморье.

Проблема Крыма в контексте национальных интересов и национальной безопасности России последние годы активно изучается отечественными и зарубежными авторами[92]. Большинство специалистов делает акцент на каком-

[91] *Кудлай А.А.* Региональная социально-политическая безопасность как новая стратегия безопасности для Крымского полуострова // Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 1 (50). С. 19.

[92] См. *Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 67–73; *Гетц Э.* «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып.4., Т.9. С. 6–16; *Карташкин В.А.* Судьба Крыма и международное право // Обозреватель-Observer. 2015. №10. С. 109–116; *Кошкин А.П., Черданцев В.В.* Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №2. С. 273–278; *Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю.* Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Том 4 (14). Вып. 4. С. 389–394; *Томсинов В.А.* «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. №5. С. 3–32; *Швец А.Б.* Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 19–29. *Gide F.* Geopolitical analysis of the Crimean peninsula and the Black Sea in the context of Turkish-Russian energy policy // Управленческое консультирование. 2020. №2. С. 134–147; *Gotz, E.* It's Geopolitics, Stupid: Explaining Russia's Ukraine Policy. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2016.Vol. 9. No.4. P. 6–16 и др.

либо одном аспекте: политико-правовом, международно-политическом, политико-экономическом, геополитическом, что в целом оправдано с точки зрения теории политической науки.

Целью настоящего подраздела является демонстрация принципиальной важности положительного для России решения «крымского вопроса» в целях реализации национальных интересов населения и национальной безопасности страны, характеристика проблем, с которыми сталкивается население Крымского полуострова и России в целом в связи с воссоединением. Логика исследования строилась в русле положений системного и геополитического подходов, в качестве методов исследования были использованы ретроспективный метод, сравнительный анализ, методы, используемые для оценки уровня обеспечения национальной безопасности.

«Крымский вопрос» и национальные интересы России

Категория «национальные интересы» часто используется в политологическом дискурсе, а также в практической внутри- и особенно внешнеполитической деятельности. Обычно под термином «интересы» понимают «осознанные потребности, сформированные обществом, социальными группами и индивидами»[93]. Базовые национальные интересы определены в Конституции РФ. Категория «национальные интересы» присутствует практически во всех документах стратегического планирования России. Согласно действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, национальные интересы России – это «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивого развития»[94]. Стратегия относит к числу национальных интересов укрепление обороны страны, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, сохранение и развитие культуры, традиционных

[93] Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А. Прохожева. М.: Издательство РАГС, 2002. С. 80.

[94] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 2 июля 2021 г. N 400. Собрание законодательства Российской Федерации. Изд. «Юридическая литература». 5 июля 2021 г. (Часть II), ст. 5351.

российских духовно-нравственных ценностей, закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав и проч. В этом же документе перечислены стратегические национальные приоритеты[95]. В преломлении «крымского вопроса» обозначенные в Стратегии национальной безопасности РФ интересы проступают более четко и рельефно. Крымский полуостров и Севастополь имеют стратегическое значение как место базирования Черноморского флота России, функционирующего с целью обеспечения военно-политической безопасности и целостности России на южном и юго-западном направлениях в условиях, когда США и НАТО определили Черное море, наряду с Каспийским, зоной своих национальных интересов, а Украина стремится стать членом ЕС и НАТО. Так, в числе программных установок в Стратегии национальной безопасности Украины обозначено (наряду с тезисом о необходимости противодействия «российской угрозе», «которая имеет долгосрочный характер») «формирование условий для вступления в НАТО»[96]. В стратегии также указывается на необходимость создания «эффективного механизма реагирования на кризисные ситуации, которые угрожают национальной безопасности»[97], в то время как такой механизм уже существует в рамках «Хартии об особом партнёрстве между Украиной и Организацией Североатлантического договора» (1997 г.). Согласно этому документу, Украине предоставлено право внеочередного созыва Комиссии НАТО – Украина в случае угрозы независимости и территориальной целостности страны (Ст. 14)[98]. В Стратегической концепции НАТО (2010 г.) указывается, что Альянс будет стремиться «продолжать и развивать наши партнерские отношения с Украиной и Грузией в Комиссиях НАТО – Украина и

[95] Там же.

[96] Указ Президента Украины от 26 мая 2015 г. № 287/2015 О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 6 мая 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Украины» // Верховная Рада Украины [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015#Text (дата обращения: 02.07.2020).

[97] Там же.

[98] Хартия об особом партнёрстве между Организацией Североатлантического Договора и Украиной. 9 июля 1997 г. // Организация Североатлантического договора [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 02.07.2020).

НАТО – Грузия… принимая во внимание евроатлантическую ориентацию или устремления каждой из этих стран» (п. 35)[99].

Одной из внешних угроз безопасности России в Венной доктрине РФ названо наделение НАТО глобальными функциями и продвижение инфраструктуры Альянса на восток, а также развертывание воинских контингентов иностранных государств на территории сопредельных с Россией государств[100] – здесь роль Крыма тоже может быть определена как ключевая. К числу угроз национальным интересам российскими стратегическими документами отнесены также практика свержения легитимных политических режимов (как это произошло на Украине), инспирирование дезинтеграционных процессов и проч.[101] Обеспечение прав и свобод российских граждан также является национальным интересом России[102] и пример Крыма в данном случае является хрестоматийным. В результате воссоединения полуострова с Россией наша страна существенно подвинулась по пути решения проблемы разделенного русского народа. В российских экспертных кругах популярно мнение, согласно которому, Крым сыграл ключевую роль в единении и духовной мобилизации российской нации[103].

«Крымский вопрос» в контексте обеспечения военно-политической безопасности РФ

[99] Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена Главами Государств и Правительств в Лиссабоне 19 ноября 2010 г. // Организация Североатлантического договора [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm (дата обращения: 02.07.2020).

[100] Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета - Федеральный выпуск № 298 (6570), 30 декабря 2014.

[101] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 2 июля 2021 г. N 400. Собрание законодательства Российской Федерации. Изд. «Юридическая литература». 5 июля 2021 г. (Часть II), ст. 5351.

[102] *Отставнова Е.А.* Полуостров Крым и национальные интересы России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. №3–7. С. 86.

[103] *Аксючиц В.* Русский маятник или формула русской победы // АПН [Электронный ресурс]. URL: https://www.apn.ru/publications/article31771.htm (дата обращения: 14.05.2020); Володин заявил, что Крым стал символом национального единения // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/6220305 (дата обращения: 14.05.2020); *Кузничевский В.Д.* Крым и Русский мир. Духовное единение или воссоздание Советского Союза? // ПолитИнформация [Электронный ресурс]. URL: https://politinform.su/2312-krym-i-russkiy-mir-duhovnoe-edinenie-ili-vossozdanie-sovetskogo-soyuza.html (дата обращения: 14.05.2020) и др.

Едва ли будет преувеличением утверждать, что с середины 2000-х гг. появились системные угрозы национальной безопасности и государственности России с юго-западного направления, в связи с сокращением российского влияния в Азово-Черноморском регионе. Расширение НАТО на восток и приближение блока к российским границам с запада и юго-запада является серьезным поводом для беспокойства российской власти уже многие годы. «И хотя до настоящего времени никаких конкретных сроков их вступления в Альянс и даже предоставления ПДЧ (Плана действий по членству, предпоследнего этапа перед получением полного членства) не обозначено, курс на интеграцию Грузии и Украины в евроатлантическую «семью» не подвергся ревизии»[104].

Насильственное отстранение от власти президента Украины В. Януковича, который в целом позиционировал себя как «пророссийского политика» воспринималось в России – и властью, и населением – как угроза. Еще более выраженный характер угрозы национальным и интересам, и национальной безопасности имело потенциальное появление базы НАТО в Крыму и, соответственно, неминуемая ликвидация российского Черноморского флота. Политическая риторика на официальном и экспертном уровне свидетельствует, что Россия очень болезненно относится расширению НАТО на восток, а членство Украины в западном военном блоке рассматривается российской элитой как недопустимое[105]. Прежде всего, опасения были в отношении Крыма и Севастополя: «Военно-морской флот НАТО был бы тут же в этом городе военной славы России, и это создаст не иллюзорную, а совершенно реальную угрозу всей южной России»[106]. В достаточно короткие сроки в Крыму могли появиться новейшие противоракетные и ударные комплексы, направленные против России. Переход Крыма в сферу влияния

[104] *Маркедонов С.М.* Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты // Постсоветские исследования. 2019. Т.2. №2. С. 952–953.

[105] *Mearsheimer J. J.* Why the Ukraine crisis is the West's fault. The liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. 2014. No. 93(5). P. 77–89.

[106] Обращение Президента Российской Федерации/ 18.03.2014 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/ president/transcripts/speeches/20603 (дата обращения: 14.05.2020)

НАТО, а точнее США, однозначно обозначал бы невосполнимый военно-стратегический ущерб России с не менее серьезными имиджевыми издержками.

Специалистами подчеркивается, что последние 10 лет в составе Украины под угрозой находилось русское население Крыма[107]. Конфликт на Донбассе и те способы, которыми официальный Киев пытался его разрешить, продемонстрировали населению полуострова, какая судьба могла его ожидать в случае неподчинения новой прозападной, антироссийской политике центра.

В начале и середине 2010-х гг. произошла окончательная геополитическая переориентация элиты и части населения Украины на Запад, Украина начала планомерное участие в реализации антироссийской политики. Чем глубже по пути интеграции в ЕС и НАТО уходит Украина, тем более агрессивной становится политика Киева в отношении России. Последнее нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Украины, принятой в 2015 г.[108] Изменилась роль Украины и в международных форматах взаимодействия. Так, в рамках процесса политического урегулирования приднестровского конфликта Украина на практике (не официально) сменила статус гаранта мирного урегулирования на статус участника конфликта на стороне Молдовы[109], что крайне беспокоит Москву и Тирасполь и ставит под угрозу перспективы мирного урегулирования. Таким образом, «расширение НАТО и ЕС в определённой степени объясняет российское поведение. Россия пыталась предотвратить дальнейшую экономическую и политическую интеграцию отношений между Украиной и ЕС исходя из интересов собственной

---

[107] *Попов М.Ю., Карепова С.Г., Некрасов С.В.* Исторический и современный контекст интеграции Крыма в Российскую Федерацию: планы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № С. 149.

[108] Указ Президента Украины от 26 мая 2015 г. № 287/2015 О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 6 мая 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Украины» // Верховная Рада Украины [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015#Text (дата обращения: 02.07.2020).

[109] *Харитонова Н.И.* Перспективы урегулирования приднестровского конфликта в контексте европейского вектора развития Молдовы // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. №1. С.12–18.

безопасности и негативного международного опыта, который получила в начале 90-х гг.»[110].

Проблема обеспечения военно-политической безопасности на юго-западном направлении оказалась плотно переплетенной с проблемами Крыма и состоятельности украинской государственности в геополитическом поле. В момент, когда геополитические оппоненты России решили путем насильственной смены политического руководства Украины решить проблему российского присутствия на Черном море и обеспечить фронтальное соприкосновение двух военно-политических блоков непосредственно в зоне политического влияния России, Москве пришлось реагировать в этих исключительных обстоятельствах и в крайне сжатые сроки. Эти обстоятельства, которые могли иметь крайне негативные для национальной безопасности Российской Федерации последствия, вынудили Кремль пойти на неожиданный для Запада вариант нейтрализации возникшей угрозы – признание независимости Крыма и Севастополя с последующим присоединением к России.

Оценка «крымского вопроса» в контексте проблемы соприкосновения двух военно-политических блоков, активности недружественных правящих режимов на Украине, в Молдавии, планомерной дестабилизации Закавказья и всех тех процессов, которые стимулируются Западом по периметру Российских границ[111], демонстрирует ключевое значение его разрешения в соответствии с российскими интересами. Его разрешение позволит существенно продвинуться на пути создания «пространства безопасности» по периметру российских границ. Под «пространством безопасности» можно понимать транснациональное пространство, объединенное устойчивыми представлениями о безопасности и отношениями в сфере безопасности, которые, в свою очередь зависят от меняющихся представлений, формирующихся в области публичной политики.

---

[110] *Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1 (58). С. 34.

[111] См.: Overextending and Unbalancing Russia // RAND Corporation [Official site] https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения: 12.11.2020).

То есть сам факт признания российской принадлежности Крыма и успешная его интеграция в качественные пространства России, в том числе в национальное пространство безопасности, способны продемонстрировать потенциал России в этого типа практиках (наряду с российским опытом миротворческих операций на постсоветском пространстве, а также операции в Сирии). Такой успех может быть весьма высоко оценен на фоне неудачного опыта реализации концепции европейского пространства безопасности, не учитывавшей в должной мере транснационального характера новых угроз[112]. С другой стороны, военное присутствие России в Крыму автоматически нейтрализует ряд военно-политических угроз России на юго-западном направлении, что физически формирует и расширяет национальное «пространство безопасности» (См. Рис. 2). Под последним следует понимать пространство, характеризующееся общностью принципов государственной политики в сфере безопасности, признании неделимости безопасности, уважения суверенитета и территориальной целостности, соблюдения национального законодательства в сфере безопасности[113]. В числе составляющих этого пространства: единая военная инфраструктура, интеграция экономик и координация внешних политик, общий язык при сохранении и развитии национальных языков и единая идеология безопасности, мира и процветания[114].

[112] *Потемкина О.Ю.* Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы. М., 2002; *Стрежнева М.В.* ЕС: пространство безопасности и правопорядка // Современная Европа. 2003. С. 125–126.

[113] *Торопыгин А.В.* Общее пространство безопасности СНГ: специфика и основные направления формирования: Автореф. Дис. ..д-ра. полит. наук. СПб, 2008.

[114] *Колбин А.* Россия как пространство безопасности // Россия в глобальной политике. 12.01.2022 [Сайт]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/prostranstvo-bezopasnosti/ (дата обращения: 06.10.2022).

Рис. 2. «Пространство безопасности» по периметру российских границ.

«Крымский вопрос» в контексте обеспечения социально-экономической безопасности в региональном и национальном масштабе

Социально-экономическая ситуация в Крыму в составе Украины, как правило, характеризуется как депрессивная, проблемная[115]. Центр практически не вкладывал средств в развитие инфраструктуры полуострова и в целом в социально-экономическое развитие региона, предпочитая выкачивать средства из существующих и стремительно устаревающих мощностей, а также местных бизнес-проектов. Разумеется, смена государственной принадлежности территорий не могла не отразиться на социально-экономической ситуации. С одной стороны, Россия вкладывает значительные средства в развитие полуострова. С другой стороны, наблюдатели, анализируя данные социологических опросов, отмечают более сложные условия ведения бизнеса по

[115] *Попов М.Ю., Карепова С.Г., Некрасов С.В.* Исторический и современный контекст интеграции Крыма в Российскую Федерацию: планы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т.4 (70). № S2. С. 150.

сравнению с теми, что имели место в бытность Крыма украинским, а также коррупцию, которую усиливает новая крымская элита[116].

Специалисты, отслеживающие уровень социально-экономической безопасности Крыма в 2016 г. указывали, что продовольственная безопасность Республики Крым находится на низком уровне. «Основная причина - проблемы с экономической доступностью продуктов питания»[117]. Вместе с тем, социологические данные об участии крымчан в политической жизни страны, показывает достаточно высокий уровень активности (выборы в Государственную Думу в 2016 г., выборы Президента РФ в 2018 г.). Таким образом, можно предположить, что возникшие трудности в социально-экономической сфере население Крыма воспринимает как неизбежные, но временные.

Как указывалось выше, федеральный центр вкладывает значительные средства в развитие полуострова. Ключевыми проектами в направлении экономической интеграции Крыма в состав России можно считать следующие: Крымский мост, соединяющий полуостров с материковой частью; скоростная трасса «Таврида», связавшая Керчь, Феодосию, Симферополь и Севастополь и транспортное кольцо вокруг Симферополя; новый терминал аэропорта «Симферополь»; две новые электростанции «Таврическая» и «Балаклавская»; развитие туристической инфраструктуры, сельского хозяйства Крыма, получившего новые рынки сбыта в рамках Евразийского экономического союза (в соответствии с пп. 17ж, 18б, 22ж, 23в, 27д, 30в Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации[118]); объекты военно-промышленного комплекса (13 объектов на 2014 г.) и др. «Открываются и новые возможности для социально-экономического развития Крымского федерального округа и

[116] Там же, с. 151.

[117] *Дятел В.Н., Асаев Ф.Т.* Состояние продовольственной безопасности Республики Крым // Известия сельскохозяйственной науки Тавриды. 2016. №6 (169). С. 119.

[118] Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года N 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106 (дата обращения: 29.06.2020).

Российской Федерации в целом, а также для отдыха и туризма, которые должны прийти на смену военному туризму, осуществлявшемуся под эгидой НАТО и, в первую очередь, ВМС США»[119].

Социально-экономическая ситуация в Республике была весьма напряженной в 2015 г. в результате спланированных Украиной диверсионных действий. В литературе события 2015 г. в Крыму часто квалифицируют как террористическую деятельность[120]. Так называемые «энергетическая», «продовольственная», «транспортная», «морская» блокады Крымского полуострова были инициированы извне, носили нарочито провокативный характер и были направлены на обострение международной обстановки в регионе Северного Причерноморья и в целом на глобальном уровне. В 2015-2017 гг. Запад всеми возможными способами подталкивал Россию к открытому конфликту, активно используя «крымский вопрос» в его социально-экономическом и экологическом измерении. И если в 2015 г. все 9 наиболее резонансных диверсионных актов были спланированы и реализованы на территории Украины, к тому моменту практически полностью перешедшей под внешнее управление, то следующие 9 резонансных случаев диверсионных действий в 2016-2017 гг. были реализованы на территории Крымского полуострова. Ситуацию усугубляли в этот период деструктивные и провокативные действия Киева в акватории Черного и Азовского морей.

На социально-экономическую обстановку в Крыму влияет также этноконфессиональный фактор. На полуострове до и после 2014 г. неоднократно фиксировались факты, которые можно квалифицировать как радикальные проявления этнической и религиозной нетерпимости. Что же касается экстремизма, то на 2015 г. в Крымском федеральном округе, где зафиксировано более 120 этнических образований, и в связи с вхождением в состав Российской

---

[119] *Вагина В.О., Пантелеев В.Г.* Воссоединение Крыма с Россией: проблематика интеграции в социально-экономическое пространство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № S1. С.93.

[120] *Яковлев А.Н.* Внешние риски развития социокультурной конфликтности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Том 4 (14). Вып. 3. С. 409.

Федерации экстремизм связан, прежде всего, с попытками дестабилизации социального и экономического развития полуострова, запугиванием граждан, а также организацией различного рода блокад (политических, экономических и др.)»[121].

Социокультурный и этноконфессиональный аспекты «крымского вопроса»

Крым был частью России с XVIII в. и всегда выполнял роль форпоста на юго-западном направлении. Крым и Российское государство объединены общей историей, героическим прошлым. Экономический, социально-политический и культурно-исторический расцвет Крыма стал возможным благодаря усилиям государственнической элитой нашей страны. В XIX веке Крым и воинская слава Севастополя вошли в коллективное сознание и стали одним из основных элементов исторической памяти российского народа.

Будучи переданным в 1954 г. Украинской ССР население Крыма придерживалось ориентации на РСФСР – Россию, что наглядно продемонстрировали события постсоветской истории полуострова. Так, после выхода Украины из состава СССР и провозглашения независимости население полуострова не приняло этого факта. На проведенном 20 января 1991 г., тогда – в Крымской области, референдуме народ высказался за воссоздание Крымской АССР как субъекта СССР и участника Союзного договора. Как известно, власти и новой независимой Украины, и России проигнорировали результаты этого референдума. События марта 2014 г. расставили все на свои места. Таким образом, «возвращение Крыма в состав России стало результатом исторического выбора населения полуострова»[122]. Кроме того, «Крымская весна» автоматически решила проблему соотечественников, проживающих в Крыму. Население, человеческий и социокультурный потенциал Крыма обеспечили

[121] *Коноплева А.А.* Регулирование межэтнических взаимоотношений в Республике Крым в рамках профилактики развития экстремизма // Символ науки. 2015. №.11. С. 73.

[122] Цит. по: *Попов М.Ю., Карепова С.Г., Некрасов С.В.* Исторический и современный контекст интеграции Крыма в Российскую Федерацию: планы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т.4 (70). № S2. С. 149.

естественность интеграции. По данным переписи за 2014 г. в Крыму доля русских в общем составе населения составляли 67,9%, русский язык сразу признали родным 84% населения полуострова[123].

События 2014 г. нашли отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в редакции 2018 г.: «Значимым событием для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Вызванный этим патриотический подъем способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов» (п.13-2) [124].

Примечательно, что с 2014 г. отмечается «постепенное снижение форм организации и географии проявления социокультурной конфликтности, актуализируемых внутрирегиональными особенностями. Вместе с тем интенсифицируются попытки внешнего воздействия на социокультурные процессы внутри полуострова, что предполагает возможность ренессанса пребывающих в латентной форме, унаследованных от «украинского периода» конфликтов и противоречий и становление их новых форм проявления»[125]. Юридическое оформление вхождения Крыма в состав Российской Федерации означало изменение политико-правовой среды развития общественных

---

[123] Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

[124] Указ Президента Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. N 703) // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1 (дата обращения: 09.06.2020).

[125] *Яковлев А.Н.* Внешние риски развития социокультурной конфликтности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Том 4 (14). Вып. 3. С. 407.

процессов. В действующей Концепции общественной безопасности в Российской Федерации указывается, что «одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране» (п.11)[126]. Многие источники социокультурной конфликтности были нивелированы после наложения запрета на деятельность организаций и объединений экстремистского характера. Речь идет прежде всего об экстремистской организации «Меджлис-Курултай крымских татар», работавшей на дестабилизацию этноконфессиональных отношений в сотрудничестве с украинскими националистическими организациями. Указанные запретительные меры сопровождались проведением новой политики толерантности и добрососедства. Согласно данным Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым[127], в результате проводимой политики оказались нивелированными социокультурные противоречия и традиционные формы проявления конфликтных взаимодействий.

Вместе с тем, специалисты отмечают существование рисков, связанных с инерционным влиянием на психологическое состояние крымчан политико-правовой ситуации на Юго-Востоке Украины в сочетании с инфраструктурной зависимостью полуострова от Украины[128]. Еще одна группа рисков связывается с крымско-татарским фактором. Специалисты указывают, что к настоящему

[126] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / Утв. Президентом РФ 14 ноября 2013г. N Пр-2685 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/19653 (дата обращения: 30.06.2020).

[127] Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым // Информация об основных наиболее важных результатах реализации государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым - территория межнационального согласия» на 2015-2017 годы» за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://gkmn.rk.gov.ru/file/info_za16.pdf (дата обращения: 04.05.2020).

[128] *Вагина В.О., Пантелеев В.Г.* Воссоединение Крыма с Россией: проблематика интеграции в социально-экономическое пространство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № S1. С.96.

моменту «ни у федерального центра, ни у крымского руководства нет четкого понимания путей интеграции крымских татар в политико-правовое пространство Российской Федерации. Между тем неприятие новых исторических реалий в крымско-татарской среде не только не смягчается, но и в определённом смысле ужесточается»[129]. В литературе можно найти мнение о том, что расчёт Киева на крымско-татарское население в противостоянии с Россией по крымской проблематике носит чисто конъюнктурный характер[130]. Все дело в неоднородности мусульманских общин Крыма, которая порождает конкуренцию за лидерство и за духовное пространство, причем среди конкурирующих общин есть и те, что исповедуют ислам радикальных толков. «Нерешенные проблемы социально-экономического характера, желание национальных элит и внешних центров усилить свое влияние на умму, а также либеральное украинское законодательство (которое зачастую просто дистанцировалось от вопросов регулирования религиозной политики) создали благоприятные условия для проникновения в регион различных учений радикальной и экстремистской направленности»[131]. С целью нейтрализации этой угрозы был издан Указ Главы Республики Крым «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015-2018 годы» от 30 января 2015 г. № 26-У. Целью реализации плана стало «предупреждение радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущение их вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность»[132]. Очевидно, что угроза превращения Крыма в еще одну Чечню образца 1990-х – начала 2000-х годов крайне беспокоила Москву.

Если внутренние угрозы постепенно нивелируются усилиями федерального центра, то нейтрализация внешних угроз займет, очевидно, еще

[129] Там же.

[130] *Абрамова Е.Н., Аникин В.И.* Политический анализ проблематики Крыма: оценки и позиции международных акторов // Обозреватель – Observer. 2020. №2. С. 73.

[131] *Вакулова Т.В., Гарас Л.Н., Маковская Д.В.* Особенности религиозной идентичности крымчан в контексте национальной безопасности России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 63.

[132] Указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015-2018 годы: Симферополь, 2015. 17 с.

много времени. Действие внешних угроз в социокультурной сфере имеет как минимум два измерения: угрозы, направленные на разобщение населения по этноконфессиональному признаку, и угрозы, направленные на подпитку фрустрационных настроений в среде всего населения полуострова.

Анализ первой группы внешних угроз продемонстрировал высокий уровень вовлеченности внешних игроков. Так, общественно-политическая и социокультурная обстановка в Крыму неоднократно подвергалась угрозе со стороны Украины, ставшей проводником для антироссийских политических устремлений Запада. Украина выбрала форму дестабилизации внутренней обстановки посредством диверсионной деятельности. Не меньшую угрозу общественной безопасности представляет собой развернутая в 2014 г. Украиной и странами Запада информационная кампания откровенно пропагандистского характера против России и ее политики в отношении Крыма и Севастополя. В негативном свете подается любая информация, связанная с российской активностью, особенно в политической, социально-экономической сферах, в области обеспечения национальной безопасности. Все действия Москвы по нейтрализации организаций и объединений, признанных экстремистскими, политика по профилактике диверсионной и террористической деятельности, подаются в сугубо негативном свете, в контексте притеснения местных этноконфессиональных групп населения. Агрессивная информационная политика в отношении России заставила руководство нашей страны пересмотреть основы информационной политики, в результате чего появилась новая редакция Доктрины информационной безопасности, конкретизирующей перечень актуальных угроз информационной безопасности (пп. 10-19) и предусматривающей, в частности, «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике

Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире» (п. 8г)[133].

Анализ второй группы внешних угроз, выражающихся в активной санкционной политике и пространственной блокаде полуострова, показал также высокий уровень вовлеченности внешних игроков, пытающихся своими действиями сформировать ирредентистские и антироссийские настроения в массах. Очевидно, что ставка делается на нагнетание тревожности, неуверенности и ощущению постоянной опасности и давления извне. Современные информационно-коммуникативные инструменты позволяют продуцировать эти эффекты достаточно успешно, особенно учитывая украинский фактор – пограничное положение и рвение украинской стороны в «крымском вопросе» и в целом реваншистские настроения украинской элиты.

Таким образом, можно согласиться с утверждением, что «процессы, которые сейчас разворачиваются в Крыму, имеют последствия для всей страны» [134]. От того, как будут интегрирован полуостров в социокультурное пространство России и как будут профилактироваться конфликтогенные факторы, станет понятно, способна ли Российская Федерация адаптироваться к новому раскладу геополитических сил. Последнее требует мобилизации ресурсов, повышения эффективности управления и результативного использования имеющегося человеческого капитала[135]. США и их союзники видят одной из наиболее эффективных стратегий ослабления России генерацию на ее территории искусственной регионализации, управляемой извне. Эта стратегия проходит с 2014 г. апробацию и в Крыму. В связи с этим актуализируется оценка социокультурных и этноконфессиональных факторов в обеспечении национальной безопасности нашей страны.

---

[133] Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 6 декабря 2016.

[134] *Юрченко И.В.* Проблемы противодействия угрозам социокультурного и идеологического экстремизма в процессе реинтеграции Крыма в российское социально-экономическое пространство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). №S2. С. 314.

[135] Там же, с. 314–315.

«Крымский вопрос» в контексте меняющегося международного статуса РФ

Для России Крым важен и как символ мощи в мировой политике и атрибут международного престижа нашей страны. Крым вошел в мировую послевоенную историю как площадка для выработки модели послевоенного устройства мира – именно там в 1945 г., в Ялте, был определен миропорядок на долгие десятилетия. Сегодня мир находится в условиях нового мирового порядка, который опирается на прежние структуры Ялтинско-Потсдамской системы (ряд специалистов считает, что мир и сегодня существует в рамках Ялтинско-Потсдамской системы, частично эволюционировавшей под влиянием новых факторов мирового развития).

Принятые Указом президента РФ в 2016 г. изменения в Концепцию внешней политики России показали, что Россия больше не является государством статус-кво. В ответ на весьма агрессивную политику коллективного Запада в российской политике появились элементы ревизионизма, пусть и весьма избирательного. Однако это принципиально отличает нынешнюю внешнюю политику от консервативной внешнеполитической линии 1990-2000-х гг. в отношении регионов, выбравших путь национального и государственного самоопределения. Важно то, что опыт самоопределения Крыма принципиально не проецируется ни на один конфликт на постсоветском пространстве – ни на Абхазию и Южную Осетию, Приднестровье, тем более на ЛНР и ДНР (пп. 57-58 Концепции внешней политики РФ)[136]. Ревизионизм в решении «крымского вопроса» обосновывается властью как результат стечения особых обстоятельств и полное отсутствие альтернативных вариантов политического решения кризиса, в частности, отсутствие специальной официальной переговорной площадки для поиска политического решения крымской проблемы с участием России.

[136] Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Министерство иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 01.07.2020).

Решение «крымского вопроса» в контексте обеспечения национальной безопасности России по сути является продолжением внешнеполитической повестки, озвученной Москвой в 2006-2007 гг. В Концепции внешней политики (2016г.) указывается: «Россия проводит самостоятельный и независимый внешнеполитический курс, который продиктован ее национальными интересами... Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне…» (п. 21)[137]. «Крымская весна» стала еще одним шагом к воплощению в реальность этой повестки. Речь здесь идет прежде всего о том, что это повестка мировой державы. Россия окончательно вернулась в большую мировую политику. Что это должно означать? В первую очередь – это должно означать отказ от прежних стереотипов во взаимоотношениях с ключевыми геополитическими акторами, имеющими интересы в Северном Причерноморье, а также с постсоветскими государствами в Восточной Европе. Для Крыма, в свою очередь, это означает преодоление стереотипов зависимости от Украины и от навязанных ею и Западом моделей экономического развития.

Повышение и укрепление статуса России на международной арене, демонстрацией чего и стала «Крымская весна», не могло не повлечь ответной реакции коллективного Запада. Реакция носит характер отрицания очевидного факта – российской принадлежности Крыма и Севастополя, выражается в агрессивной информационной, и жесткой и системной санкционной политики. Кроме того, в 2021 г. Западом были инициированы два проекта антироссийской направленности, где «крымский вопрос» занимает центральное место. Первый проект известен как «Ассоциированное Трио» с участием Украины, Грузии и Молдовы, был создан 17 мая 2021 г.[138]. Немногим ранее, в феврале 2021 г., Киев, ссылаясь на Вашингтон, активно продвигал идею создания военного альянса

[137] Там же.

[138] Меморандум про взаєморозуміння між МЗС України, Грузії та Молдови щодо започаткування посиленого співробітництва з питань європейської інтеграції – Асоційованого Тріо // МИД Украины [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.ua/news/memorandum-pro-vzayemorozuminnya-mizh-mzs-ukrayini-gruziyi-ta-moldovi-shchodo-zapochatkuvannya-posilenogo-spivrobitnictva-z-pitan-yevropejskoyi-integraciyi-asocijovanogo-trio (дата обращения: 12.06.2021).

Украина — Грузия — Молдавия («Черноморский военный альянс»), который якобы должен усилить безопасность в черноморском регионе[139]. Вторым проектом стала продвигаемая Киевом дипломатическая инициатива, получившая название «Международная Крымская платформа», учредительный саммит которой прошел 23 августа 2021 г. в Киеве[140].«Крымская платформа» была создана по инициативе президента Украины В. Зеленского, который на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2020 г. призвал все страны присоединиться к этому проекту. Целью «Крымской платформы» названо «мирное прекращение временной оккупации» Российской Федерацией территории Крыма и «восстановление контроля Украины над этой территорией в полном соответствии с международным правом»[141]. Все это позволяет некоторым специалистам утверждать, что «крымский вопрос», наоборот, ослабляет позиции России в мировой политике, наносит ущерб ее статусу и международному имиджу: «Россия ухудшила свое положение в мировом сообществе из-за реакции на украинский кризис. Санкционный режим будет действовать ещё долго, а снижение его негативных эффектов требует большего количества ресурсов и неординарных решений»[142].

Вместе с тем есть все основания полагать, что агрессивную и ограничительную политику в отношении России Запад мог организовать и последовательно реализовывать не только в рамках решения «крымского вопроса». Во много схожую ситуацию можно было наблюдать после «пятидневной войны» августа 2008 г. Другими словами, подобную реакцию коллективного Запада вызывают те внешнеполитические шаги, которые сами по себе свидетельствуют о возрастающей субъектности России в современной системе международных отношений. Россия постепенно выходит из статуса

---

[139] Американцы решили, что за Украину должны погибать грузины и молдаване 17.02.2021// РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210217/alyans-1597720228.html (дата обращения: 12.06.2021).

[140] Спільна декларація Учасників Міжнародної Кримської платформи // Кримська платформа [Электронный ресурс]. URL: https://crimea-platform.org/samit/deklaraciya (дата обращения: 12.09.2021).

[141] Там же.

[142] *Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 38.

«объекта» геополитического взаимодействия, к которому она максимально приблизилась в 1990-х гг. Четко артикулируя свои национальные интересы, обозначая границы сфер геополитического влияния и нейтрализуя угрозы национальной безопасности, Россия занимает место одного из ведущих центров силы в новом полицентричном мире.

Таким образом, воссоединение Крыма с Россией необходимо рассматривать не только как акт восстановления исторической справедливости, а как исторически обусловленный факт. О необратимости этого события свидетельствуют первые восемь лет существования Крыма и Севастополя в составе Российской Федерации и те усилия, которые предпринимает федеральный центр по интеграции полуострова в общее политико-правовое, социально-экономическое и социокультурное пространство государства. Ключевым моментом является и то, что этот непростой шаг, последствия которого еще долго не будут преодолены, был обусловлен стремлением российской правящей элиты реализовать национальные интересы и обеспечить национальную безопасность нашей страны на ключевом юго-западном направлении. Важно отметить, что архитектурным символом воссоединения Крыма с Россией стал Крымский мост, символ замыкания «периметра безопасности» на ключевом участке российской государственной границы.

Часть исследования, целью которого было продемонстрировать принципиальную важность положительного для России решения «крымского вопроса» в целях реализации национальных интересов и национальной безопасности страны, охарактеризовать проблемы, с которыми сталкивается население Крымского полуострова и России в целом в связи с воссоединением, позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, состояние «крымского вопроса», как международно-политической проблемы, является важным фактором оценки уровня обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Учитывая тот факт, что, с точки зрения геополитики, проблема локализуется на ключевом для России (и

ряда других ключевых геополитических игроков) юго-западном направлении, есть все основания утверждать, что успешное решение крымской проблемы позволит замкнуть «периметр безопасности»[143] Российского государства и высвободить ресурсы для реализации национальных интересов за пределами этого «периметра», например, на Ближнем и Среднем Востоке. Разрешение «крымского вопроса» имеет большое значение в формировании «пространства безопасности» по периметру российских границ.

Во-вторых, анализ содержания национальных интересов и угроз национальной безопасности России в рамках «крымского вопроса» продемонстрировали принципиальную важность положительного его решения для дальнейшего поступательного развития нашей страны. Ряд проблем в силу своей способности трансформироваться в общенациональные требовали немедленного решения. Успех на пути преодоления других призван продемонстрировать населению всей страны и всему миру потенциал правящего класса в последовательном и успешном достижении поставленных целей, непосредственно сопряженных с национальными интересами.

В-третьих, положительное решение «крымского вопроса» по состоянию на момент завершения исследования продемонстрировало глубину рефлексии политической элиты нашего государства и способность к трезвой и адекватной оценке реальных и потенциальных действий ключевых геополитических игроков и их сателлитов, мобилизации ресурсов, управленческому креативу и игре на опережение в условиях стремительно развивающейся кризисной ситуации. Это сущностно отличает модель поведения нынешней политической элиты от моделей 1990-первой половины 2000-х гг. Кроме того, крымская проблема стала

[143] Под периметром безопасности в данном случае имеются в виду границы, которые отделяют безопасное пространство от потенциально небезопасного. Чтобы система оставалась в безопасном состоянии, должно быть обеспечено такое качество взаимодействия субъектов и объектов внутри периметра и за его пределами, которое не может привести к неожиданному нарушению безопасности системы. Понятие «периметр безопасности» используется в политическом анализе, однако изначально применялось в стандартах в области информационной безопасности, аналитических материалах по проблеме цифровой трансформации, в этой сфере существует концепция периметра безопасности.

индикатором, по которому с высокой степенью точности можно судить об уровне субъектности России в мировой политике.

Итак, вхождение Крыма в состав России стало ответом на возникшие вызовы и было реализовано в чрезвычайных обстоятельствах. Угрозы национальным интересам и безопасности РФ безопасности локализовались преимущественно в военно-политической, социальной-экономической, социокультурной и этноконфессиональной сферах. Часть из них имела локальный характер, часть в определенных условиях могла достичь общенационального масштаба. Проводя политику последовательной нейтрализации этих угроз, Российская Федерация стремится как можно полнее реализовать принципы стратегии национальной безопасности и одновременно проводить оправдавшую себя политику первоочередности решения проблем в приграничных регионах.

2.3. Позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу»

После роспуска СССР внимание геополитических акторов к Евразии многократно возросло. Наиболее пристально США, ЕС, Китай отслеживали ситуацию в Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе. Для России указанные регионы представляли и до сих пор представляют интерес с точки зрения национальной безопасности. Именно сквозь призму национальных интересов и национальной безопасности Россия всегда рассматривала Крымский полуостров.

Уязвимость России с южного направления всегда было предметом озабоченности правящих кругов нашего государства и весьма длительный

период истории связывался с войнами с Османской Портой[144]. Черное море в силу своего геополитического расположения всегда воспринималось как потенциальный «коридор» для проникновения агрессора в «южное подбрюшье» России. Именно поэтому проблема Черноморских проливов ставился во главу угла в рамках «Восточного вопроса». В постсоветский период резко изменился характер и качество геополитических угроз с южного направления, появились и принципиально новые уязвимости, которые зачастую носили не только региональный, но и макрорегиональный характер. Появление новых вызовов и угроз сопровождалось и нарастающей конкуренцией мировых и региональных политических акторов в сфере геополитического влияния России. Конкурентная борьба велась не столько за ресурс, сколько за возможность контролировать геополитические точки и линии в регионе с целью упрочения своего положения в регионе и ограничения претензий своих оппонентов.

События конца 2013-2014 гг. на Украине обозначили процессы, связанные с принципиальным переформатированием этого ключевого для России региона. Страны Запада пытались резко изменить баланс сил в Восточной Европе в свою пользу демонстративно провокационным образом, чего Россия не могла допустить. Реакцией стало присоединение Крыма и Севастополя к России, мотивированное необходимостью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Это в свою очередь спровоцировало весьма бурную реакцию глобальных и региональных геополитических игроков, обусловленную их геополитическими интересами. Цель данного подраздела – дать оценку позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу» на основе геополитического подхода и сравнительного анализа.

Исходя из интересов обеспечения национальной безопасности и стабильности в Восточной Европе, Россия с момента обретения независимости бывшими советскими республиками большое внимание уделяла сохранению в своей геополитической орбите Украины (вместе с Крымским полуостровом).

[144] См.: Русско-турецкие войны 1676—1918 / Под общ. ред. А.Е. Тараса. М., 2000.

Геополитическое значение Украины для России большинством специалистов оценивалось вполне адекватно. Так, А. Уткин подчеркивает: «Взятые отдельно, Россия и Украина — среднего масштаба раннеиндустриальные державы. Вместе они образуют критическую массу, немедленно увеличивающую свой вес в Восточной, Центральной Европе, в Северной Евразии в целом. Чтобы уравновесить державу такого калибра, увлекающую за собой Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Армению, Таджикистан, а в перспективе Грузию и все центральноазиатские государства, западноевропейцам потребуется приглашение Соединенных Штатов. Потому-то Вашингтон и смотрит в СНГ прежде всего на Киев»[145]. Утрата влияния во второй по численности населения (славянское с преобладающим православным компонентом), индустриальным и военно-политическим ресурсам республике бывшего Советского Союза, осознавалась политическим классом как геополитическая катастрофа. Более того, российско-украинская граница имеет протяженность более 2200 км. Немаловажным фактором является и непосредственная близость территории Украины к российской столице и Поволжью – политическому и промышленному центрам России. На Западе также понимали, что Россия не сможет компенсировать выход Украины из своей зоны влияния другими геополитическими проектами и масштабной внешнеполитической активностью на пространстве Евразии (например, активное сближение с потенциальными союзниками, расширение сотрудничества в рамках Союзного государства России и Беларуси, поддержкой Абхазии, Южной Осетии и непризнанной Приднестровской Молдавской Республики и проч.). Еще в 1990-х гг. ведущий американский политолог З. Бжезинский в своей известной работе «Великая шахматная доска» указывал, что обретение Украиной независимости является по сути геополитическим провалом России. Если бы Россия смогла сохранить контроль над Украиной, она получила бы шанс сохранить ведущую роль в Евразии и удержать геополитический контроль над неславянскими народами на

[145] *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002. С. 395—396.

юге и юго-востоке бывшего Советского Союза. «Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах с поднявшимися на защиту своих национальных и религиозных интересов неславянскими народами»[146]. Так, можно констатировать, что американский и западноевропейский истеблишмент однозначно определял одну из ключевых геополитических задач в Центральной Евразии – вывод Украины из сферы геополитического влияния России.

Крайне болезненный период искусственного отторжения Украинского государства от постсоветского массива того, что многие столетия считалось Россией, завершился не просто сменой геополитического вектора официального Киева, но и полной потерей всех ключевых связей между Россией и Украиной. Две так называемые «цветные революции», государственный переворот, подписание Соглашения об ассоциации с ЕС в 2014 г., развязывание гражданской войны в юго-восточных регионах, провозглашение государственности в ЛНР и ДНР, возвращение Крыма в состав России… Список ключевых политических событий, ставших следствием выхода Украины из сферы геополитического контроля России, можно было бы продолжить. Одним из наиболее примечательных стали изменения в процессе политического урегулирования приднестровского конфликта, где Украина из страны-гаранта фактически превратилась в сторону конфликта[147]. И за каждым из них стоит не просто смена геополитической реальности в каждом из сегментов большой геополитической картины Восточной Европы. За каждым из них судьбы и жизни конкретных людей, российских соотечественников, народов. Весьма популярно мнение в среде непосредственных наблюдателей за событиями в

---

[146] *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 114—115.

[147] См.: *Харитонова Н.И.* Специфика переговорного процесса по политическому урегулированию приднестровского конфликта в контексте украинского кризиса (2014-2018 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 85–99.

регионе, согласно которому Крым однозначно ожидала бы судьба Юго-Востока Украины, если бы вовремя не произошло контролируемое воссоединение полуострова с Россией.

Российское военное присутствие в Крыму

В контексте региональной геополитики интерес постсоветской России к Крымскому полуострову определялся необходимостью сохранения гарантированного военно-морского присутствия РФ в Черном море. Речь идет о так называемой «проблеме Черноморского флота». Как чуть менее значимую оценивают исследователи проблему территории и русскоязычного населения в регионе[148].

В Черном море Российский флот дислоцируется на двух основных военно-морских базах – в Новороссийске и Севастополе. Однако основная инфраструктура Черноморского флота России сосредоточена именно в Крыму. Пребывание российских военно-морских сил на Украине регулируются Соглашениями в рамках Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной (так называемый «Большой договор»), подписанными в 1997 г. Украина ратифицировала Договор в том же 1997 г., а Россия – в 1998-1999 гг. Украине был нужен официальный документ, закрепляющий признание со стороны РФ ее восточных границ, т.е. украинскую принадлежность Крыма. России же необходимо было сохранить в Севастополе присутствие Черноморского флота. Таким образом, в «Большой договор» были также включены Соглашение о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, Соглашение о параметрах раздела Черноморского флота и Соглашение о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины. Политическое руководство Украины, судя по событиям тех лет, не намеревалось продлевать эти

[148] *Эйвазов Дж*. Россия в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность // Кавказ и глобализация. 2009. Т.3. Вып. 1. С. 15.

договоренности[149]. Это было очевидно еще в 2008 г. - после «пятидневной войны» в Грузии (события августа 2008 г.), которая позиционировалась как союзник Украины. В августовских событиях приняли участие и военно-морские силы РФ, находящиеся на территории Украины[150]. Это стало одной из ключевых причин, почему Киев стремился к скорейшему сворачиванию российского военного присутствия на ее территории. «Большое договор» прекратил свое действие в 2019 г. – Украина приняла закон о непродлении договора, официально пояснив, что закон является частью стратегии на окончательный разрыв с колониальным прошлым и переориентации на Европу.

В свою очередь для Российской Федерации присутствие ее ВМС в Крыму было связано не только с военно-стратегическим доминированием в Азово-Черноморском регионе и/или балансированием военно-морских сил Турецкой Республики, но и с необходимостью обеспечить интересы и безопасность русскоязычного населения Крыма. И в целом, ирредентистские настроения на полуострове, подогреваемые недальновидной региональной политикой самого официального Киева, сказались на российско-украинских отношениях. Интересы русскоязычного населения не могли не стать инструментом геополитического влияния Москвы на Киев, в том числе в вопросе нежелательного для России чрезмерного сближения Украины с США и ЕС. Наряду с этим Москва, используя привычный политический инструментарий и ситуацию гражданско-политического раскола украинского общества, стремилась обеспечить присутствие у власти пророссийских политиков (по крайней мере последние позиционировали себя в диалоге с российской администрацией как лояльные и пророссийские силы) вроде В. Януковича.

[149] Там же.

[150] Так МИД Украины 10 августа 2008 г. распространило заявление о возможном запрете судам ВМС РФ, участвующим в военных действиях в Грузии, возвратиться на базу в Севастополе. А уже 13 августа президент Украины В. Ющенко издал указы о новом порядке пересечения ее государственной границы военнослужащими, кораблями, самолетами ЧФ России (в частности, устанавливались разрешительные процедуры пересечения российскими ВМС этой границы).

Российский правящий класс отчетливо осознавал, что и Соглашение об ассоциации с ЕС (которое В. Янукович отказался подписать в ноябре 2013 г., что и стало формальным поводом к событиям на Майдане в Киеве и последующего вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины) выходит за рамки экономических отношений вопреки расхожему мнению. Об этом свидетельствует, в частности, опыт Молдовы, являющейся, согласно ее собственной Конституции, нейтральным государством. Условиями Соглашения предусматривалась интеграция Украины в общую политику безопасности и обороны Европейского союза и масса ограничений в реализации самостоятельной внешней политики (последствия ассоциации давно стали предметом анализа отечественных и зарубежных авторов, в целом оценивающих их негативно для постсоветских государств, вступающих в ассоциацию[151]). С учетом того, что ЕС стремительно трансформируется в контексте непростого германо-американского диалога, крайне сложно предсказать, с чем России придется соседствовать в среднесрочной перспективе. Ведь в зависимости от качества внешней политики Белого дома и весьма непростой внутренней ситуации внутри Европейского союза, в итоге, последний рискует либо окончательно стать управляемым из Вашингтона надгосударственным субъектом мировой политики, либо вполне еще может стать самостоятельным геополитическим центром силы. Эта неопределенность вызывает понятное беспокойство в Москве - ведь и в том и в другом случае Европейский союз как международная структура будет рассматривать свои геополитические интересы как противоречащие российским геополитическим интересам. Активно демонстрируемое ЕС в последнее десятилетие все более расширяющееся экономическое и дипломатическое влияние на Восточную Европу (например, в рамках проекта «Восточное партнерство», реализуемое ЕС

[151] См.: *Кукурудза И.И.* Европейская экономическая интеграция Украины: необходимость и возможные последствия // Вестник экономической науки Украины. 2015. №2. С. 43–46; *Никифорова В.А.* О некоторых последствиях подписания Соглашения об ассоциации с ЕС для металлургии Украины // Экономика промышленности. 2013. № 3 (63). С.137–147; *Харитонова Н.И.* Возможные последствия подписания соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. №43. С. 39–54.

с 2008 г.) является доказательством небезосновательности такого беспокойства. Кроме того, руководство РФ рассматривает Европейский союз как «троянского коня», которого используют для расширения границ НАТО на восток. Как известно, в еще недавнем прошлом членство в Европейском союзе было неразрывным образом связано с членством в Североатлантическом альянсе. Тому примером могут служить Латвия, Литва, Эстония, Румыния, Болгария, Хорватия[152].

Еще одним ключевым моментом, определяющим необходимость военного присутствия России в Крыму, было то, что последнее являлось фактической преградой на пути возможного вступления Украины в Североатлантический альянс. Речь идет о правиле, согласно которому, не допускается военное присутствие третьей страны на территории государства, интегрирующегося в НАТО). Более того, российскому руководству были известны планы США и НАТО по превращению военно-морских баз в Крыму в базы Североатлантического альянса после вынужденного ухода России с полуострова в связи непродлением Киевом соглашений по Черноморскому флоту в 2017 г. В результате Россия не просто потеряла бы все Черное море и Средиземноморье в военно-стратегическом плане. Как указывалось выше, это бы создало беспрецедентные по характеру и интенсивности угрозы национальной безопасности Российской Федерации по целому ряду направлений. В качестве таких можно рассматривать расположение иностранных военных баз и значительных воинских контингентов на границе с Россией. Последнее однозначно приведет к нарушению сложившегося баланса сил в приграничных зонах. В этом же ряду стоит проблема формирования и подготовки вооруженных формирований и групп на территории соседних стран в целях их

[152] *Гетц Э.* «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып.4. Т.9. С.8.

переброски для действий внутри нашего государства. Об этом говорилось еще в стратегических документах РФ редакций 2000 г.[153]

В экспертной среде иногда можно встретить оценку, согласно которой России было бы проще и дешевле (с учетом необходимости строительства инфраструктуры в Крыму, антироссийских санкций, как реакции на возвращение Крыма и проч.) перенести военные базы из Севастополя в Новороссийск. Однако очевидно, что для правящей элиты России такой вариант был неприемлемым. Не стали переносить военные базы из Крыма отнюдь не из-за дороговизны или других проблем, а потому, что это означало бы поражение России, отступление в глобальном геополитическом конфликте с Западом. В свою очередь, глава государства, который под давлением внешних сил принял бы решение о переносе военных баз из Севастополя в Новороссийск, получил бы сразу репутацию пораженца, не способного отстаивать интересы страны, навсегда.

Таким образом, для России вопрос возвращения Крыма и Севастополя в состав Российского государства с последующим сохранением и наращиванием там военного компонента стало вопросом жизненно важных интересов и обеспечения национальной безопасности, а также укрепления международного имиджа и субъектности. Политическое руководство РФ, судя по всему, весьма трезво оценивало и риски, и последствия столь серьезного геополитического шага.

США и ЕС

Для США, вплоть до сегодняшнего дня руководствующихся «геополитическими заветами» Х. Маккиндера, А. Мэхена, Н. Спайкмена и Дж. Кеннена, ограничение геополитического присутствия России в Евразии остается ключевой задачей в Восточном полушарии. Инспирирование

[153] См.: Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24); Военная доктрина Российской Федерации (Указ Президента РФ№ 706 от 21.04.2000 г.). М.: МИД РФ, 2000.

гражданского конфликта на Украине является операцией уровня геополитической тактики с легко прогнозируемыми последствиями по южно-кавказскому сценарию (по крайней мере, так ее оценивала американская администрация). А присоединение Крыма к России стало тем последствием, которое США, реализуя жесткую политику в отношении России в Восточной Европе, никак не могли предвидеть. Единственное, что мог сделать в этой ситуации Вашингтон – это максимально агрессивно реагировать на уже свершившийся факт «аннексии Крыма Россией» в информационно-коммуникативном пространстве. Так, Вашингтон и Брюссель абсолютно односторонне трактуют обстоятельства воссоединения Крымского полуострова и Севастополя с Россией. Более того, США, ЕС и их союзники намеренно подвергают искажению исторические факты и процессы, продвигают тезис, согласно которому Российское государство не имеет права на признание ее интересов в Азово-Черноморском регионе в принципе. Нарочито подчеркивается факт непризнания итогов референдума в Крыму марта 2014 г. по вопросу о независимости и присоединению к России, т.к. его результаты однозначно демонстрируют поражение геополитики США и ЕС в регионе. Агрессивная риторика в отношении России по проблеме Крыма резонирует со штампами и шаблонами, используемыми в риторике аналогичного же характера по проблеме гражданской войны на юго-востоке Украины. Бесконечные провокации на линии соприкосновения геополитических сил, которые имеют весьма конкретные очертания, косвенно подтверждают существующее в экспертной среде мнение о том, что «за противоречащими международному праву и нередко внешне нелогичными действиями США на постсоветском пространстве скрывается стремление намеренно идти на обострение, инициировать конфликт, переведя его в фазу вооруженной борьбы. Этапами включения постсоветских государств в сферу геополитического влияния зарубежных акторов могут выступать: дестабилизация, провоцирование внутреннего конфликта, внешнее вмешательство, перестройка политической

системы с учетом собственных политических интересов»[154]. Экс-президент США Б. Обама неоднократно позволял себе негативные и даже оскорбительные высказывания в отношении России и российского президента. Сменивший его в президентском кресле Д. Трамп, ориентируясь на внутриполитические процессы в стране и собственные установки, использовал во многом иную риторику. Однако в действующей редакции Концепции национальной безопасности США Россия и Китай определены главными противниками Соединенных Штатов (примечательно, что по итогам мартовских событий в Крыму и рассмотрения «крымского вопроса» на заседании ГА ООН в редакционной статье «Хуанцю шибао» говорилось о том, что «…Китай выступает за многополярный мир, и сильная Россия укладывается в концепцию этого мира. Это куда лучше, чем мир, в котором одна Америка говорит «баста!» и все»[155]).

Подавляющее большинство стран мира, вслед за Соединенными Штатами и Великобританией, «выразили озабоченность аннексией Крыма Россией». Антироссийская риторика стран-членов Европейского союза, являющихся членами НАТО и в наибольшей степени оказавшихся вовлеченными в украинские события, практически ничем не отличалась от американской. Мировые СМИ, подконтрольные американскому и британскому капиталу, с готовностью тиражировали намеренно искаженную и лживую информацию о политике России в отношении Украины, кризиса на юго-востоке Украины и, конечно, о ситуации вокруг Крыма и Севастополя.

Вместе с тем, в течение тех 6 лет, что действуют санкции, связанные с «крымским вопросом», полуостров посетило множество делегаций с участием европейских политиков, бизнесменов и общественных деятелей, европейские туристы отдыхают в Крыму. В европейских средствах массовой информации регулярно появляются публикации, в которых ЕС обвиняется в двойных

---

[154] *Киселев С.Г.* Трансформация мировой геополитической модели: последствия для России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №2(38). С. 63.

[155] Цит. по: *Кульпин Э.С.* Феномен Крыма с позиций социоестественной истории // История и современность. 2014. №1. С. 5.

стандартах и звучат призывы к Брюсселю рационально подойти к решению «крымского вопроса» с учетом необходимости восстановления и развития российско-европейских отношений.

Турция

Турция, региональное государство, у которого, в отличие от нерегиональных геополитических игроков, Крым всегда занимал важное место в палитре внешнеполитических устремлений, особенно в контексте Пантюркистского проекта (где особое внимание уделяется крымским татарам), ярым сторонником которого является действующий президент Р. Эрдоган. Кроме того, более 5 млн граждан Турции являются потомками крымских татар, в конце XVIII – первой половине XIX вв. эмигрировавших из Таврии. Это достаточно значимый сегмент турецкого электората, чьи настроения официальная Анкара не может не учитывать. Несмотря на явное сближение с Россией, наметившееся сразу после попытки государственного переворота, инспирированного, по глубокому убеждению местной элиты, Вашингтоном[156], Анкара на официальном уровне оценивает резко негативно возвращение Крыма в состав России. Турция, остающаяся членом Североатлантического альянса, с одной стороны, вынуждена придерживаться его политики и не признавать российскую принадлежность Крыма, с другой стороны – даже в нынешнем Крыму у Турции есть конкретные интересы геополитического свойства. Лишь ограниченный ресурс, имеющийся в распоряжении Анкары, а затем кризисная ситуация на Ближнем Востоке, где вовлеченность Турции по сути на стороне США и НАТО оценивается как весьма высокая, не позволили ей включится в конкуренцию за Крымский полуостров еще на стадии роспуска СССР, а потом и в ходе украинского кризиса. В период независимого развития Украины Турция осуществляла на полуострове политику мягкой ассимиляции, прежде всего в культурном ключе. В качестве целевой группы выступали, разумеется, крымские татары. Благодаря последней позиции Турции в Крыму значительно

[156] Примечание: Вашингтон до сих пор отказывается выдавать Анкаре исламского проповедника Фетхуллаха Гюлена, которого Эрдоган считает главным организатором попытки переворота 15–16 июля 2016 г.

укрепились. На данном этапе Анкара официально заявляет о том, что будет оказывать поддержку в вопросе восстановления суверенитета и территориальной целостности Украины[157]. Примечательно, что на встрече П. Порошенко и Р. Эрдогана в Нью-Йорке в 2016 г. присутствовал и М. Джемилев, лидер запрещенного на территории РФ Меджлиса крымско-татарского народа, ранее действовавшего в Крыму и не принявшего российский статус полуострова[158]. Однако, необходимо отметить, что до настоящего времени ни одно из турецких официальных лиц не заявляло о правах Турции на Крым поле марта 2014 г. Следует также учитывать, что важным фактором является и заинтересованность Турции в выгодных контрактах и поставках российских вооружений, российского газа также в значительных потоках туристов из России. В целом, можно констатировать, что «крымский вопрос» позволяет Турции балансировать между интересами России и США.

Резолюции по «крымскому вопросу» ГА ООН

Наиболее ярко позиции ключевых геополитических игроков, региональных держав и стран, не обладающих критическим геополитическим весом, проявляются в ходе голосования по «крымскому вопросу» на Генеральной Ассамблее ООН.

В ходе голосования в ГА ООН в 27 марта 2014 г. по Резолюции № 68/262 «О территориальной целостности Украины» по результатам плебисцита в Крыму Россию поддержали всего 11 стран. За резолюцию против признания результатов проголосовали 100 государств мира, воздержались – 58 государств. Результаты голосования были весьма показательны – они продемонстрировали, что большинство стран мира, включая все страны так называемого «золотого миллиарда» осуждают российскую политику по отношению к Украине.

[157] Крымский голос Эрдогана // Газета.ru [Интернет-газета]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/09/25_a_10214633.shtml (дата обращения: 12.04.2020).

[158] Там же.

В декабре 2017 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию с осуждением «временной оккупации Крыма», внесенную Украиной. Разумеется, Москва назвала неверными формулировки в резолюции. Итоги голосования по резолюции были более чем противоречивыми, но в целом предсказуемыми. Большинство стран – членов ООН воздержалось при голосовании по указанной резолюции (представители 76 государств, в числе которых в основном латиноамериканские и африканские страны). За принятие резолюции проголосовали 70 государств, в их числе Соединенные Штаты Америки и страны Евросоюза (например, на тот момент условно «пророссийские» Чехия и Венгрия, а также Болгария). Важно, что в числе проголосовавших «за» оказались и две постсоветские страны – Грузия и Молдавия. Всего 26 стран – членов ООН проголосовали против принятия резолюции (в их числе Китай, Индия, ЮАР, Иран, Сирия, Венесуэла, Куба, Сербия, Боливия, КНДР, а также постсоветские Армения, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан. Не участвовали в голосовании около полутора десятка стран, в их числе постсоветские Азербайджан и Туркменистан, а также Ирак и Марокко и другие[159]. Предыдущая попытка рассмотреть антироссийскую резолюцию на ГА ООН состоялась в ноябре 2017 г. В тот момент резолюцию поддержали 71 государство, в том числе Канада и США, страны Евросоюза. Против принятия резолюции проголосовали 25 стран – в их числе союзники России на постсоветском пространстве – Армения, Белоруссия и Казахстан, а также Индия, Иран, Китай, КНДР, Мьянма, Сербия, Сирия, ЮАР и другие.

Примечательно, что Пекин высказался против вынесенной на голосование в декабре 2017 г. резолюции лишь потому, что там шла речь о нарушении прав человека. Однако, в случае, если бы речь шла исключительно об отношении официального Пекина к самой принадлежности Крыма, то Китай вероятнее всего воздержался бы от голосования. Такой подход Пекина понятен – любое изменение границ без согласия государства, у которого была раньше

[159] Резолюция ГА ООН по Крыму выражает мнение меньшинства // Взгляд. 20 декабря 2017.

юрисдикция над «спорной» территорией, настораживает любую другую страну. В целом, в мире никто не желает прецедент, опасаясь сепаратизма, имеющего тенденцию распространяться «по принципу домино».

В контексте «крымского вопроса» с учетом стремительно меняющихся политических реалий разумно рассчитывать на то, что со временем позиции стран Запада, представленных в числе постоянных членов ООН, а также тех, кто входит в блок НАТО и их союзников, будет постепенно эволюционировать. Так, у развитых стран Европы и США есть возможность продемонстрировать приверженность демократическим принципам, предмет своей гордости. Но в новых условиях это будет удовлетворять российские интересы. С 2014 г. состав национальных парламентов существенно изменился и эти качественные изменения продолжатся в том числе как реакция на кризис, связанный с пандемией COVID-19. Воля парламентов европейских стран позволит снять ответственность за введение антироссийских санкций с руководителей этих государств. Выбор народных избранников вполне может стать отправной точкой для разрядки напряженности вокруг «крымского вопроса», а также в целом в системе отношений России с коллективным Западом.

В целом, можно отметить, что с 2014 г. юридическая позиция субъектов мировой политики по «крымскому вопросу» не меняется, а российские аргументы по-прежнему совершенно не воспринимаются. Между тем часть стран, идущих в фарватере американской и европейской политики, голосует «против России», а другая часть не считает, что это вопрос сколько-нибудь серьезных дискуссий, и не желает вмешиваться в спор. В итоге – российская интерпретация причин и жизненной необходимости воссоединения Крыма и Севастополя с Россией не признана практически никем в мире, включая стратегических партнеров Российской Федерации по постсоветским интеграционным объединениям (СНГ, ОДКБ, ШОС) и даже второго участника Союзного государства - Беларуси.

Таким образом, уровень и характер вовлеченности каждого из акторов в региональные процессы вокруг Крыма варьируются, равно как и степень прямого или опосредованного участия в геополитическом конфликте по вопросу принадлежности полуострова и военно-морских баз. Во многом сходя из этого формируется позиция каждого из участников геополитического противостояния.

Анализ позиций ключевых геополитических игроков в регионе и в целом мирового сообщества по «крымскому вопросу» показывает, что проблема Крыма не рассматривается адекватно той ситуации, которая в реальности имела место накануне и в процессе присоединения полуострова к России, не учитываются условия и ключевые факторы, заставившие население Крыма высказаться за возвращение в состав Российского государства. Принципиальное значение имеет позиция России по Крыму и Севастополю в контексте ее жизненно важных интересов и необходимости обеспечения национальной безопасности по ряду ключевых направлений. Возвращение Крыма, с точки зрения практической геополитики, означает восстановление сферы геополитического влияния в Азово-Черноморском регионе с выходом на все Средиземноморье и, соответственно, ограничение сфер влияния геополитических оппонентов России.

*** *** ***

Во втором разделе диссертационного исследования с использованием системного, геополитического подходов, положений теории международных отношений, теории национальной безопасности, ретроспективного, сравнительного анализа и метода юридического анализа текстов было осуществлено исследование таких важных аспектов исследуемой темы, как политико-правовое измерение вхождения Крыма в состав РФ; «крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России; позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу».

Результаты исследования показали, что воссоединение Крымского полуострова с Россией обладает всеми ключевыми признаками демократической процедуры осуществления права народов на самоопределение, юридически обосновано и легитимно, но вместе с тем специфично, так как оно стало в определенном смысле следствием роспуска СССР, непоследовательной политики властей независимой Украины в отношении Крымской автономии. Анализ показал, что неприятие реализующими политику «двойных стандартов» геополитическими оппонентами России факта воссоединения, обоснованного и прозрачного с правовой точки зрения, лежит в сугубо политической плоскости. Определено, что выбор между политикой реализации национальных интересов и следованием нормам международного права зачастую зависит от места, занимаемого тем или иным геополитическим актором в мировой иерархии и его ресурсов.

В рамках исследования были выявлены сферы локализации угроз национальной безопасности на крымском направлении. Анализ показал, что воссоединение Крымского полуострова с Россией было обусловлено стремлением российской правящей элиты воплотить в жизнь национальные интересы, стало ответом на возникшие вызовы безопасности и было реализовано в чрезвычайных обстоятельствах. При этом Москва стремится планомерно реализовать принципы стратегии национальной безопасности и одновременно проводить политику первоочередности решения проблем в приграничных регионах. Состояние «крымского вопроса», как международно-политической проблемы, является важным фактором оценки уровня обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Разрешение крымской проблемы позволит замкнуть «периметр безопасности» России и высвободить ресурсы для реализации национальных интересов за пределами этого «периметра». Успех в решении «крымского вопроса» имеет большое значение для формирования «пространства безопасности» по периметру российских границ. Важно оно и для дальнейшего поступательного развития нашей страны и демонстрации потенциала правящего класса в последовательном и успешном

достижении поставленных целей, непосредственно сопряженных с национальными интересами.

Результаты исследования демонстрируют, что уровень и характер вовлеченности каждого из геополитических акторов в региональные процессы вокруг Крыма варьируются, равно как и степень прямого или опосредованного участия в геополитическом конфликте по вопросу принадлежности полуострова и его военной инфраструктуры.

В целом, проблема Крыма не рассматривается мировым сообществом адекватно реальной ситуации, не принимаются во внимание специфические условия и факторы, повлиявшие на выбор населения Крымского полуострова, аргументы российской стороны. Благоприятное для Российской Федерации (и самого Крыма) разрешение «крымского вопроса» лежит в створе ее жизненно важных интересов и необходимости обеспечения национальной безопасности. С точки зрения теории и геополитической практики, воссоединение имеет ключевое значение для восстановления сферы геополитического влияния России в Азово-Черноморском регионе и Средиземноморье и является фактором, ограничивающим здесь влияние геополитических оппонентов России.

Глава 3. Опыт и пути разрешения «крымского вопроса»: геополитический подход

3.1. Технологии и инструменты геополитического противостояния в рамках «крымского вопроса»

Динамичное расширение присутствия Российской Федерации в Северном Причерноморье, воссоединение Крыма и Севастополя с Россией не могло не иметь последствий, прежде всего политических. Конфронтация с Западом, отмеченная снижением градуса лишь в связи с пандемией COVID-19 в начале 2020 г., требует актуализации представлений о технологиях и инструментах геополитического противоборства. Анализ последних в контексте «крымского вопроса» определяет новизну предпринятого исследования.

Современные государства, особенно те из них, которые располагаются в ресурсных регионах или на пересечении стратегических маршрутов постоянно подвергаются давлению со стороны существующих и нарождающихся центров силы. Далеко не всегда это давление может быть описано и охарактеризовано с помощью инструментария политической, исторической или экономической наук. Зачастую, помочь представить максимально адекватную картину происходящего может теория геополитики и разделы геополитики, изучающие ее тактический уровень, представляющий собой оперативное пространство для апробирования и использования геополитических технологий и инструментов. Как уже указывалось, в пользу использования геополитического подхода свидетельствует, в частности проект «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья», реализованный Севастопольским государственным университетом в коллаборации с Лабораторией комплексного картографирования географического факультета МГУ, специалистами из НИУ-

ВШЭ, Института географии РАН, Крымского федерального университета и др.[160]

Как правило, тактические цели использования геополитических технологий и инструментов продиктованы геостратегическими целями тех или иных государств и межгосударственных объединений. Зависят они и от оценки базовых характеристик потенциального геополитического оппонента, и, конечно, от объекта соперничества, его геополитического и геостратегического значения, возможных рисков и проч. Данный подраздел исследования строится на полученных в предыдущих разделах результатах, а также том очевидном обстоятельстве, что Крым является стратегически важным для обеспечения национальной безопасности России на Южном направлении, Крым даёт нашей стране возможность влияния на Балканы, Турцию, Ближний Восток, выстраивания «внешнего пояса безопасности»[161], как одного из вариантов «пояса стабильности». Под последним следует понимать «однородность и одновременность каждого из протекающих внешнеполитических процессов, гарантия движения к метастабильному состоянию, с длительным равновесием системы международных отношений»[162].

Технологии и инструменты, с помощью которых реализуется геополитическое противостояние вокруг Крыма и Севастополя, формат и параметры их использования зависят от глубины и характера вовлеченности каждого из акторов – России, Украины, США, ЕС, Турции – прямого или косвенного – в региональные процессы в целом, и в конфликт, в частности, и, конечно, от имеющихся в их распоряжении ресурсов.

---

[160] См. *Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. №1.

[161][161] *Баранов А.В.* Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С.7.

[162] *Бафоев Ф.М.* Пояса безопасности в мировой политике: специфика, проблемы, перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №12-1. С. 68.

Цель данного подраздела – охарактеризовать технологии и инструменты геополитического противостояния вокруг Крыма на основе геополитического подхода, системного подхода и положений теории международных отношений.

Характерные черты современных геополитических технологий и инструментария

В целом геополитический инструментарий, используемый государствами в современном мире, весьма и весьма разнообразен – от инструментов «мягкой силы» (по Дж. Наю[163]) до экономических санкций. Выбор зависит от положения, которое занимает актор в геополитической структуре мира, от региона, где планируется применение того или иного инструмента, от имеющегося в наличии собственного ресурса и ресурсов союзников, от конкретной ситуации и от целей и задач, которые ставит перед собой геополитический актор.

Технологии геополитического противоборства по сути представляют собой сложную систему прямого или косвенного применения различных сил, средств и методов, используемых субъектами геополитических процессов для контроля и управления объектом геополитического пространства с целью реализации своих долгосрочных интересов и целей в государственном, межгосударственном, региональном и глобальном уровнях[164]. В современной литературе достаточно широкое освещение получили такие геополитические технологии как стратегия «непрямых действий», тактика «гуманитарных интервенций», «борьба с терроризмом», реализация геоэкономических проектов, выполняемых в сотрудничестве с другими субъектами геополитических процессов (по типу так и не реализованных до настоящего времени проектов Транстихоокеанского и Трансатлантического торговых партнерств). В современных условиях не мог не появится новый тип геополитической технологии, который можно определить как «комбинированная технология силы», и который является результатом

[163] См.: *Най Дж.* Мягкая сила: как добиться успеха в мировой политике. New York: Public Affairs Group, 2004.

[164] См.: *Шарапов А.К.* Характеристика отдельных геополитических технологий, применяемых в современном геополитическом процессе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 27 (75).

формирования и объединения алгоритмов развития структурных элементов технологии «мягкой» и «жесткой» «сил»[165]. В реальной политике Запада в Восточной Европе это, прежде всего, выражается в целенаправленной реализации принципа «привлекательности» своих политических, экономических, культурных систем и в дальнейшем постепенном переходе к подготовке и реализации «бархатной революции», «цветной революции», «информационной войны», стратегии «управляемого хаоса», «экспорта демократии» и пр. В ходе реализации подобных сценариев важную роль играют всевозможные негосударственные структуры вроде неправительственных организаций, частных военных компаний и др. Практически любая из так называемых «цветных революций» в Восточной Европе и в постсоветских Закавказье и Центральной Азии была реализована в рамках указанной технологии. Нарочито демонстрируемая «открытость Запада» перед элитами и массами постсоветских новых независимых государств, особенно перед молодежью, а также возможности социальной мобильности и другие последствия глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий и социальной инженерии делают задачу по нейтрализации данной технологии крайне сложной для выполнения. Особенно это касается государств, имеющих непродолжительную историю независимого существования, слабую государственность, масштабную коррупцию, серьезные внутренние противоречия и слабую экономическую базу.

Изначально предполагалось, что современные геополитические технологии осуществляются в том числе и с целью неприменения военной силы для перевода под свой геополитический контроль той или иной новой территории. Т.е. предусматривался постепенный отход от прямой военной экспансии с применением широкого спектра старых технологий к более гибким, адаптивным технологиям, которые позволяют достичь геополитической цели с низкими политическими, экономическими и моральными издержками. Однако

[165] См.: Там же.

опыт трех десятилетий с момента окончания «холодной войны», показывает, что в действительности отхода не произошло. В рамках «комбинированной технологии силы» в реализации геополитических целей предусмотрена военная фаза конфликтного взаимодействия. Таким образом, военная фаза в геополитических технологиях может запускаться в заключительной стадии их реализации, когда инструменты «мягкой силы» и методы воздействия не дают ожидаемого результата. Как уже указывалось выше, ключевая цель данных технологий заключается в переходе под контроль и реализации контроля и управления конкретным актором геополитическим пространством страны или целого региона как объектом геополитики.

Специфика страновых подходов к использованию геополитических технологий и инструментария

Так, США в экономическом плане практически не зависят от России, и это позволяет им проводить политику «развязанных рук» в отношении зон национальных интересов России. Это исходная вводная, с учетом которой выстраиваются технологии геополитического давления на Россию. США, наряду с «мягкой» и «жесткой силой» и разнообразных их сочетаний, давно ввели в геополитическую практику такие механизмы как объявление интересующих их регионов «зонами национальных интересов США», тесное взаимодействие с региональными элитами с последующей перестройкой проводимой ими внутренней и внешней политики в интересах США, использование стратегии «управляемого хаоса» в зонах национальных интересов США, экономические санкции и проч.[166]. Кроме того, США активно используют в своих интересах Североатлантический альянс, а также такие глобальные структуры, соотносящиеся с ООН, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, международные организации - ВТО, Green Peace и другие.

[166] См., например: *Шамин И.В.* Своеобразие «американского варианта» концептуальной модели ведения борьбы между государствами «стратегия непрямых геополитических действий» // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2010. №6. С. 284–293.

ЕС, как геополитический актор, традиционно использует технологию и инструменты «мягкой силы», делая ставку на привлекательность «европейского образа жизни» и «европейских ценностей». Для реализации своих геополитических интересов, прежде всего в области безопасности, ЕС склонен к созданию интеграционных структур экономического и социально-культурного характера. Отдельно исследователей занимает вопрос самостоятельности ЕС в реализации геополитических проектов, т.к., например, события в Югославии в 1999-2000 гг. показали, что тон ходу переформатирования Балкан задавали США, как и в ряде других событий, напрямую затрагивающих интересы ЕС.

Турция, как региональный игрок, в ходе реализации своей геостратегии в рамках Пантюркистского проекта в настоящее время также делает ставку на «мягкую силу». В числе ключевых инструментов выступает продвижение турецкой культуры, образования, создание и расширение общего тюркского информационного пространства, а также турецкой модели государственности, которую находят весьма привлекательной, например, постсоветские государства с преобладающим тюркоязычным населением.

Оценивая место Украины в современной геополитической структуре мира, а также ее нынешнее положение в системе международных отношений, состояние ее внутренней и внешней политики, уровень влияния ключевых геополитических игроков на управление государством, можно констатировать, что современная Украина представляет собой не субъект, а объект геополитики (и соответственно «полигон» для обкатки американских и европейских геополитических технологий). Она не может реализовывать собственную геостратегию и даже иметь и использовать собственные геополитические технологии. Все, что может себе позволить нынешняя Украина, – это транслировать инструментарий геополитического противоборства, предложенный Вашингтоном и Брюсселем. Поэтому Киев и делает ставку на информационные кампании и идеологические атаки националистического и неофашистского содержания.

«Крымский вопрос» в геополитической практике

Указанные геополитические технологии и инструменты геополитического противоборства США и ЕС активно и в различных комбинациях активно используются против России. Особенно резонирующие формы это приобрело в контексте конфликта по «крымскому вопросу».

Российское политическое руководство адекватно оценивало последствия смены официальным Киевом геополитической ориентации в условиях отсутствия союзников в регионе[167] и особенно будущее таких важных с геополитической и военно-стратегической точек зрения объектов как Крым и Севастополь. Успех «геополитической операции» по выводу Украины вместе с Крымским полуостровом из сферы влияния России был уже практически предрешен, когда Москва решилась на шаг, последствия которого было достаточно сложно предсказать. Официальной информации о том, каким образом принималось руководством страны политическое решение по присоединению Крыма, нет. Можно предположить, что этот пример со временем войдет в учебники по политологии и геополитике. Геополитический подтекст принятого решения совершенно очевиден (гарантировать сохранение Россией контроля над рядом военно-морских баз в Севастополе и на ближайших к нему территориях), несмотря на то, что принималось оно в очень сжатые сроки. Хотя зарубежные исследователи указывают на то, что сценарий по присоединению Крыма и Севастополя был подготовлен заранее[168]. Сразу после юридического оформления акта вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, Москва официально подтвердила свои планы по модернизации военно-морских баз на полуострове и техническому переоснащению и усилению Черноморского флота[169]. Наблюдатели отмечали,

---

[167] *Швец А.Б.* Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып.2. 2018. С. 22.

[168] См.: *Гетц Э.* «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып.4. Т.9. С. 10.

[169] Минобороны назвало сроки модернизации базы МВФ в Севастополе // РБК [Электронный ресурс]. 28 августа 2017 г. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59a3d90a9a794703beac7a15 (дата обращения: 06.02.2020).

что поступившие из Кремля сигналы о планах по модернизации флота свидетельствовали об имеющихся планах Москвы по распространению своего фактического контроля над стратегическими водными путями в восточной части Черного моря, в частности, над Керченским проливом и Азовским морем. Поступивший сигнал был адресован не только региональным игрокам, но и внерегиональным – о необходимости учитывать национальные (прежде всего военно-стратегические) интересы России, а в случае игнорирования последних – о рисках разнообразных и вполне ощутимых издержек, вплоть до утраты части государственной территории.

На следующем этапе, реагируя на стремительно и не без помощи Запада легализующееся новое политическое руководство Украины, пришедшее к власти путем государственного переворота, Россия отказалась признавать его (официальные лица определяли его как «фашистскую хунту»), пытаясь вывести из равновесия. Параллельно с политическим и психологическим давлением на новое руководство Россия начала применять экономические рычаги воздействия на Киев – весной 2014 г. российский «Газпром» объявил, что он перейдет к системе предоплаты за газ, поставляемый на Украину, и повысит цену газа до уровня мировых цен.

Далее, Россия политически поддержала оппозиционные выступления на Юго-Востоке Украины. Гражданское и политическое противостояние на Юго-Востоке стремительно перешло в фазу вооруженного противостояния, оформившись во внутренний вооруженный конфликт сепаратистского характера. Официально Россия в конфликте не участвовала и не участвует, однако политически и экономически поддерживает независимость образовавшихся ЛНР и ДНР, примыкающих к границам Российской Федерации. С точки зрения геополитики два непризнанных государства представляют собой «буферную зону» между Россией и государством, стремящимся войти в НАТО – Украиной. И с этой точки зрения, поддержка ЛНР и ДНР выглядит как вполне рациональная и последовательная политика Москвы.

Кроме того, поддерживая режимы в ЛНР и ДНР, Москва одновременно обращалась к официальному Киеву с призывами предоставить местным органам власти в отдельных украинских регионах более высокой степени автономии или просто провести федерализацию Украины с учетом ее сложного этнокультурного состава территории и исторических особенностей развития. Если бы новое политическое руководство Украины согласилось на любую форму децентрализации, Россия смогла бы тесно сотрудничать с регионами вдоль российской границы, что позволило бы не только обеспечивать безопасность в «буферной зоне», но и непосредственно влиять на внутреннюю и внешнюю политику Украины, особенно в крайне чувствительном для Москвы вопросе вхождения Украины в Североатлантический альянс. А перманентная угроза распада страны и выхода Одесской, Николаевской, Херсонской и Харьковской областей делало бы внешнюю политику Киева более взвешенной, адекватной, а само правительство – более договороспособным.

Именно по этой причине нынешний официальный Киев не соглашается на вариант федерализации Украины и всеми возможными способами затягивает выполнение Второго минского соглашения[170], рассчитывая на то, что позиция Москвы смягчится и/или изменится в результате использования Западом в ее отношении разнообразного инструментария геополитического давления.

Геополитические технологии и инструменты воздействия Запада на Россию в контексте «крымского вопроса»

После возвращения Крыма и Севастополя в состав России поэтапное использование Западом геополитических технологий и инструментария в отношении России выглядело следующим образом.

На первом этапе Запад, прежде всего в лице США и ЕС, используя дипломатическое и информационное давление, пытались заставить российское

[170] Примечание: Второе минское соглашение – документ, согласованный на саммите в Минске 11—12 февраля 2015 г. руководителями Германии, Франции, Украины, России в формате «нормандской четвёрки» и подписанный контактной группой, состоящей из представителей Украины, России и непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик, с целью деэскалации вооружённого конфликта на востоке Украины.

руководство перейти от тактики геополитического наступления к геополитической обороне. Т.е. Вашингтон и Брюссель прекрасно осознавали беспочвенность своих надежд на то, что Москва откажется от Крыма, однако рассчитывали на то, что давление с их стороны поможет «выбить» политические и экономические уступки и даже компенсации за Крым. В рамках такого подхода США и ЕС, используя возможности информационно-коммуникативного пространства, стремились представить Россию в роли «агрессора» (это понятие, как известно, имеет четкую дефиницию в документах ООН[171]), с таким расчетом, чтобы Москва вынуждена была оправдываться за свои действия в отношении Крыма и Украины, доказывая их легитимность и историческую объективность. Голосование на Генеральной Ассамблее ООН по проблеме российско-украинских отношений в 2014 и 2017 гг. ярко демонстрирует, что России пока не удается доказать свою правоту и законность присоединения Крыма и Севастополя[172]. Это действительно крайне сложная задача, учитывая, что «Крым стал действительно первым случаем в истории послевоенной Европы, когда одно государство присоединило к себе часть территории другого государства, да еще и военным путем»[173]. В результате массированной атаки в информационном пространстве со стороны Запада Россия начала стремительно терять приобретенный марте 2014 г. образ «защитника русского мира» и «оплота русской весны», что не могло не сказаться на ее международном имидже. Даже союзники России по постсоветским интеграционным объединениям, включая участников региональной системы коллективной безопасности в лице ОДКБ, заняли двусмысленную позицию, не признав Крым частью российской территории. Набиравшее на Украине антироссийское движение, избрание в мае 2014 г. президентом Украины П. Порошенко, нерешительность Москвы в развитии геополитического проекта «Новороссия» практически закрывало для России

[171] Резолюция ГА ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.

[172] Резолюция ГА ООН по Крыму выражает мнение меньшинства // Взгляд. 21 декабря 2017.

[173] Цит. по: *Морозов И.Л.* Геополитическая безопасность современной России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 113.

возможности успешной реализации геостратегии на юго-западном направлении и создавало крайне негативный расклад во взаимоотношениях с Западом, в которых Россия позиционировалась как заложница «крымского вопроса».

На втором этапе Россия почувствовала на себе и экономические последствия давления стран Запада. Внешне никак не связанные негативная политическая риторика Вашингтона и Брюсселя и обрушение мирового рынка нефти (по мнению ряда специалистов, последнее стало результатом сговора США и Саудовской Аравии[174]) обусловили серьезные кризисные явления в российской экономике и с негативные социальные последствия. Еще одним ударом для российского общества стала агрессивная санкционная политика Запада в отношении России. Так, США вводят санкции в одностороннем порядке и без одобрения Совета Безопасности ООН. А высокая степень интеграции российских экономики и финансов в мировые экономическую и финансовую системы, которые базируются на принципах «Вашингтонского консенсуса» и, соответственно, на долларе, сделала Россию крайне уязвимой для такого рода геополитических инструментов. Последствия применения санкций со стороны США и ЕС под лозунгом «изоляции России от мира» заставили Москву в срочном порядке скорректировать внутреннюю экономическую политику в сторону импортозамещения, что, однако, дало неоднозначные результаты[175]. По сути, протекционистские меры в отношении российского производителя позволили закрыть ряд проблемных вопросов (однако далеко не все) и в целом повысить рейтинги российского политического руководства. Сами санкции стали мобилизующим механизмом для всего российского общества. Федеральные СМИ активно насыщали информационное пространство внутри и за пределами России контентом, направленным на формирование комплементарного общественного мнения: Россия терпит

[174] Игра в нефть // Коммерсантъ Власть. №5 от 09.02.2015. С. 9.

[175] См.: *Карпушин Е.С.* Импортозамещение в России: результаты и перспективы развития // Петербургский экономический журнал. 2016. № 2. С. 23-30; *Кузнецова Г.В., Цедилин Л.И.* Импортозамещение: предварительные результаты политики за пять лет // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. №10. С. 7–25.

временные трудности из-за антироссийских санкций потому, что противники России не могут принять новую реальность, связанную со свершением акта исторической справедливости – возвращением Крыма в состав Российского государства. Российские авторы указывают на то, что «российская принадлежность Крыма не может быт предметом переговоров и торга ни в каком формате»[176]. В целом, можно сказать, что действия Кремля и Администрации Президента в рамках политики «после Крыма» позволила не просто поднять свой рейтинг внутри страны, но и сплотить население, воодушевленное «русской весной». Яркой демонстрацией успеха этой политики стало избрание на четвертый срок В. Путина в марте 2018 г.

Наконец, *на третьем этапе* геополитического противостояния с Россией Запад пытается дестабилизировать ситуацию в самой России преимущественно за счет политических манипуляций «прозападно» настроенной оппозицией, а также за счет провоцирования разного рода конфликтов – сепаратистских, межэтнических и межконфессиональных. Именно в этом ключе отечественные авторы рассматривают, к примеру, убийство оппозиционного политика Б. Немцова, вину в смерти которого западные СМИ однозначно возложили на Кремль.

Разумеется, Вашингтону и Брюсселю не удалось реализовать в полной мере линию на «изоляцию России от мира». Геополитическая атака Запада, представлявшая собой одновременно внешнее политико-психологическое и финансово-экономическое воздействие и работу «изнутри», не могла не спровоцировать ответной реакции не только России, но и других государств в статусе состоявшихся и только нарождающихся региональных лидеров, а то и в статусе великих держав. Внимательно отслеживая действия и эффекты от используемых Западом геополитических технологий и инструментов в отношении России, каждое из этих государств вынуждено примерять сложившуюся ситуацию противостояния России и Запада вокруг Крыма на себя

[176] *Буянов В.С.* Очерки о России: власть, политика, идентичность: монография. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 207.

(особенно Китай с его проблемой Тайваня). При этом каждое из этих государств осознавало, что те уязвимости, которые обнаружились у России, в большинстве своем имеются и у них. А, следовательно, при любой попытке проводить подлинно независимую политику в ситуации, когда Вашингтон упорно продолжает видеть мир однополярным и продолжает реализовывать политику ограничения нарождающихся новых центров силы, каждое из них может стать следующим. Одновременно, происходящее в Совете Безопасности ООН демонстрирует, что даже аргументы государства, обладающего правом вето, могут совершенно не принимать во внимание на Западе. Грубо организованные геополитические провокации становятся расхожим инструментом внешней политики США, позволяющим переформатировать в своих интересах целые регионы. Все это подтолкнуло альтернативные США и ЕС центры силы друг к другу в общем стремлении создать хоть и неформальную, но коалицию геополитических сил, способных уравновесить так называемое «атлантическое сообщество». Таким проектом стал БРИКС, в данный момент неформальная структура, форум, где одну из главных ролей играет Российская Федерация.

Таким образом, можно констатировать, что Россия оказалась не готова к последствиям важнейшего с момента окончания «холодной войны» геополитического шага – возвращения Крыма в состав Российского государства. Шаг был во многом вынужденным, его спровоцировали радикальные изменения геополитического свойства в Юго-Восточной Европе, последствия этих изменений непосредственно затрагивали национальные интересы и национальную безопасность Российской Федерации. Тем не менее, последствия этого шага, выраженные в крайне агрессивной политике Запада в отношении России, выявило ряд уязвимостей, ликвидация который сегодня стоит во главе угла всей внутренней и внешней политики Москвы.

Анализ использованных геополитическими оппонентами России технологий и инструментов и в целом «механики», посредством которой реализуется геополитическое давление на Россию, показал, что эти

инструменты являются в целом универсальными, однако базовые вводные (мировая финансовая система, базирующаяся на долларе, контроль США над мировыми финансовыми и кредитными организациями, возможность контроля глобальных информационно-коммуникативных сетей, глобальное кураторство проектов по продвижению демократии и пр.) ограничивают возможность использования этих инструментов против США и ЕС. Соответственно, необходимы выработка и использование принципиально новых подходов и инструментов, что позволило бы эффективно противодействовать геополитическим оппонентам России и обеспечивать эффективную внешнюю политику государства в целях решения «крымского вопроса» и обеспечения геополитических интересов и национальной безопасности России в целом.

3.2. Фактор цивилизационного идентитета населения Крыма в геостратегии России

Данный подраздел исследования строится на очевидном для специалистов положении, что идентичность населения Крыма, будучи многосоставной, тем не менее отличается от идентичности населения современной Украины. Зачастую, в случае выявления особой идентичности у этнически смешанного населения на той или иной территории, обособленной в силу различных причин (сепаратизм, последствия ирредентизма, исторически обусловленная изоляция этнической или этнографической группы и т.д.), ее характер определяется как культурная, территориальная или региональная идентичность. Особое значение имеет тот факт, что именно наличие особой идентичности используется населением для обоснования своего права на самоопределение, провозглашение независимости или особого статуса в составе существующей государственности.

В случае Крыма и Севастополя проблема идентитета видится весьма актуальной в контексте смены государственной принадлежности в 2014 г., а также задачи интеграции территории полуострова и его населения в систему российской государственности. Наличие у населения Крыма отличной от украинской идентичности становится важным фактором для укрепления позиций России в международно-политическом диалоге по проблеме Крыма. Учет этого фактора позволит выйти на новый уровень обобщения и в научном плане, предложить принципиально новый взгляд на гуманитарное измерение «крымского вопроса», а более широко – обозначить новый структурный компонент в теории и практике разрешения территориальных и политических конфликтов.

Проблема выявления особой, отличной от украинской этнической и гражданско-государственной идентичности населения Крымского полуострова в новых исторических обстоятельствах только начинает исследоваться. В связи с этим необходимо упомянуть работы А.В. Баранова[177], Ш.Р. Кашафа[178], М.Н. Губогло[179], А.В Мальгина.[180], А.Р. Никифорова[181], С.Н. Киселева[182], Д.В. Сосновского[183], Т.А. Сенюшкиной[184], Л.Г. Егоровой[185] и др.

---

[177] *Баранов А.В.* Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией // Научная мысль Кавказа. 2014. №4. С. 52.

[178] *Кашаф Ш.Р.* Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №2. С. 64–71.

[179] *Губогло М.Н.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан — оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) / М.Н. Губогло, Р. А. Старченко. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2014.

[180] *Мальгин А.В.* Крымское сообщество: между прошлым и будущим [Электронный ресурс] / А. В. Мальгин // Глобалтека [Сайт]. URL: http://globalteka.ru/articles/doc_details/3802------.html. (дата обращения: 06.06.2020).

[181] *Никифоров А.Р.* Крымское региональное сообщество в трёх проекциях и измерениях / А.Р. Никифоров // Вюник СевНТУ. 2012. № 136. С. 225–231.

[182] *Киселев С.Н.* Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность / С.Н. Киселев // Учёные записки Таврического национального университета. Серия: География. 2004. Т. 17, № 4. С. 241–248.

[183] *Сосновский Д.В.* Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991-2014) : дис. ... канд. полит. наук / Д.В. Сосновский. М., 2014.

[184] *Сенюшкина Т. А.* Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора / Т.А. Сенюшкина // Проблема суверенности современной России : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. М. : Наука и политика, 2014. С. 182–191.

Цель настоящего подраздела – доказать на основе сочетания методик цивилизационного, социологического и геополитического подходов, существование цивилизационного идентитета у населения Крымского полуострова, выступающего в качестве важного фактора в решении «крымского вопроса» и успешной интеграции полуострова в качественные пространства России, а также что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать «синергетический эффект», способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе.

Категория «идентитет» в контексте «крымского вопроса»

Понятие «идентичность» активно используется в современной гуманитарной науке. Оно было введено в научный оборот Э. Эриксоном, отметившим динамичность этого явления, его связь с культурой и идеологией[186]. Принято считать, что идентичности присущи этнические, религиозные и территориальные признаки. Конструктивистская парадигма предусматривает возможность «искусственного конструирования» идентичностей, например, политической или гражданской. Так, А. Гидденс считает, что идентичность зависит от модели психологического строения личности[187]. Таким образом, специалисты свободно оперирует этой категорией, как правило, указывая, какой теории или подхода они придерживаются при анализе тех или иных общественных процессов. Однако, в отличие от уже устоявшихся подходов к использованию этого термина в зависимости от предмета изучения («политическая идентичность», «этническая идентичность», «гражданская идентичность» и пр.) понятия «региональная идентичность» и «территориальная идентичность» являются спорными. С аналогичными проблемами сталкивается научное сообщество в случае использования термина «цивилизационная идентичность» применительно к индивиду, обществу или государству. Как

[185] *Егорова Л.Г.* Крымская идентичность в медийной картине мира // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т.8. №2. С. 373–387.

[186] *Erikson E.H.* Identity, Youth and Crisis / E.H. Erikson. New York : W.W. Norton & Company, 1968.

[187] *Giddens A.* Modernity and Self - Identity. Stanford, 1991. P. 47.

правило, специалисты, оперирующие этой категорией, отталкиваются от понимания термина «цивилизация», предложенного одним из авторов цивилизационного подхода в гуманитарном знании Н.Я. Данилевским[188] и другими независимо друг от друга работавшими авторами. В современной научной литературе под цивилизационной идентичностью понимаются общества в их привязке к определенным географическим ареалам, истории и социальной культуре[189]. Исторически такие общества выступают в качестве носителей социальных и культурных практик, отличающих их от других общностей, но при этом позволяющим им претендовать на универсальную (всемирную) значимость (хотя в отношении ряда древних цивилизаций, например доколумбовой Америки, данная характеристика неприменима). В отдельных работах, например, Л.Н. Гумилева, акцент делается на религиозно-идеологический компоненте природы больших обществ[190].

После окончания глобального противостояния в рамках «холодной войны», определявшегося столкновением двух идеологий, весь мир ожидал исполнения «исторического пророчества» американского футуролога Ф. Фукуямы о «конце истории». Количество конфликтов, как и их жертв, первые три десятилетия после окончания «холодной войны» в целом, не снизилось. Изменилась лишь природа конфликтов. Идеологическая составляющая современной конфликтности минимизировалась. Ее определяющее место во многих регионах мира заняла этническая, религиозная и … цивилизационная составляющая. Наиболее ярко эту тенденцию отразил в своих работах американский политолог С. Хантингтон[191]. Актуализация цивилизационного подхода в новых исторических и социальных условиях позволяет объяснить суть и природу многих современных конфликтов, особенно когда речь заходит о

[188] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

[189] См. *Цымбурский В.Л.* 2001. Идентичность цивилизационная. — Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль. 2001. Т. 2. С. 80.

[190] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли / Под ред. канд. геогр. наук К. П. Иванова. М.-Л., 1987; Он же. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.

[191] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order; 1996.

геополитическом противостоянии. Это, в частности, подтверждает фундаментальность работ Н.Я. Данилевского, видевшего масштабность и историчность противоречий между Западом и Востоком.

Активно в последние десятилетия в политологической и социологической литературе используется понятие «идентитет» в значении базового, ключевого компонента социальной идентификации[192]. Проблемами идентитета в России занимаются такие специалисты как Д.И. Антонов, доказавшего в своей диссертации, что во-первых, идентитет общества раскрывает содержание идентичности общества; во-вторых, развитие идентитета общества в условиях смены исторических эпох позволяет обществу сохранять способность оставаться самим собой (сохранять свою идентичность)[193]. Понятием «идентитет» в своих научных трудах также оперируют С.В. Туровская, В.Д. Соловей, Н.М. Чуринов и др. Из западных специалистов, внесших вклад в разработку данного понятия, следует отметить Ф. Броделя, С. Хантингтона. Вместе с тем, пока не получено однозначного ответа на вопрос, каким образом соотносятся понятия «идентитет» и «идентичность». Так, согласно Большой российской энциклопедии, идентичность (от ср.-век. лат. identicus – тождественный, одинаковый) – тождественность, одинаковость, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь; в социально-гуманитарном знании – осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик, ответ на вопрос «Кто я?». Идентичность включает в себя переживание человеком своей принадлежности к тем или иным группам социальным, формирующееся в результате идентификации с ними в процессе социализации, а также представления об отличиях от др. индивидов и групп, моделях поведения, ценностных ориентирах и т. п. Идентичность является одним из центр. аспектов личностного самоопределения и самосознания человека, помогая ему оставаться самим собой в меняющихся ситуациях и

[192] См.: *Антонов Д.И.* Понятие идентитета и проблема идентичности общества // Гуманитарные и социальные науки. №2, 2014. С. 13–14.

[193] *Антонов Д.И.* Идентичность личности и общества (социально-философский анализ в контексте методологических традиций номинализма и реализма): диссертация ... док. филос. наук: 09.00.11 / Д.А. Антонов. Красноярск, 2017.

доставляя критерии для оценки окружающего мира и самооценки[194]. В свою очередь, идентитет – это продукт сознания, доросшего до высших форм самосознания, до осознания сущности своего «я» в истории, которое дается человеку через акты связывания и отождествления себя с коллективными сущностями своей локальной цивилизации, культуры, исторической эпохи[195]. Схожее определение дают специалисты и понятию «цивилизационная идентичность. Н.А. Бутенко считает, что «цивилизационную идентичность можно определить как категорию социально-философской теории, обозначающую отождествление индивида, группы индивидов, народа с их местом, ролью, системой связей и отношений в определенной цивилизации»[196]. По его мнению, цивилизационная идентичность образуется из сложения всех видов идентичности более низкого уровня общности, но не является их простой суммой[197]. Так, И.В. Кондаков указывает, что «цивилизационная идентичность – это наиболее широкая и обобщенная категория в ряду иных социокультурных идентичностей – этнонациональной, конфессиональной, социально-политической, региональной и т.п.»[198] И продолжает: «Во многих случаях цивилизационная идентичность представляет собой «пучок» всех этих частных идентичностей и по смыслу (социальному, культурному и др.) оказывается «больше», нежели их простая сумма»[199]. Свой взгляд на проблему цивилизационной идентичности в отечественной науке представили

[194] Большая российская энциклопедия [Сайт]. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/2000174 (дата обращения: 10.10.2022).

[195] *Козин Н.Г.* Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 22.02.2011. [Сайт]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=254&Itemid=1 (дата обращения: 10.10.2022).

[196] *Бутенко Н.А.* К проблеме критериев разграничения этнической, национальной и цивилизационной идентичности / Н.А. Бутенко // СОЦИОС ФРРА. 2014. № 1. С. 31

[197] Там же. С. 34.

[198] *Кондаков И.В.* Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т.IV. С. 282.

[199] Там же.

Акулов Д.А., Исеев Д.Р., Королева Л.Г., Нарочницкая Н.А., Панарин А.С., Хачатурян В.М. и др.[200]

Из определений видно, что понятия «цивилизационная идентичность» и «идентитет» близки по смыслу, они оба апеллируют к категории «цивилизация». Это объясняет, почему в настоящее время исследователи достаточно свободно оперируют этими терминами, объясняя разнообразные сложные процессы, протекающие в локальных сообществах. Так, по мнению Н.И. Харитоновой, «данное понятие может использоваться наравне с понятием «идентичность» (возможно, в более широком и универсальном значении) применительно к анализу конфликтных взаимодействий на региональном и глобальном уровнях»[201]. Исследователь обосновала возможность использования категории «цивилизационный идентитет» при анализе проблем урегулирования приднестровского конфликта, отнеся население спорной территории на левом берегу Днестра к российской/русской цивилизации[202].

Относительно российского идентитета Д.И. Антонов констатирует, наряду с актуальностью его изучения, следующее. Во-первых, определения идентитета российского общества убедительно характеризуют его как общество коллективистское. Во-вторых, определения идентитета российского общества как общества коллективистского являются естественным результатом взаимодействия субъективных факторов и объективных условий его (российского общества) жизнеутверждения. В-третьих, раскрывая идентитет российского общества как общества коллективистского типа, мы исходим из

[200] *Акулов Д.А.* Цивилизационное развитие и российская идентичность. М., 2009; *Исеев Д.Р.* Цивилизационная идентичность: символический дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №7(346). С. 7-13; *Королева Л.Г.* Культурно-цивилизационная идентичность России (история, сущность, перспективы). М., 2005; *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2002; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; *Хачатурян В.М.* Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности // Вопросы социальной теории: науч. альм. 2010. Т. IV. С. 218-240.

[201] *Харитонова Н.И.* Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию: дисс. … д.полит.наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, 2019. С. 174–175.

[202] *Харитонова Н. И.* Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, №1(30). С. 142–151.

необходимости поддержания его (общества) адекватной идентичности с учетом всех современных реалий, его адекватного самоопределения на текущем этапе развития[203].

Принципиальна логическая и семантическая связка двух категорий - «цивилизационная идентичность» и «национальная безопасность», что имеет принципиальное значение для настоящего исследования. Согласно Н.Я. Данилевскому, цивилизационная идентичность является главным фактором, интегрирующим большие пространства в геополитике. Этот вывод великого русского теоретика также приобретает значение *геополитического закона*. Основное следствие из этого закона гласит: «...политическое раздробление» в среде одной и тоже же цивилизации (по Н.Я. Данилевскому – «культурно-исторического типа») «имеет вредную сторону, состоящую в том, что оно лишает его политической силы, а следовательно, возможности успешного противодействия внешнему насилию»[204]. Следовательно, концептуализация политики в этой области необходима не только для «сшивания» российского геополитического пространства и использования ее в геостратегии, но и для обеспечения национальной безопасности нашего государства.

Научные разработки в этой области сопровождаются трансляцией концептуализированных интеллектуальных конструкций в актуальном политическом поле с целью не просто политически «легализовать» существование особого цивилизационного идентитета с мощным православным компонентом, но и обозначить «особый путь» нашего государства. К таким попыткам можно отнести определение президентом В.В. Путиным России как отдельной цивилизации[205]. Суть модели «государство-цивилизация» была ярко охарактеризована советским и российским социологом Д. Дондуреем:

---

[203] *Антонов Д.А.* Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. №3. С. 13.

[204] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 458.

[205] Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // РИА Новости [Сайт информационного агентства]. 2020 17 мая/ URL: https://ria.ru/20200517/1571580444.html (дата обращения: 17.06.2020).

«Государство-цивилизация как суперинститут защищает народ, традиции, свою историю, культуру. Мораль, правила жизни, но главное — все свои отличия и суверенитет. Необходимо постоянно демонстрировать свою сверхсилу. Надо твердо знать, что любые жертвы приносятся ради сохранения сильного государства»[206].

Вместе с тем, государство уделяет большое значение концептуализации упомянутых выше базовых понятий в этой сфере. Так, в новой редакции базового документа стратегического планирования в сфере этнонациональной – Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.[207] понятие «идентичность» упоминается 10 раз (в предыдущей редакции всего один раз), а понятие «этнокультурное многообразие» входит в число восьми основных понятий национальной политики, определения которых приведены тексте Стратегии. Это многообразие трактуется как совокупность всех этнических культур[208]. Важное место в Стратегии занимает и общероссийская гражданская идентичность, под которой понимается «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»[209]. В свою очередь, в действующей редакции Стратегии национальной безопасности при отсутствии упоминания понятия «идентичность», присутствует положение, в котором подчеркивается факт укрепления гражданского самосознания и сплоченность российского общества, а

[206] *Дондурей Д.* Навстречу. М.: Искусство кино, 2019. С. 105.

[207] Указ Президента Российской Федерации от 6.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843 (дата обращения: 12.10.2022).

[208] *Попков Ю.В.* Цивилизационная миссия этнокультурного разнообразия и проблемы его институциональной поддержки в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17. Ч.1. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 1040.

[209] Указ Президента Российской Федерации от 6.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843 (дата обращения: 12.10.2022).

также рост осознания необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей[210].

Итак, если исходить из того, что цивилизационный идентитет является наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, можно предположить, что он выступает важным фактором во взаимоотношениях правящей элиты и масс в отдельно взятом государстве. Так, Т.А. Сенюшкина указывает, что «геополитический выбор государства, который, как правило, навязывается обществу правящей элитой, в ряде случаев может корректироваться индивидуальным и коллективным геополитическим выбором, основанным в решающей степени на цивилизационной идентичности»[211].

С другой стороны, общественная значимость цивилизационной идентичности может выступать локомотивом развития государства-цивилизации. В качестве примера, правда, с рядом оговорок, можно привести Китайское государство-цивилизацию с особым менталитетом населения, коллективного восприятия Поднебесной как центра мира и даже особым чувствованием времени. И здесь нужно отметить особую роль государства как института (именно пример Китая здесь является весьма показательным), которое должно предпринимать системные усилия по воспитанию граждан как носителей этого цивилизационного идентитета, ибо будущее государства зависит именно от них и их способности передавать эту социальную информацию последующим поколениям, защищать свою цивилизацию, печься о ее благополучии и благоденствии ее носителей, консолидироваться ради отстаивания ценностей и идеалов, представляющих собой несущие конструкции Китайской цивилизации.

Интерес к российскому/русскому цивилизационному идентитету стал активно проявляться во второй половине 2000-х гг. в контексте международных

[210] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 2 июля 2021 г. N 400. Собрание законодательства Российской Федерации. Изд. «Юридическая литература». — 5 июля 2021 г. —Часть II. — Ст. 5351.

[211] *Сенюшкина Т. А.* Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора / Т.А. Сенюшкина // Проблема суверенности современной России : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. М. : Наука и политика, 2014. С. 184.

политических процессов, когда Российская Федерация заявила о переходе к принципиально новой внешнеполитической линии, призванной конвертировать растущую экономическую мощь страны в политическое влияние на международной арене, где все активнее проступали тенденции к формированию полицентричной системы. Новый подход требовал актуализации механизмов, направленных на консолидацию российской нации-согражданства, весьма неоднородной по политическим взглядам, и отстаивание права на полноценное участие в «большой геополитической игре» в качестве одного из центров силы. Именно тогда цивилизационный подход стал снова востребованным в политическом дискурсе. Более того, специалисты настаивают, что в основу исследования цивилизационной идентичности, как бы тавтологично это ни звучало, должна быть положена цивилизационная парадигма как инструмент анализа особенностей российского общества в целом[212].

Особый интерес к феномену цивилизационного идентитета был отмечен в период активной фазы украинского кризиса в 2013-2016 гг., когда отечественное экспертное сообщество стремилось объяснить причины кризиса сосуществованием на территории Украины двух цивилизаций – Западной католической и Русской православной. «Крымский вопрос», разумеется, рассматривался под аналогичным углом зрения. Причем и украинский кризис, и «крымский вопрос» практически дали новый импульс процессу концептуализации проблемы российского/русского идентитета в целом и формированию самостоятельного научного дискурса.

В контексте изучения проблемы цивилизационного идентитета в контексте реализуемой нашей страной геостратегии важно отметить влияние украинского кризиса и современного состояния «крымского вопроса» на содержания действующей редакции Концепции внешней политики России. В документе в числе приоритетов отмечены такие важные задачи как «обеспечивать защиту прав и законных интересов российских граждан за рубежом»; защищать права и

[212] *Жаде З.А.* Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире // Власть. 2014. №4. С. 56.

законные интересы соотечественников, проживающих за рубежом, …признавая значительный вклад соотечественников в сохранение и распространение русского языка и российской культуры»; «способствовать консолидации соотечественников, проживающих за рубежом, … содействовать сохранению самобытности российской диаспоры и ее связей с исторической Родиной, добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию»; «способствовать изучению и распространению русского языка»; «развивать на межгосударственном уровне культурные и гуманитарные связи славянских народов» и проч.[213]

Цивилизационный идентитет населения Крымского полуострова

Как показывает опыт постсоветской истории, свой скрытый потенциал цивилизационный идентитет демонстрирует в кризисные, трагические периоды. В связи с этим можно вспомнить, к примеру, приднестровский конфликт и формирование приднестровской государственности, апеллирующей к российской/русской цивилизации, опыт Гагауз-Ери и, конечно, опыт Крыма.

Является ли население Крымского полуострова носителем российского/русского цивилизационного идентитета? Анализ научной литературы показал, что на эту тему рассуждала, пожалуй, лишь А.Т. Сенюшкина, подчеркивая, что политические процессы в Крыму в период 2013-2014 гг. и позже связаны «с цивилизационными различиями внутри крымского сообщества, которые связаны с сосуществованием и взаимодействием трех доминирующих этнических групп — русских, украинцев и крымских татар»[214]. Далее, исследователь указывает, что «воссоединение Крыма с Россией следует рассматривать как результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе

[213] Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Министерство иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 01.07.2020).

[214] *Сенюшкина Т.А.* Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора / Т.А. Сенюшкина // Проблема суверенности современной России : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. М. : Наука и политика, 2014. С. 186.

геополитической и цивилизационной идентичности»[215]. Однако Т.А. Сенюшкина не считает все население полуострова носителем российской идентичности, выделяя коренное крымско-татарское население региона в качестве носителя другой цивилизационной идентичности. Большинство исследователей акцентируют внимание на существование в Крыму идентичностей другого порядка.

Эмпирической базой для изучения этих идентичностей выступают, как правило, результаты социологических исследований последнего десятилетия в Крыму, свидетельствующие о том, что на полуострове взаимодействуют русская, украинская и крымско-татарская этнические идентичности, православная и мусульманская религиозные идентичности. Причем, как правило, крымско-татарская совпадает по субъекту с мусульманской, русская и украинская – с православной. Гораздо сложнее обстоит дело с политической идентичностью – здесь картина выглядит крайне фрагментированной, часто – размытой, что свидетельствует о неустойчивости политических и гражданских институтов в период до 2014 г. Эта тенденция динамично трансформируется после включения полуострова в состав Российской Федерации.

Кроме того, в научном и экспертном сообществе существует устойчивое мнение, что на полуострове сложилась региональная идентичность «крымчане», сложносоставная характеру и структуре. Ее носителями выступают практически все этносы, проживающие на территории полуострова. Системообразующим этнокультурным сегментом этого регионального сообщества выступают этнические русские. В то время как для других этносов – украинцев, татар, евреев, белорусов, греков – русский язык и русское историко-культурное наследие являются более привлекательными, чем навязывающиеся в период 1992-2013 гг. украинская этнократическая по характеру идентичность[216]. Русские язык и символы стали в Крыму объединяющим разные этносы и конфессии

[215] Там же, с. 183.

[216] *Баранов А.В.* Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией // Научная мысль Кавказа. 2014. №4. С. 52–53.

фактором, стабилизирующим и делающим устойчивой региональную идентичность крымчан.

Важно учитывать, что региональная идентичность на полуострове сложилась не сразу, процесс ее складывания носил достаточно сложный характер. Так, согласно результатам социологических исследований 2003 и 2007 гг. в Крыму, этническая и региональная (крымская) идентичности не являлись равноценными. Самая высокая интенсивность была зафиксирована именно у региональной идентичности (ее выбрали 250 человек или около 45% опрошенных в 2003 г. и 245 человек или 39,5 % в 2007 г.). Данные показали, что в 2003 г. наименьшее значение этническая принадлежность имела для украинцев, ощущавших себя «титульной» нацией в Крыму, и русских, в силу сходства своего образа жизни, поведения и т.п. с украинцами. Однако, у крымских татар этническая идентификация носила базовый характер (более 60%). Повторное исследование 2007 г. выявило тенденцию роста значения этнической идентификации для жителей Крыма – особенно явно эта динамика наблюдалась среди этнических украинцев, среди крымских татар значение этнической идентификации оставалось почти в два раза выше, чем среди остальных крымчан[217].

Как же выглядит этническая картина современного Крыма? По данным Переписи 2014 г., проведенной в Крыму, изменения в численности наиболее крупных и коренных этносов полуострова, характеризовались следующим образом[218]:

	Человек			2014 г. в % к 2001 г.
	1989 г.	2001г.	2014г.	

[217] *Волкогонова О. Д.* Русская диаспора в Крыму: этнополитический аспект // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. №1. С. 40–41; *Волкогонова О. Д., Полунов А. Ю.* Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 153–154.

[218] Доклад об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 13.07.2020).

	Человек			2014 г. в % к 2001 г.
	1989 г.	2001г.	2014г.	
Все население	2430495	2401209	2284769	95,2
Лица, указавшие национальную принадлежность[219]	2430495	2390319	2197564	91,9
Русские	1629542	1450394	1492078	102,9
Украинцы	625919	576647	344515	59,7
Крымские татары	38365	245291	232340	94,7
Татары	10762	13602	44996	в 3,3 р.
Белорусы	50054	35157	21694	61,7
Армяне	2794	10088	11030	109,3
Азербайджанцы	2415	4377	4432	101,3
Узбеки	876	3087	3466	112,3
Молдаване	6609	4562	3147	69,0
Евреи	17731	5531	3144	56,8
Корейцы	2423	3027	2983	98,5
Греки	2684	3036	2877	94,8
Поляки	6157	4459	2843	63,8
Цыгане	1698	1905	2388	125,4
Чуваши	4621	2679	1990	74,3
Болгары	2186	2282	1868	81,9
Немцы	2356	2790	1844	66,1
Мордва	4582	2574	1601	62,2
Грузины	1780	2137	1571	73,5
Таджики	353	808	874	108,2
Марийцы	1906	1192	801	67,2
Караимы	882	715	535	74,8
Крымчаки	604	280	228	81,4
Другие ответы о национальной принадлежности, не перечисленные выше	13196	13699	14319	104,5

Итоги Переписи демонстрируют, что в Крыму проживают 6 крупных этносов (численностью более 10 тыс. человек). Так, численность трех национальностей превышает 200 тыс. человек каждая – это русские, украинцы и крымские татары (здесь и далее речь идет о населении, указавшем свою национальную принадлежность, т.к. в ходе переписи у 87,2 тыс. человек (4%) не были получены сведения о национальной принадлежности). Часть населения, причислившее себя к русским, наиболее многочисленна (1,5 млн. человек) и

[219] Национальности перечислены в порядке убывания численности населения в 2014 г.

составляет 68% от общей численности населения Крымского полуострова. По сравнению с 2001 г. количество русских увеличилась на 3%, а их доля среди населения полуострова увеличилась на 7 %. На втором месте по численности населения в Крыму находится часть населения, которая отнесла себя к украинскому этносу. Примечательно, что в 2001 г. украинцев было на 232 тыс. человек больше (на 40%), соответственно доля украинцев в общей численности населения Крымского полуострова была больше на 8 %. Далее, по сравнению с 2001 г. в 2014 г. количество представителей татарского этноса было больше в 3,3 раза (с учетом 21,5 татар, родившихся в Узбекистане).

С итогов Переписи населения 1926 г. вплоть до настоящего времени русский остается преобладающим родным языком среди населения Крымского полуострова. При ответе на вопрос о родном языке в 2014 г. 99,8% русских, 75% татар, 74% крымских татар, 66% цыган, 59% азербайджанцев, 53% армян, 25% молдаван, 20% украинцев, 18% болгар, 15% греков, 9% белорусов, 6% немцев, 6% караимов, 4% поляков, 3% крымчаков и 1% евреев назвали язык, соответствующий указанной ими национальной принадлежности. Указали родным языком русский, кроме самих русских, 98% евреев, 95% крымчаков, 94% караимов, 92% немцев, 91% белорусов, 86% поляков, 83% греков, 81% болгар, почти 80% украинцев, 73% молдаван, 47% армян, 37% азербайджанцев, 32% цыган, 25% татар и 6% крымских татар.

Таким образом, русский язык является наиболее распространенным родным языком (84%) – он является родным для 1867,7 тыс. человек. На втором месте – крымско-татарский (8% или 173,1 тыс. человек). На третьем и четвертом местах – татарский (4% или 81,9 тыс. человек) и украинский (3% или 72,9 тыс. человек) языки. Кроме вопроса о родном языке при переписи было проанализировано владение населением языками. Всего русским языком в 2014 г. владело 99,8% населения Крыма, ответившего на вопрос о владении языками.

Согласно результатам Переписи 2014 г., численность граждан Российской Федерации составила 2164,9 тыс. человек (почти 98% лиц, указавших гражданство (в среднем по России в 2010 г. – 99%)), 51,8 тыс. человек (2%), располагают гражданством иных государств. Лиц без гражданства в Крыму насчитывалось 3,4 тыс. человек (0,2%). Примечательно, что гражданствами двух государств располагали 5,7 тыс. человек (0,3%) граждан РФ в Крымском федеральном округе.

Среди иностранных граждан, проживающих в Крыму на постоянной основе, подавляющее большинство – это граждане стан-участниц СНГ (96% всех иностранцев), в их числе наибольшую долю занимают граждане Украины (90% всех иностранцев и 2% всего населения полуострова).

Итак, опираясь на эмпирические данные, полученные с помощью инструментов прикладной социологии, а также ретроспективный анализ развития общественно-политических процессов, специалисты сходятся во мнении, что население полуострова сегодня является носителем сложной многосоставной идентичности, которая сочетает в себе региональную идентичность («крымчане»), этническую идентичность (русские, украинцы, крымские татары и др.). Согласно результатам исследований, проведенных Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН РФ в Симферополе и его окрестностях в 2013 и 2014 гг., в быту, на работе и в общественной сфере общение на русском языке стало «основой региональной идентичности, т.е. осознания себя крымчанами»[220]. Существует мнение, высказанное блестящим специалистом М.Н. Губогло, что к населению Крыма применима категория «этнорегиональная идентичность», представляющая собой «идеологически и психологически осмысленный конструкт, обязанный своим происхождением продуктивному диалогу, взаимодействию людей и материализованному в предметной и символической формах»[221]. В

[220] *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности / Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №241. М., 2015. С. 23.

[221] Там же, с. 10.

отечественной литературе можно также встретить оценку, согласно которой, в Крыму существует «крымско-русская идентичность»[222], «младороссийская идентичность»[223]. Л.Г. Егорова указывает, что «крымскую идентичность можно описать, в том числе, через культурные коды, причем одним из основных является коммуникативный культурный код, ориентированный на традиции русской культуры и русского языка»[224]. Н.А. Сенченко подчеркивает, что «преобладание региональной и российской идентичности у жителей на момент 2014 г. стало решающим в российском выборе Крыма»[225].

Ретроспективный анализ показал, что на самосознание и самоидентификацию населения Крыма с начала 1990-х гг. оказывают влияние русская/российская индентификация, украинская государственная, а на крымско-татарское и татарское население полуострова – турецкая. Указанные идентификации в известной степени конкурировали: с начала 1990-х до середины 2000-х гг. эта конкуренция носила достаточно мягкий характер, однако со второй половины 2000-х гг. она стала приобретать все более жесткие формы. Последнее было связано с радикализацией некоторых течений ислама и попытками приверженцев этих течений осуществить инфильтрацию на территорию полуострова и «прорости» здесь, создать базы для вербовки и формирования сетей. Кроме того, в этот период усиливается конкуренция между двумя макрорегиональными индентификациями, «надстроечными» по своему характеру, т.к. они были производными от европейского и евразийского интеграционных процессов. Т.к. идеологи украинского национального строительства, сменив геополитический вектор, взяли на вооружение идею евроинтеграции, а пророссийски настроенные сторонники восточного курса –

---

[222] *Киселев С.Н.* Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность / С.Н. Киселев // Учёные записки Таврического национального университета. Серия: География. 2004. Т. 17, № 4. С. 245.

[223] *Капицын В.М.* «Младороссийская идентичность»: Крым, 2014-2016 годы // Вестник Пермского научного центра. 2016, №5. С. 11–18.

[224] *Егорова Л.Г.* Крымская идентичность в медийной картине мира // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т.8. №2. С. 379.

[225] *Сенченко Н.А.* Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-markery-grazhdanskoy-identichnosti-zhiteley-kryma/viewer (дата обращения: 20.07.2020).

евразийскую, усиление конкуренции между двумя идентификациями было неизбежным. Указанная конкуренция интеграционных процессов и соответствующих «надстроечных» идентификаций была использована внешними силами и частью политической элиты Украины для легитимации радикальной формы украинского национализма, сочетающей в себе не только этнократические установки, разновидности русо- и юдофобии, но и стремление к евроинтеграции.

На самочувствие русских, проживающих в постсоветском украинском Крыму, наличие «Большой исторической Родины» действовало неоднозначно. С одной стороны, русский язык и русская культура подпитывали гордость и ментальную сопричастность к наследию великого русского народа. А с другой стороны, она снижала уровень мобилизации русского населения в Крыму благодаря гипотетической возможности уехать в Россию в случае, если Киев перейдет к жесткой политике украинизации Крыма и будет реально угрожать сохранению этнической идентичности русских. Как указывает М.Н. Губогло, «чем сильнее связь с этническим материком, как показывает опыт русского населения Республики Молдова и болгар в Одесской области Украины, тем слабее региональная идентичность и соответственно, ее солидаризационный и мобилизационный потенциал»[226]. В отношении этого же периода истории полуострова А.Т. Сенюшкина пишет следующее: «большинство жителей Крыма, на уровне гражданских, политических и правовых отношений отождествляли себя с Украиной, однако в культурном отношении всегда находились в пространстве влияния России»[227]. Т. Кузио и другие авторы указывают на существование советской идентичности в Крыму[228]. Приведенные здесь оценки

[226] *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности / Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №241. М., 2015. С. 15.

[227] *Сенюшкина Т. А.* Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора / Т.А. Сенюшкина // Проблема суверенности современной России : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. — М. : Наука и политика, 2014. С. 187.

[228] *Kuzio T.* Nationalism, Identity and Civil Society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution'. Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43. №.3. P. 291; *Qualls K.D.* Manufacturing Local Identification behind the Iron Curtain in Sevastopol, Ukraine after World War II // In Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World. Ed. by M. Beyen and B. Deseure, Houndsmill: Palgrave Macmillan. 2015. P. 94-114 etc.

специалистов объясняют столь низкий уровень поддержки вектора на евроинтеграцию и вступления Украины в НАТО. Характерные черты идентичности крымчан выявляются и в ходе специальных социологических обследований: «в социокультурной общности Крыма преобладают коллективные ценности, которые базируются на социальных потребностях личности»[229]. Эти же исследования выявляют низкий уровень формализации отношения к Родине и высокий нравственный потенциал[230]. Примечательно, что в 2003 г. большинство крымчан, как русских, так и украинцев, связали политическое будущее Крымского полуострова с Россией[231].

На Украине в 2013-2014 гг. упомянутое выше противостояние социокультурных идентичностей приняло критические формы на фоне дискуссии о смене геополитического вектора. «Конфликт идентичностей стремительно перерос в идентификационный кризис, фундировавший раскол всей политической системы и государственности страны»[232]. Хотя зарубежные специалисты отмечали весьма высокий уровень политической солидарности на Украине[233]. В отечественном научном дискурсе существует мнение, что «изменения в украинском обществе привели к проявлению региональной «младороссийской» идентичности Крыма, включающейся в общероссийскую (национальную) идентичность россиян и усиливающей гражданское участие в решении вопросов развития общества и государства»[234]. Немалую роль сыграл и фактор «остаточной советской идентичности» (в 2010 г. лишь 12% населения

---

[229] *Сенченко Н.А.* Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-markery-grazhdanskoy-identichnosti-zhiteley-kryma/viewer (дата обращения: 20.07.2020).

[230] Там же.

[231] *Волкогонова О. Д., Полунов А. Ю.* Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 152.

[232] *Кашаф Ш.Р.* Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №2. С. 66.

[233] *Chayiska M., Minesku A., McGarty C.* Political solidarity trough action (and inaction): how international relations changed intracultural perceptions in Ukraine // Group processes and intergroup relations. 2017. Vol. 20. №3. P. 396–408.

[234] *Капицын В.М.* «Младороссийская идентичность»: Крым, 2014-2016 годы // Вестник Пермского научного центра. 2016. №5. С. 11–12.

Юга Украины идентифицировали себя через этническую принадлежность, 14% назвали себя «советскими людьми»[235]). Последняя постепенно трансформировалась в «пророссийскую». Возможно, идентичность населения полуострова могла еще долго сохранять многосоставный и многовекторный характер в условиях ограниченной автономии в украинском государстве, если бы не события 2013-2014 гг., обвалившие несущие конструкции этого постсоветского государства, «обнулившие» все и без того весьма сомнительные успехи в сфере национального строительства и заставившие сменить внешнеполитической вектор страны. Об этом свидетельствует резкое повышение пророссийских настроений и усиление «пророссийской» идентичности в Крыму после каждого киевского Майдана. Еще в 2008 г., согласно данным социологических опросов, 67% опрошенных жителей Крыма хотели бы иметь гражданство РФ, 29% – Украины, 1,5 – Турции. При этом 78% опрошенных в Крыму считали необходимым, чтобы граждане Украины имели российское гражданство в качестве второго[236].

Итак, совершенно очевидно, что дискуссия о природе идентичности населения Крыма с учетом переломного момента в его истории далека от завершения. В настоящий момент можно лишь констатировать, что наличие в Крыму особого идентитета, отличного от насаждаемого Киевом, а и его неприятие новыми «прозападно» настроенными киевскими властями стало одним из ключевых факторов обретения Крымом независимости с последующим включением в состав Российской Федерации. Киев оказался неспособен оценить цивилизационное значение русской культуры, русского языка и общей истории для населения Крыма.

Можно также констатировать, что население Крыма выступает носителем цивилизационной идентичности (идентитета), где ядром цивилизации выступает

[235] Опрос: 76% украинцев считает себя патриотами // Корреспондент.net 17 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://korrespondent.net/ukraine/events/1139167 (дата обращения 3.07.2016).

[236] Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе // Корреспондент.net 30 сентября 2008. [Электронный ресурс]. URL: korrespondent.net/Ukraine/politics/600886 (дата обращения: 18.06.2020).

Россия – Евразия (в рамках евразийского подхода в геополитике) с ее историей, политическими, религиозными, идеологическими, социальными и культурными практиками и вполне определенной зоной цивилизационного влияния, куда входил и входит Крым. Существенную роль здесь играет и коллективная память о дореволюционном, советском периодах общей истории, остаточные элементы «советской идентичности». Важное значение имел и конфликт с насаждаемой Киевом этнически ориентированной государственной идентичностью, которую население Крыма не готово было принять[237].

Наряду с констатацией, видится необходимым в перечень изучаемых идентичностей населения Крыма разного порядка добавить идентичности, связанные с комплексом сложных геополитических процессов – европейскую и евразийскую, которые выступают в отношении традиционных идентичностей (этнической, религиозной, региональной) в качестве «надстроечных». Целесообразно также высказать предположение, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать «синергетический эффект», способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе (См. Рис. 3).

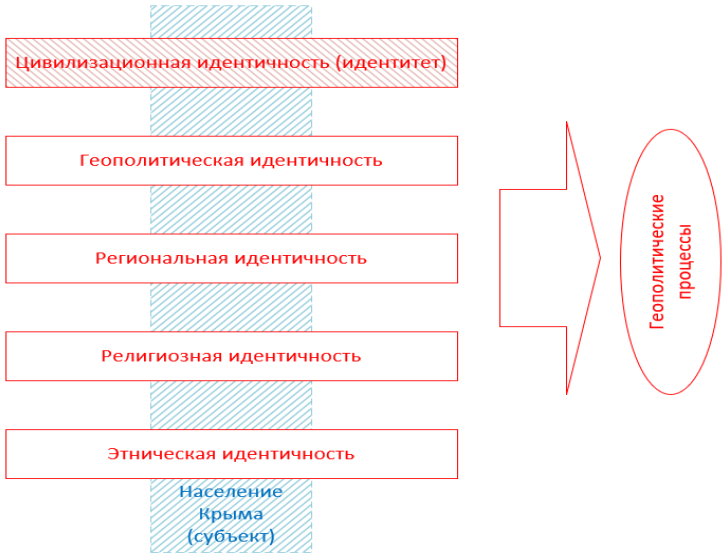


Рис. 3. Идентичности населения Крымского полуострова.

[237] Выводы были верифицированы в рамках экспертного опроса, проведенного 14.10.2022 в Москве и в Симферополе, в опросе приняли участие восемь экспертов.

Цивилизационный идентитет крымчан как фактор успешной интеграции в российское пространство

Социокультурная интеграция Крыма в российское политико-правовое и социокультурное пространства является ключевой стратегической задачей обеспечения устойчивого развития нашей страны[238]. Для решения этой задачи федеральные и региональные власти реализуют разнообразные программы и предпринимают массу усилий в экономической и гуманитарной сферах. Очевидно, что на решение задачи полноценной интеграции полуострова в качественные пространства России должна работать и идентичность населения Крыма с ее спецификой. В целом интегративная функция идентичности является одной из ключевых (наряду с коммуникативной, консолидационной, аккумулятивной, гносеологической, символической и др.) и решает задачу объединения на основе единых ценностей, типологически схожих убеждений и взглядов, что является важным элементом современной геостратегии России.

Как указывалось выше, цивилизационный идентитет актуализируется и начинает работать на консолидацию общества в переломные, кризисные моменты. Не случайно период обострения конкуренции идентичностей на Украине во второй половине 2000-х гг. и, соответственно, обострение политических противоречий, совпал с очередным расширением ЕС (2004 г.) и запуском программы Восточное партнерство (2008 г.), направленной на вовлечение стран Восточной Европы в орбиту ЕС и «выдергивание» их из сферы влияния России. Другими словами, «крымско-украинская проблема как раз вписывается в русло культурно-цивилизационных антагонизмов между Россией и Западом»[239], а также геополитических противоречий, связанных с усилиями

[238] *Волков Ю.Г.* Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). № S1. С. 9.

[239] *Тамбиянц Ю.Г.* Проблематика интеграции Крыма и России в свете цивилизационного подхода // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). № S2. С. 244..

коллективного Запада по выводу территорий Восточной Европы из сферы влияния России и перевод под свой геополитический контроль, в том числе через интеграционные инициативы.

Вместе с тем актуализация цивилизационной идентичности демонстрирует тенденцию к устойчивости. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований. В 2015 г. GFK Ukraine по заказу компании Berta Comunications при поддержке Canada Fund for Local Initiatives провели социологический опрос, согласно результатам которого – 82% участников опроса поддерживают присоединение полуострова к России, 11% опрошенных скорее поддерживают присоединение и лишь 4% (34 человека из 800 опрошенных) высказались против[240]. В 2016 г. результаты соцопросов показали, что 95% населения Крыма (94% населения Севастополя) снова проголосовало бы за вхождение в состав России (в ходе референдума 16 марта 2014 г. за вхождение в состав России проголосовали 96,77%). Против высказались 2% в Крыму (2% в Севастополе). 76% жителей полуострова заявили, что «довольны положением дел» по состоянию на 2016 г.[241]. Приведенные данные свидетельствуют не только об укреплении «пророссийской» идентичности, но и о значительном ее потенциал к прорастанию в общероссийскую гражданскую идентичность. Причем, «выраженность гражданской идентификации у крымчан опережает ту, что преобладает в «материковой» России относительно участия в общественной жизни»[242]. Поэтому федеральный центр вынужден крайне внимательно относиться к региону и потребностям его граждан, так как от этого зависит, насколько успешно лояльная «пророссийская» идентичность станет частью общероссийской национальной идентичности.

---

[240] *Ерохина О.В.* Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 2 (7). URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/

[241] 98% жителей Крыма высоко оценивают работу президента России: опрос ВЦИОМ // ИА REGNUM. [Электронный ресурс] URL: https://regnum.ru/news/ratings/2156037.html (дата обращения 12.07.2020).

[242] *Капицын В.М.* «Младороссийская идентичность»: Крым, 2014-2016 годы // Вестник Пермского научного центра. 2016. №5. С. 16.

Социологический опрос, проведенный летом 2016 г. в Крыму группой независимых социологов «Открытое мнение» показал, что в среде крымчан лидирует общероссийская гражданская идентичность (43% опрошенных заявили о себе «Я – житель России»), на втором месте – региональная идентичность (35% – «Я — житель своего региона», «Я — крымчанин»), гражданами Украины определили себя 1 % опрошенных. Результаты опроса позволили социологам прийти к выводу о том, что население полуострова находится в состоянии «трансформации гражданской идентичности»[243].

Таким образом, социологические исследования 2014—2016 гг. показали устойчивую лояльность жителей Крыма юридическому факту присоединения Автономной Республики Крым (АРК) к России даже на фоне объективных проблем переходного периода[244].

Так каков же потенциал цивилизационного идентитета в деле интеграции Крыма в Российское государство?

А.В. Баранов рассматривает «потенциал региональной идентичности как ресурс легитимации воссоединения Крыма с Россией»[245]. Он указывает на то, что «взаимодействие российской (национальной), региональных, этнических и конфессиональных идентичностей конкурентно. Конструирование идентичности может быть либо фактором риска дезинтеграции государства, либо легитимирующим фактором его интеграции»[246]. Схожую оценку можно найти у М.К. Горшкова, полагающего, что потенциалом для реинтеграции, а в дальнейшем полной адаптации к их активному участию в решении задачи

[243] ЖКХ важнее Украины // Газета.ru 21.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/21_a_9704009.shtml (дата обращения: 15.07.2020).

[244] *Галас М.Л.* Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Власть. 2017. №5. С. 108.

[245] *Баранов А.В.* Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией // Научная мысль Кавказа. 2014. №4. С. 52. С. 51–60.

[246] Там же, с. 52.

пространственного развития России[247] является социально-пространственная консолидированность населения Крыма с Российским государством[248].

В свою очередь российская гражданская идентичность выступает консолидирующим фактором и для крымчан, независимо от этнической принадлежности, на фоне которой региональная идентичность отходит на второй план. Однако при этом именно цивилизационный идентитет населения Крыма способствует укреплению общероссийской идентичности на полуострове после 2014 г.

Анализ социологических данных и научной литературы показал, что утверждение российской гражданской идентичности произошло в 2014-2015 гг. Этот период был отмечен важными событиями в Новейшей истории России – Олимпиада в Сочи, «Крымская весна», празднование 70-летия Великой Победы, которые сами по себе являются объединяющими российскую политическую нацию[249]. В качестве ключевых интеграторов можно выделить общие государство и территорию (родную землю), историческое прошлое, язык, культуру. По природе это гражданско-государственная идентичность.

Реализуемый проект формирования общероссийской идентичности требует понимания всеми заинтересованными сторонами политической надэтнической природы российской идентичности, в чем задействована сила и авторитет российского государства[250]. Россия многое делает для интеграции Крымского полуострова в свои качественные пространства, Крым занимает важное место в геостратегии России. Речь идет об усилиях по координации

---

[247] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/35733/ (дата обращения: 13.07.2020).

[248] *Горшков М.К.* Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // Социологическая наука и социальная практика. 2018. №2 (22). С. 9.

[249] *Griban I.V., Popp I.A., Tagiltseva N.G., Korobitsyna L.V.* Historical memory as a basis of civil identity of Russian youth // The European proceedings of social & behavioural sciences EPSPB. Yekaterinburg: Future Academy. 2019. P. 1162–1168.

[250] *Волков Ю.Г.* Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). № S1. С.13.

деятельности республиканских и федеральных властей, реализации Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»[251], работе по преодолению санкций, налаживанию инфраструктуры, коммуникаций, новой политике по углублению межэтнического диалога в регионе и проч.

Оценивая перспективы интеграции крымского общества в российское социально-политическое и социально-экономическое пространства, необходимо учитывать, что элита и население Крыма находилось 23 года в качественно другом пространстве – по мнению специалистов, более отсталом от российского, сохраняющем черты позднесоветского[252]. Это стало одной из причин сохраняющихся и межэтнических, и межконфессиональных противоречий. При выстраивании этнонациональной политики в регионе крайне важно учитывать, что межэтническая напряженность с успехом нейтрализуется не только мерами по предупреждению конфликтности, но поступательным выстраиванием гражданской идентичности (в настоящий момент в Крыму более чем подходящие для этого условия), сопровождаемым постоянным ростом благосостояния населения. В деле упрочения российской гражданской идентичности крайне важно синхронизировать усилия властей с усилиями гражданского сектора с учетом местной специфики (повышенный по сравнению с другими регионами России уровень гражданской активности, проблема интеграции крымских татар, влияние извне на разные этнические сообщества и проч.). Главной задачей здесь видится не допустить политизации этнического фактора. Взвешенная политика достижения межэтнического и межконфессионального согласия должна работать на достижение цели –

[251] Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_goroda_federalnogo_znacheniya_sevastopolya/federalnaya_celevaya_programma_socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_do_2022_goda/ (дата обращения: 17.07.2020).

[252] *Ерохина О.В.* Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 2 (7). URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/

выстраивания российской гражданско-политической идентичности с сохранением этнокультурного многообразия на полуострове. Снижению напряженности и укреплению гражданской идентичности может способствовать успешно апробирования в России практика функционирования национально-культурных автономий, в число задач которых входит и укрепление единства российской нации[253].

Как позитивный оценивается опыт новой языковой политики в Крыму. Крым является единственным регионом РФ, где функционируют три государственных языка русский, украинский и крымско-татарский. Такой подход можно считать вполне оправданным, несмотря на диспропорции в соотношении численности соответствующих этносов (подобная политика с успехом реализуется, например, в Приднестровье, где, однако, наблюдается паритет в соотношении численности русского, украинского и молдавского населения). Успех реинтеграции будет зависеть и от политики в сфере образования, науки и культуры – важной задачей на пути интеграции является корректное соотнесение истории региона и этнических групп с российской историей, ее настоящим и будущим. Важным здесь видится налаживание воспитательной работы с молодежью, режима обмена обучающимися, научными и преподавательскими кадрами между Крымом и другими регионами России, программы переподготовки, конференции, научные семинары, летние школы и другие форматы взаимодействия и обмена опытом, расширение культурно-просветительской деятельности.

Позитивным результатом можно считать формирование научного и экспертного дискурса по проблеме интеграция Крыма. Однако, видится, что этот дискурс нуждается в определенной формализации и концептуализации с учетом существующего конфликта внутри российского общества по «крымскому вопросу», специфики процессов, протекающих в самом Крыму, внешнего

[253] *Галас М.Л.* Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Власть. 2017. №5. С. 114.

давления на Россию, использование оппонентами нашей страны внутрироссийских и внутрикрымских противоречий в геополитических целях.

Таким образом, можно констатировать, что российский\русский цивилизационный идентитет населения Крыма, независимо от существующих там идентичностей более низкого уровня – этнической и региональной, будучи базовым, способствует быстрому формированию российской гражданской идентичности, что является залогом и одном из ключевых условий успешной интеграции полуострова в качественные пространства Российского государства – политическое, экономическое, социокультурное, коммуникационное и другие. Более того, сам факт воссоединения Крыма и Севастополя с Россией имеет большое значение для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало. В Стратегии государственной национальной политики РФ подчеркивается: «Вызванный этим патриотический подъем способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов»[254].

Итак, в становлении особой идентичности крымчан большую роль сыграл, наряду с историческим и политическим, географический фактор. В итоге, население полуострова имеет многосоставную идентичность, как наследие СССР, результат существования в рамках автономии в составе независимой Украины. Наличие в Крыму особого идентитета и его неприятие прозападными властями Украины стало одной из ключевых причин выхода Крыма из состава Украины и воссоединения с Россией. Крым оказался на переднем крае геополитической войны. Референдум 2014 г. стал актом выбора народами Крыма своей исторической судьбы. Этот опыт стал одним из вариантов разрешения

[254] Указ Президента Российской Федерации от 6.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843 (дата обращения: 12.10.2022).

противоречия между правом народов на самоопределение и принципом сохранения территориальной целостности государств.

Как показал анализ, результаты которого представлены в данном подразделе исследования, идентичность населения полуострова имеет несколько уровней. Базовый уровень представлен этнической идентичностью (русские, украинцы, крымские татары и др.). Далее – региональная идентичность («Я – крымчанин»). После акта воссоединения с Россией набирает силу российская гражданская идентичность («Я – житель России», «Я – россиянин»). При этом видится необходимым рассматривать и идентичность, связанную с комплексом сложных геополитических процессов – европейскую и евразийскую (их условно можно обозначить как западную и восточную), которые выступают в отношении традиционных идентичностей (этнической, региональной, гражданской) в качестве «надстроечных». Однако на высшем уровне располагается цивилизационная идентичность населения Крыма. Ее можно определить как идентичность России–Евразии. Она, будучи наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, не конфликтует ни с одной из идентичностей базового уровня и гармонично сочетается с другими, усиливая их. Цивилизационный идентитет выступает в качестве локомотива самоопределения народа, ресурса государственного и национального развития. Анализ показал, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать «синергетический эффект», способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе. Учитывая это обстоятельство, можно констатировать необходимость рассмотрения феномена цивилизационной идентичности населения Крымского полуострова в качестве фактора благоприятного для реализации российских национальных интересов России разрешения «крымского вопроса», его концептуализации и внедрения в качестве значимого элемента в стратегические документы Российской Федерации. Таким образом, цивилизационный идентитет, как структурный компонент в теории и практике разрешения конфликтов вокруг спорных территорий, может выступать в

качестве геополитического инструмента, направленного легитимацию акта воссоединения Крыма с Россией.

3.3. Пути решения «крымского вопроса» в целях обеспечения национальной безопасности России

Возникновение геополитического конфликта по «крымскому вопросу» было объективным и закономерным с точки зрения теории геополитики и теории систем. Противоречия между практической политикой и международным правом, порождающим не одну проблемную ситуацию схожего характера, к сожалению, на данный момент неразрешимы в политической и юридической плоскостях. Поэтому поиск решения «крымского вопроса» необходимо искать в рамках геополитической теории.

С точки зрения геополитики и теории национальной безопасности, у России были более чем веские основания стратегического характера признавать Крымскую Республику и включать ее в состав своих территорий, тем самым решив крайне острую проблему обеспечения национальной безопасности на юго-западном и южном направлениях. И, конечно, вопреки заявлениям западных официальных лиц, и, несмотря на многочисленные геополитические провокации со стороны Запада, Россия считает недопустимым и не желает реализовывать силовой сценарий в отношениях с Украиной. Российская Федерация желает лишь восстановить геополитический контроль над Азово-Черноморским регионом, представляющим зону жизненных интересов России с точки зрения обеспечения национальной безопасности. При этом западные специалисты считают, что достижение этой цели возможно лишь через инспирирование и провоцирование конфликта на юго-востоке Украины, т.к. страны, имеющие неурегулированные территориальные споры, не могут

вступить в НАТО[255]. Очевидно, что вступление Украины в НАТО закрепило бы ее как геополитический объект за оппонентами России. За последние годы западные аналитики и эксперты предложили ряд схожих по характеру объяснений действиям России на Украине (например, что собственной политикой в отношении Крыма Российская Федерация целиком и полностью обязана амбициям одного человека – президента В.В. Путина). Однако сами западные аналитики признают, что эти объяснения в лучшем случае полны изъянов, а в худшем - вводят в заблуждение[256].

Системный и структурно-функциональный анализ используемых технологий и инструментов геополитического противостояния, таких как дипломатическое и информационное давление, экономические санкции, политические манипуляции и прочее, а также результаты проведенного в рамках исследования ситуационного анализа, показали, что в рамках современной системы международных отношений возможны следующие три сценария конфликтного геополитического взаимодействия между Россией и Западом по «крымскому вопросу» с возможным выходом на его разрешение.

Сценарий первый. Предложенный сценарий предполагает окончательный отказ от иллюзий о возможности мирного сосуществования с Западом (попытки частичного отказа мы наблюдали, к примеру, в 1994-1995 гг., 2007 г.) и отход к уже по сути апробированной на протяжении четырех десятилетий модели конфликтного взаимодействия – холодной войне. Эта модель была характерна для биполярной геополитической структуры мира, представляла собой один из вариантов баланса сил с точки зрения теории международных отношений. К слову сказать, эта модель понятна и приемлема для американского политического истэблишмента, а соответственно, его внешнеполитические действия будут гораздо легче прогнозироваться. Однако в рамках этой модели, Россия, дабы защитить свои национальные интересы, должна выстраивать

[255] См.: *Гетц Э.* «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып.4. Т.9. С.12.

[256] См.: Там же.

крайне жесткую внешнеполитическую линию, неизбежно приближающуюся по характеру к чисто конфликтному взаимодействию. Другими словами, предполагается, что Россия в рамках этого сценария должна в полной мере реализовать проект «Новороссия», т.е. провести военную операцию на юге, юго-востоке и востоке Украины и по ее итогам интегрировать ряд украинских областей в состав РФ (с последующим неизбежным ослаблением оставшейся части территории Украины). В случае успешной реализации такого сценария Россия могла бы начать позиционировать себя в качестве лидера «антиатлантического сообщества» с последующей политической и военно-стратегической поддержкой государств и режимов с ярко выраженной антизападной ориентацией (Иран, Северная Корея, Куба и др.). По сути, речь идет об одном из вариантов реализации подхода К. Шмидта с его образом «партизана»[257]. Этот сценарий был максимально близок к реализации в 2014-2015 гг., однако затем системные действия Запада, включающие и интенсивную дипломатическую работу, санкции и проч. и либерально настроенная часть политического истэблишмента в России перевели этот сценарий из разряда реальных в разряд «практически невозможных» в сознании правящей российской элиты.

Сценарий второй. Ключевой задачей второго сценария является нормализация отношений России с Западом на уровне «до возвращения Крыма». Предполагается, что в ходе этого сценария произойдет полноценная реинтеграция Крыма и Севастополя в состав Украины с компенсацией всех издержек (военных, материальных и моральных). Важно отметить, что именно этот сценарий с 2014 г. доминирует в сознании западноориентированной российской элиты, завязанной на транснациональный капитал, и интеллигенции, ориентирующейся на западные либеральные ценности. В то же время он неприемлем для патриотически настроенной части населения России и для большинства в числе нынешней правящей элиты. Разумеется, при

[257] *Шмитт К.* Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / Пер. с немецкого Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007.

реализации данного сценария, можно прогнозировать раскол российского общества, падение уровня поддержки власти и дезинтеграцию государства по разнообразным по характеру «линиям разлома» с труднопредсказуемыми для российской государственности последствиями.

Сценарий третий. Целью и главной задачей данного сценария является по сути сохранение имеющегося на сегодняшний день статус-кво. А именно – Россия сохраняет фактический контроль над Крымом и Севастополем, а Запад демонстрирует молчаливое согласие с уже свершившимся фактом смены геополитического контроля над территорией полуострова, продолжая применять санкции в рамках тех пределов, которые являются приемлемыми для них самих (Россия также продолжает применять контрсанкции в приемлемых для себя параметрах и формах). Поддержание статус-кво позволит сохранить общественный консенсус в стране, обеспечить достаточно высокие рейтинги власти (как показывает исторический опыт, например, Приднестровья, риторика «осажденной крепости» позволяет держать население в состоянии повышенной мобилизации и сплоченности вокруг правящего режима десятилетиями). Со временем, когда лишние эмоции, характерные для горячей фазы любого конфликтного взаимодействия отступят, и наступит время трезвых оценок произошедшего, придет понимание неэффективности продолжения конфликта и санкционной политики. В итоге, со временем отношения России с Западом придут к нормализации, так как точек соприкосновения с выходом на сотрудничество гораздо больше, чем реальных причин для конфликтов.

Из предложенных выше трех сценариев третий видится самым желательным, но одновременно и самым сложным для реализации. Россия в рамках этого сценария будет вынуждена занимать оборонительную позицию (и в этом смысле третий сценарий во многом видится продолжением нереализованной части первого сценария), соответственно, инициатива должна быть передана нашему геополитическому оппоненту – Западу. И вовсе не факт, что в своем нынешнем состоянии системного кризиса (внутриполитический

конфликт и подготовка к очередным президентским выборам, сами президентские выборы со спорным исходом в США, сопровождаемые протестными выступлениями, «Брэкзит» и миграционный кризис в ЕС, пандемия COVID-19 и проч.) Запад будет склонен играть по предложенным Россией правилам. Скорее наоборот, следуя заветам американских идеологов-классиков, Запад (ЕС будет в обозримой перспективе, вероятно, продолжать действовать в фарватере евразийской геостратегии США) будет и далее пытаться реализовать задачу максимального ослабления и децентрализации России, втягивания ее в вооруженный конфликт с Украиной, а после президентских выборов в Молдове – еще в конфликт с Кишиневом. При этом Вашингтон и Брюссель будут продолжать использовать «хорошо зарекомендовавшие» себя геополитические технологии и инструменты, охарактеризованные выше.

Наконец, еще есть *сценарий четвертый – идеальный*. В рамках идеального сценария судьба Крыма и Севастополя должна решаться с учетом мнения всех заинтересованных сторон и при соблюдении общепризнанных норм международного права. Это, опять же, возможно только тогда, когда все участники геополитического противоборства вокруг Крыма смогли оценивать сложившуюся ситуацию «с холодной головой». В настоящий же момент все дискуссии по «крымскому вопросу» носят крайне эмоциональный характер, что вполне объяснимо. Но куда важнее то, что участники дискуссии ангажированы, причем зачастую сторонами, которые не являются прямыми интересантами, т.е. выступают в качестве внерегиональных игроков.

При разрешении геополитического конфликта вокруг Крыма и Севастополя необходимо исходить из того, что это не только российско-украинский конфликт. Как было показано выше, международный кризис, возникший вокруг ситуации с возвращением Крыма в состав России, затрагивает более высокий уровень геополитического взаимодействия – комплекс отношений России с Западом. «Крымский вопрос» стал своеобразным

триггером, запустившим новый виток противостояния, который эксперты весьма оперативно определили как «новую холодную войну», атрибутом которой и стал Крым. И именно поэтому ряд специалистов считает, что для разрешения возникшего кризиса необходимы усилия всех сторон, непосредственно вовлеченных в конфликт, – Украины, России, ЕС и США[258]. Однако, такие совместные усилия если и возможны, то только спустя значительное время. И даже по его прошествии, когда эмоции уступят голосу разума, говорить о достижении международного консенсуса по Крыму вряд ли придется, если не прикладывать к этому значительных усилий. Опыт международных отношений показывает, что решение находится даже для самых сложных международных кризисов, если вовлеченные стороны готовы искать компромиссы и демонстрируют волю к этому. Обычно стороны стараются интенсифицировать сотрудничество между собой, отказаться от санкционной и контрсанкционной политики и апеллируют к нормам международного права. Однако в обозримой перспективе такой сценарий в качестве варианта разрешения геополитического конфликта вокруг Крыма, к сожалению, рассматривать не приходится.

При решении «крымского вопроса» в рамках геополитической теории необходимо учитывать собственно и негативный украинский опыт интеграции Крыма в состав de facto унитарного государства. Так, политическому руководству Украины надлежало создать единую систему ценностей для того, чтобы интегрировать население искусственно созданного государства, в состав которого входят столь разнородные по этническому и культурному составу территории. Объединяющей и интегрирующей могла стать любая идея, личность или институт. Однако «украинские правящие элиты ничего не сделали для создания единства народа и страны. Более того: почти каждый президент Украины выступал не как общенациональный лидер, но в качестве

[258] *Карташкин В.А.* Судьба Крыма и международное право // Обозреватель-Observer. 2015. №10. С.115.

провосточного или прозападного политика»[259]. Это неизбежно проецировалось на украинское общество, создавая благоприятные условия для политического и гражданского раскола и возникновению глубинных социально-политических противоречий. Таким образом, учитывая и корректно оценивая украинский опыт, важно не только поддерживать идею общих ценностей, в том числе политических, у российского общества, проецируя его и на население Крыма (разумеется, у населения Российской Федерации и Крымской Республики, в частности, ценности действительно общие, учитывая историческое прошлое полуострова, а также доказанное данным исследованием существование общего цивилизационного идентитета), но и препятствовать попыткам геополитических оппонентов России внедрить отдельным этническим группам идеи о несоответствии этих ценностей групповым интересам этнических сообществ, отдельных групп местных элит и пр.

Аксиомой геополитики является укрепление инфраструктуры анклавов и эксклавов, с тем, чтобы гарантированно привязать к себе и обезопасить эти территории от посягательств извне, или сепаратизма. Однако официальный Киев практически ничего не сделал для развития инфраструктуры Крыма – таким образом, с точки зрения геополитики, Крым все 23 года существования в составе Украинского государства был наиболее уязвимой точкой ее территории и государственности в целом. Таким образом, с позиций геополитической теории, после возвращения Крыма в состав России у Украины стало меньше на одну уязвимость и теперь Киеву проще управлять территорией, ставшей более компактной. С этой точки зрения, поспешное строительство Россией Крымского моста с тем, чтобы «привязать» полуостров к основной территории государства, видится абсолютно закономерным. Однако Москве ни в коем случае нельзя на этом останавливаться. Необходимо и далее интегрировать Крым и Севастополь не только в логистическое и коммуникационное пространство России, но и в

[259] Цит. по: *Рогов И.И.* Украинский кризис: предварительные замечания по интеграции АР Крым в состав Российской Федерации // Электронный вестник Ростовской социально-экономического института. Вып.1 (январь-март), 2014. С. 29.

финансово-экономическое, торговое, энергетическое, информационное и особенно – гуманитарное[260]. Особняком стоит вопрос налаживания конструктивных отношений с элитами различных социальных групп.

Несмотря на «бойкот» российской внешней политики в Восточной Европе, тем не менее, в краткосрочной перспективе политическое руководство Российской Федерации не должно оставлять попыток склонить мировое сообщество на свою сторону в «крымском вопросе». Тем более, что «российская принадлежность Крыма не может быть предметом переговоров и торга ни в каком формате»[261]. Так Россия может регулярно инициировать проведение «контрольного» референдума в Крыму под эгидой и контролем ООН. В силах России выстроить новый формат отношений с международными структурами и парламентами европейских государств и предложить им гибкие варианты взаимодействия с крымской общественностью с тем, чтобы они могли убедиться в объективности и законности решения российского руководства по «крымскому вопросу». Необходимо наращивать геополитический инструментарий в рамках технологии «мягкой силы» по продвижению российской/евразийской системы ценностей (к примеру, реакция Белого дома и американского разведывательного сообщества на деятельность «Russia today» с последующим запретом на вещание в ряде стран свидетельствуют в основном о высокой эффективности данного инструмента). Это позволит более эффективно работать с западным общественным мнением, что в последствии может позитивно сказаться на перспективах разрешения «крымского вопроса» и легитимизации отдельных направлений геостратегии России.

Наконец, как геополитический инструмент, направленный на благоприятное для России разрешение «крымского вопроса», можно рассматривать цивилизационный идентитет населения полуострова,

[260] Проблема интеграции Крыма в общее образовательное пространство Российской Федерации подробно рассматривается в статье: *Аблятипов А.* Республика Крым: образование на родных языках // Международная жизнь. Декабрь 2019. С. 110–117.

[261] *Буянов В.С.* Очерки о России: власть, политика, идентичность: монография. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 207.

существование которого было доказано в предыдущем подразделе исследования. Концептуализация этого инструмента должна идти по нескольким направлениям. Во-первых, как категория должна занять соответствующее место в стратегических документах Российской Федерации, в частности в разделе «Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем» Концепции внешней политики России, в Стратегии национальной безопасности. Во-вторых, государственным и общественным научным, научно-образовательным и экспертным структурам необходимо работать на то, чтобы эта категория стала своеобразным аттрактором для формирования нового фокуса в дискурсе по «крымскому вопросу» и дальнейшее его развитие и проецирование на научные и экспертные круги Запада. В-третьих, эта категория должна занять ключевое место в официальной и общественной риторике о международном признании российской принадлежности Крыма и характеризоваться как важный фактор успешной интеграции в полуострова в качественные пространства Российского государства (См. Рис. 4).

Рис. 4. Концептуализация категории «цивилизационный идентитет» как геополитического инструмента.

В целом, указанные рекомендации по использованию отдельных инструментов и технологий образно можно свести к единому механизму, целью функционирования которого будет разрешение «крымского вопроса» для реализации национальных интересов нашей страны в Азово-Черноморском регионе и обеспечения национальной безопасности России и международной безопасности. Механизм представляет собой консолидированную политику в ключевых сферах, построенную на инкорпорации концепции цивилизационного идентитета России/Евразии населения Крымского полуострова (ЦИ). В гуманитарной сфере идентитет необходимо рассматривать в контексте базовых общественных ценностей, он должен учитываться при выстраивании образовательной политики, а также при согласовании групповых интересов, интересов личности, общества и государства. В политико-экономической сфере феномен идентитета должен занять достойное место во всех стратегических документах внутренней и внешней направленности, национальных инфраструктурных проектах, ориентированных на «привязывание» полуострова к материковой России, торгово-финансовых, энергетических, продовольственных и проч. В информационной сфере категория и концепция цивилизационного идентитета должна стать образующим элементом, при этом достаточно гибким, учитывающим специфику той или иной целевой аудитории – здесь речь идет о коррекции коммуникационной политики с учетом выявленного ресурса идентитета и актуальности цивилизационного подхода вообще, набора инструментов «мягкой силы», политики продвижения национальных интересов России, формирования лояльного общественного мнения и проч. на внешнем и внутреннем направлениях. Описанный механизм может быть представлен в виде вербальной модели (См. Рис. 5).

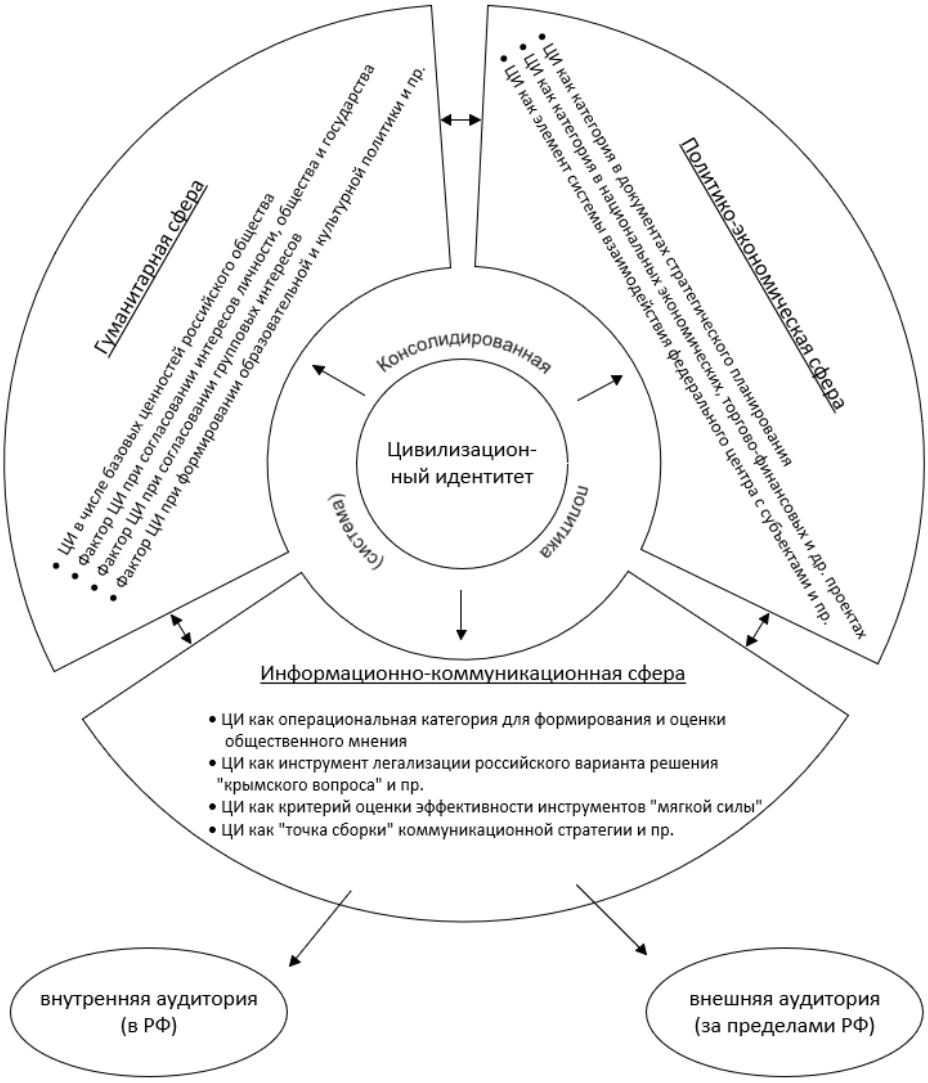


Рис. 5. Механизм геополитического воздействия на конфликт (модель разрешения «крымского вопроса»)

При реализации указанных выше в качестве рекомендаций направлений российской политики в отношении Крыма определилась бы дальнейшая судьба Крымского полуострова как *геополитической опорной точки* для России. Кроме того, были бы созданы необходимые условия для завершения этапа конфликтного взаимодействия между Россий и странами Запада, восстановления доверия между сторонами, вовлеченными прямо и косвенно в конфликт, отмену санкций и контрсанкций, что, в конце концов, привело бы к снижению международной напряженности на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, рассмотренные в подразделе возможности разрешения конфликта вокруг Крыма могут быть сведены к единому механизму геополитического воздействия непосредственно на предмет конфликта (Крым и Севастополь) и на геополитических оппонентов в рамках единой системы международных отношений. Внутри страны механизм должен работать на интеграцию полуострова во все качественные пространства России. За пределами страны – в направлении комплексного воздействия на западные элиты и общество с целью легитимации внешней политики Российской Федерации в Азово-Черноморском регионе и роста ее влияния в мире. Разработанный механизм может служить моделью для разрешения схожих конфликтов геополитического свойства вокруг спорных территорий.

*** *** ***

В третьем разделе исследования на основе проведенного критического анализа возможных путей разрешения геополитического конфликта вокруг Крыма даны рекомендации, которые в случае реализации могут способствовать эффективному решению «крымского вопроса» и оптимизации процесса международной легитимации вхождения Крыма в состав Российской Федерации, завершению этапа конфликтного взаимодействия между Россий и странами Запада.

В рамках «крымского вопроса» геополитические инструменты давления на Россию являются в целом универсальными, однако базовые вводные (мировая финансовая система, базирующаяся на долларе, контроль США над мировыми финансовыми и кредитными организациями, возможность контроля глобальных информационно-коммуникативных сетей, глобальное кураторство проектов по продвижению демократии и пр.) ограничивают возможность использования этих инструментов Россией против США и ЕС. В связи с этим констатируется необходимость разработки принципиально новых подходов и инструментов благоприятного для России разрешения «крымского вопроса» и

обеспечения геополитических интересов и национальной безопасности России в целом.

В ходе исследования был выявлен новый структурный компонент в теории и практике разрешения геополитического конфликта вокруг Крыма – цивилизационный идентитет России/Евразии, наличествующий у населения Крымского полуострова. Было доказано, что идентичность населения полуострова имеет несколько уровней, где на высшем уровне располагается цивилизационная идентичность населения Крыма. Она, будучи наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, не конфликтует ни с одной из идентичностей базового уровня и гармонично сочетается с другими, усиливая их. Совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать «синергетический эффект», способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе, а также выступать в качестве геополитического инструмента, направленного легитимацию акта воссоединения Крыма с Россией.

В исследовании по результатам ситуационного анализа были представлены четыре сценария развития «крымского вопроса» и его разрешения, даны конкретные рекомендации практического характера по разрешению «крымского вопроса» для реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности России с учетом выявленного ресурса цивилизационного идентитета. Последний нуждается в концептуализации и инкорпорации в ключевые направления внешней и внутренней политики в качестве механизма геополитического воздействия непосредственно на предмет конфликта (Крым и Севастополь) и на геополитических оппонентов в рамках единой системы международных отношений.

Таким образом, в разделе предложен механизм решения «крымского вопроса», определяющего содержание межгосударственных отношений России и стран Запада, базирующийся, с одной стороны, на игнорировании дихотомии права и политики в геополитическом конфликте, а с другой стороны, на

предположении о том, что механизм решения «крымского вопроса» лежит не в правовой и политической плоскостях, а в геополитической, и носит комплексный характер, с точки зрения своего действия на внутреннем и внешнем направлениях. Раздел содержит ряд рекомендаций по оптимизации направлений внешней политики России в Азово-Черноморском регионе в интересах обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения геополитической науки, изменение характера внешней политики России со второй половины 2000-х гг., связано не только с качественно новым видением и осознанием геополитических интересов, но и особенностями отечественной стратегической культуры. Положение Российского государства как доминирующей Евразийской державы (в терминах Х. Маккиндера – Hartland) за прошедшие века стало неотъемлемой частью национального самосознания россиян. При этом положения западных геополитических школ (в духе одной из геополитических закономерностей, в соответствии с которой все империи постоянно расширяются, в противном случае погибают, и это – универсальный закон развития империй) о том, что стратегическая культура России заставляет ее проводить агрессивную политику по отношению к соседям и военными средствами защищать свой геополитический статус в Евразии, в корне неверны. В рамках подобных подходов игнорируются общеизвестные факты мировой истории – все крупные державы с древних времен вплоть до современности стремились к региональному господству и расширению сферы своего влияния. Вряд ли можно предположить, что все эти государства объединяли общие история, культура, национальное самосознание. Таким образом, в историческом контексте внешнюю политику России (в том числе – последних лет) нельзя рассматривать как уникальную и исключительную. Напротив, это всего лишь еще один пример «геополитического поведения» крупных держав, предполагающего включение своих ближайших соседей в сферу своего геополитического влияния.

Как показало настоящее исследование, ключевые геополитические акторы (в лице великих и региональных держав) применяют различные механизмы взаимодействия с целью расширения сферы своего геополитического влияния (специфика и изменение форм такого влияния легко прослеживается во времени в рамках одного странового или регионального направления). Изменчивость

внешней политики и геополитических инструментов напрямую зависят от уровня геополитического давления со стороны других геополитических акторов по отношению к их соседям, союзникам и ближайшему окружению. В случае низкого уровня геополитического давления субъект геополитики при расширении сферы своего влияния делает ставку на сочетание экономических и гуманитарных стимулов и институционализацию отношений. Однако в случае высокого уровня геополитического давления субъект геополитики проводят настойчивую и агрессивную внешнюю политику, которая может включать экономическое и политическое давление и угрозу применения военной силы, особенно если возникают угрозы жизненным интересам и национальной безопасности субъекта.

Таким образом, «крымский вопрос» (очередной его виток, хронологические пришедшийся на современность), который носит характер геополитического конфликта вокруг Крыма в новых условиях, объясняется резко возросшим геополитическим давлением на Россию со стороны ее оппонентов. Ключевая цель внешней политики современного Российского государства на постсоветском пространстве, в Азово-Черноморском регионе, в частности, – помешать соседним новым независимым государствам объединиться с другими крупными геополитическими игроками (США, ЕС, Турция) или войти в их сферу геополитического влияния. Для реализации этой цели Россия использует различные дипломатические, экономические, политические и военные средства. Именно этим объясняются и события августа 2008 г., и события марта 2014 г. – правительства и Грузии, и Украины открыто выразили готовность развивать тесные отношения с ЕС, США и НАТО.

Новизна настоящего диссертационного исследования заключается в раскрытии теоретико-методологических основ влияния геополитического положения территории, представляющей собой, с точки зрения теории геополитики, одновременно и геополитическую точку и перекрестное геополитическое поле, на политику государств, вовлеченных в геополитический

конфликт, в рамках которого переход указанной территории из сферы влияния одного актора в сферу влияния другого стало импульсом для интенсификации конфликтных взаимодействий. История практической геополитики показывает, что на промежуточном этапе выходом из сложившейся ситуации могло стать создание так называемой «буферной зоны», обеспечивающей хрупкое геополитическое равновесие в конкретном регионе (опыт Центральной Европы в межвоенный период). Однако жесткое и нарастающее военно-политическое давление Запада на западные и юго-западные рубежи России не позволило реализовать данный сценарий (попытки предпринимались, например, в рамках Мезебергского процесса в 2010 г. – тогда эта стратегия была облачена в формулировки о создании общей архитектуры безопасности в Европе). Таким образом обострение ситуации в Северном Причерноморье был лишь вопросом времени.

Результаты исследования показали, что возвращение Крыма в состав Российского государства стало реакцией на острые геополитические вызовы. Ведь несложно представить реакцию, к примеру, США, если бы Китай предложил Канаде и Мексике заключить соглашение об ассоциации… Причем это соглашение было бы подписано переходными правительствами Канады и Мексики, которые, по мнению США, оказались у власти с помощью Пекина. И все это при наличии нескольких китайских военных баз в Карибском бассейне, которые там возникли вопреки открытому недовольству США, и в условиях текущих китайско-канадских переговоров о развертывании военной инфраструктуры, например, в Колумбии. Пожалуй, любой политолог или политик-практик, кто представит подобную ситуацию, без труда констатирует, что Вашингтон будет использовать любые геополитические технологии и инструменты (вплоть до жестких геополитических провокаций) с целью максимально снизить влияние КНР во всем Западном полушарии… И здесь важно подчеркнуть, что именно эта логика достаточно точно объясняет «геополитическое поведение» России в отношении соседней Украины. Российская Федерация не желает, чтобы сопредельные государства – ее

ближайшие соседи и бывшие братские советские республики вступали в военно-политические союзы с внешними силами, зачастую враждебно настроенными по отношению к ней. Именно нежелание Запада признать за Россией права на национальные интересы и права на безопасность лежит в основе «крымского вопроса», составившего проблемную ситуацию для реализации данного исследования.

В рамках исследования были решены следующие исследовательские задачи:

1. На основе критического анализа дана оценка «крымскому вопросу» как проблеме международных отношений, в опоре на имеющийся опыт теоретических интерпретаций проблемы.

2. Определено геополитическое значение Крыма для обеспечения международной и национальной безопасности.

3. Охарактеризованы политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова и Севастополя в состав Российской Федерации.

4. Определено значение «крымского вопроса» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России.

5. Выявлены позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу», уровень и характер вовлеченности каждого из акторов в региональные процессы, степень прямого или опосредованного участия в конфликте, основные противоречия и возможные точки соприкосновения их интересов.

6. Проанализирована и охарактеризована специфика используемых акторами технологий и инструментов в геополитическом противостоянии в рамках «крымского вопроса».

7. Определено значение фактора цивилизационного идентитета населения Крыма в геостратегии России.

8. Дана критическая оценка предложенным современными исследователями путям решения «крымского вопроса» и разработан механизм

разрешения «крымского вопроса» с учетом национальных интересов России, совершенствования политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности на Черноморском направлении и в Крыму, в частности, с учетом фактора цивилизационного идентитета населения Крыма и характера существующих угроз на региональном и глобальном уровнях.

Сочетание системного, исторического, социологического и геополитического подходов, положений теорий международных отношений национальной безопасности, ряда специальных методов в анализе «крымского вопроса», что позволило прийти в результате исследования к новым выводам.

Во-первых, «крымский вопрос» как проблема играет значительную роль в современных международных отношениях, являясь объектом воздействия третьих сил и неся дополнительные функции. В такой сверхсложной системе как современная система международных отношений неизбежно появление «смысловых аттракторов» как символов конфликтного взаимодействия, наиболее четко обозначенном в геополитическом измерении. Крым, помимо функции объекта конфликта, играет именно такую роль в противостоянии России и коллективного Запада – он является атрибутом геополитического конфликта. Более того, характер изменений в ныне существующей системе международных отношений демонстрирует, что «крымский вопрос» представляет собой вызов стабильности, международной безопасности и национальной безопасности России. Следовательно, поиск решений «крымского вопроса» в рамках политологического знания может рассматриваться в качестве научной проблемы. Научная разработка конкретного механизма и набора инструментов и их последующая апробация могут лечь в основу теоретико-методологического обоснования использования модели разрешения «крымского вопроса» для политологического анализа проблемы разрешения политических конфликтов вокруг спорных территорий и соответствующих политических практик с целью обеспечения международной глобальной и региональной безопасности.

Во-вторых, суть геополитического положения Крыма характеризуется следующим образом: полуостров, расположенный в стратегически важном районе взаимодействия Объединенной Европы, России, Украины и Турции. Контроль над полуостровом гарантирует контроль над всем Северным Причерноморьем. По аналогии с категориями-максимами, предложенными Х. Маккиндером, предложен следующий вариант: кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море (т.е. обеспечивает активное перемещение грузов из Восточной Европы в Ближний Восток, Индию, Африку, Америку), кто контролирует Черное море, тот контролирует Средиземное море, кто контролирует Средиземное море – тот контролирует Мировой Остров (геополитическая категория из модели Х.Маккиндера, включающая географические Евразию и Африку). С этой точки зрения Крым важен не просто как элемент портовой инфраструктуры, а как ключевая геополитическая точка, контроль над которой обеспечивает геополитическое превосходство в Восточном полушарии. Такая оценка является иллюстрацией геополитического значения Крыма для современного Российского государства.

В-третьих, неприятие коллективным Западом воссоединения с Россией Крыма, обоснованного с правовой точки зрения, лежит в сугубо политической плоскости. Однако политический и правовой аспекты – это элементы любой системы международных отношений. Соответственно, каждый факт международной политики нужно рассматривать и анализировать с учетом политического и правового. Так как право представляет собой структурированную реальность, именно к нему в первую очередь обращаются государства с целью обосновать собственные политические решения или оспорить решения других государств, выступающих в роли политических оппонентов. Особенно наглядно это проявляется в условиях глобальных геополитических сдвигов. Политика «двойных стандартов», реализуемая коллективным Западом в отношении «крымского вопроса» стала следствием не только противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств в международном праве в условиях

нового мирового порядка, сколько существующей возможностью свободного выбора (которое можно представить как «пространство для политического маневра») между легитимными действиями (регламентируемыми нормами международного права) и реализацией национальных интересов, базирующегося на «праве сильного». Таким образом, изменение правового статуса Крыма можно рассматривать в контексте системного подхода к пониманию политической реальности: реакция ключевого актора международных отношений (в данном случае Российской Федерации) в рамках ныне существующей мировой политической системы на острые геополитические вызовы, обусловленные, кроме прочего, эрозией международного права, определяющейся, в частности, двойной трактовкой его норм. Таким образом очередной раз в ходе конфликта вокруг Крыма актуализировалась проблема соотношения международного права и национальных интересов. Принципиальное значение в определении параметров этой проблемы зависит от того места, которое занимает конкретный геополитический актор в мировой политической иерархии, и от ресурсов, которыми он располагает.

В-четвертых, воссоединение Крыма с Россией необходимо рассматривать не только как акт восстановления исторической справедливости, а как исторически обусловленный факт. Состояние «крымского вопроса», как международно-политической проблемы, является важным фактором оценки уровня обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Учитывая тот факт, что, с точки зрения геополитики, проблема локализуется на ключевом для России (и ряда других ключевых геополитических игроков) юго-западном направлении, есть все основания утверждать, что успешное решение крымской проблемы позволит замкнуть «периметр безопасности» Российского государства и высвободить ресурсы для реализации национальных интересов за пределами этого «периметра», например, на Ближнем и Среднем Востоке. Разрешение «крымского вопроса» имеет большое значение в формировании «пространства безопасности» по периметру российских границ. Анализ

содержания национальных интересов и угроз национальной безопасности России в рамках «крымского вопроса» (локализовались преимущественно в военно-политической, социальной-экономической, социокультурной и этноконфессиональной сферах) продемонстрировали принципиальную важность положительного его решения для дальнейшего поступательного развития нашей страны. Ряд проблем в силу своей способности трансформироваться в общенациональные требовали немедленного решения. Успех на пути преодоления других призван продемонстрировать населению всей страны и всему миру потенциал правящего класса в последовательном и успешном достижении поставленных целей, непосредственно сопряженных с национальными интересами. Положительное решение «крымского вопроса» по состоянию на момент завершения исследования продемонстрировало глубину рефлексии политической элиты нашего государства и способность к трезвой и адекватной оценке реальных и потенциальных действий ключевых геополитических игроков и их сателлитов, мобилизации ресурсов, управленческому креативу и игре на опережение в условиях стремительно развивающейся кризисной ситуации. Это сущностно отличает модель поведения нынешней политической элиты от моделей 1990-х – первой половины 2000-х гг. Кроме того, крымская проблема стала индикатором, по которому с высокой степенью точности можно судить об уровне субъектности России в мировой политике. Таким образом, вхождение Крыма в состав России стало ответом на возникшие вызовы и было реализовано в чрезвычайных обстоятельствах. Проводя политику последовательной нейтрализации этих угроз, Российская Федерация стремится как можно полнее реализовать принципы стратегии национальной безопасности и одновременно проводить оправдавшую себя политику первоочередности решения проблем в приграничных регионах.

В-пятых, уровень и характер вовлеченности каждого из ключевых геополитических акторов в региональные процессы вокруг Крыма варьируются, равно как и степень прямого или опосредованного участия в геополитическом конфликте по вопросу принадлежности полуострова и военно-морских баз. Во

многом сходя из этого формируется позиция каждого из участников геополитического противостояния. Анализ позиций ключевых геополитических игроков в регионе и в целом мирового сообщества по «крымскому вопросу» показывает, что проблема Крыма не рассматривается адекватно той ситуации, которая в реальности имела место накануне и вовремя процесса присоединения полуострова к России, не учитываются условия и ключевые факторы, заставившие население Крыма высказаться за возвращение в состав Российского государства. Принципиальное значение имеет позиция России по Крыму и Севастополю в контексте ее жизненно важных интересов и необходимости обеспечения национальной безопасности по ряду ключевых направлений. Возвращение Крыма, с точки зрения практической геополитики, означает восстановление сферы геополитического влияния в Азово-Черноморском регионе с выходом на все Средиземноморье и, соответственно, ограничение сфер влияния здесь геополитических оппонентов России.

В-шестых, анализ использованных геополитическими оппонентами России технологий и инструментов и в целом «механики», посредством которой реализуется геополитическое давление на Россию, показал, что эти инструменты являются в целом универсальными, однако базовые вводные (мировая финансовая система, базирующаяся на долларе, контроль США над мировыми финансовыми и кредитными организациями, возможность контроля глобальных информационно-коммуникативных сетей, глобальное кураторство проектов по продвижению демократии и пр.) ограничивают возможность использования этих инструментов против США и ЕС. Соответственно, необходима выработка и использование принципиально новых подходов и инструментов, что позволило бы эффективно противодействовать геополитическим оппонентам России и обеспечивать эффективную внешнюю политику государства в целях решения «крымского вопроса» и обеспечения геополитических интересов и национальной безопасности России в целом.

В-седьмых, идентичность населения Крымского полуострова имеет несколько уровней. Базовый уровень представлен этнической идентичностью (русские, украинцы, крымские татары и др.). Далее – региональная идентичность («Я – крымчанин»). После акта воссоединения с Россией набирает силу российская гражданская идентичность («Я – житель России», «Я – россиянин»). При этом видится необходимым рассматривать и идентичность, связанную с комплексом сложных геополитических процессов – европейскую и евразийскую, которые выступают в отношении традиционных идентичностей (этнической, региональной, гражданской) в качестве «надстроечных». Однако на высшем уровне располагается цивилизационная идентичность населения Крыма. Ее можно определить как идентичность России/Евразии. Она, будучи наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, не конфликтует ни с одной из идентичностей базового уровня и гармонично сочетается с другими, усиливая их. Цивилизационный идентитет выступает в качестве локомотива самоопределения народа, ресурса государственного и национального развития. Анализ показал, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать «синергетический эффект», способный существенно влиять на геополитические процессы в регионе. Учитывая это обстоятельство, можно констатировать необходимость рассмотрения феномена цивилизационной идентичности населения Крымского полуострова в качестве фактора благоприятного для реализации российских национальных интересов России разрешения «крымского вопроса», его концептуализации и инкорпорации в качестве значимого элемента в стратегические документы Российской Федерации. Таким образом, цивилизационный идентитет, как структурный компонент в теории и практике разрешения конфликтов вокруг спорных территорий, может выступать в качестве геополитического инструмента, направленного легитимацию акта воссоединения Крыма с Россией.

В-восьмых, возникновение геополитического конфликта по «крымскому вопросу» было объективным и закономерным с точки зрения теории геополитики и системного подхода. Противоречия между практической

политикой и международным правом, порождающим множество проблемных ситуаций в мире схожего характера, к сожалению, на данный момент неразрешимы. Поэтому поиск решения «крымского вопроса» необходимо искать в рамках геополитической теории. Критическая оценка предложенных современными исследователями путей решения «крымского вопроса», реализованная в данном исследовании, позволила разработать механизм разрешения «крымского вопроса» в наиболее желательном для России ключе, совершенствования политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности в Азово-Черноморском регионе, в целом, и в Крыму, в частности, с учетом характера и интенсивности существующих там вызовов и угроз. Ключевым элементом этого механизма должна стать концепция цивилизационного идентитета, инкорпорированная в стратегические документы России, официальную и общественную риторику, дискурс по «крымскому вопросу». Для реализации указанного механизма в исследовании даны следующие рекомендации:

- учесть негативный опыт Украины и поддерживать систему общих ценностей, в том числе политических, у российского общества, проецируя его и на население Крыма, и препятствовать попыткам геополитических оппонентов России внушить отдельным этническим группам в Крыму идеи о несоответствии этих ценностей групповым интересам этнических сообществ, отдельных групп местных элит и пр.;

- учесть негативный опыт Украины и интенсифицировать геополитическую «привязку» Крымского полуострова к основной территории Российского государства через интеграцию в логистическое и коммуникационное, финансово-экономическое, торговое, энергетическое, информационное и особенно – гуманитарное пространства России, налаживание конструктивных отношений с элитами различных социальных групп;

- российским государственным и общественным структурам интенсифицировать работу по привлечению мирового сообщества на свою

сторону в «крымском вопросе» с целью легитимизации факта возвращения Крыма и Севастополя в состав России. Для этого можно использовать имеющиеся у России инструменты первого и второго треков дипломатии. В частности, Россия может регулярно инициировать проведение «контрольного» референдума в Крыму под эгидой и контролем ООН и других авторитетных международных организаций. Крайне важно выстроить новый формат отношений с международными структурами и парламентами европейских государств и предложить им гибкие варианты взаимодействия с крымской общественностью с тем, чтобы они могли убедиться в объективности и законности решения российского руководства по «крымскому вопросу»;

- необходимо в достаточно короткие сроки наращивать геополитический инструментарий в рамках технологии «мягкой силы» по продвижению российской/евразийской системы ценностей со ставкой на «консервативный» аспект, так как именно на него существует значительный запрос в современном западном обществе. Это позволит более эффективно работать с западным общественным мнением, что впоследствии может позитивно сказаться на перспективах разрешения «крымского вопроса» и легитимизации отдельных направлений геостратегии России.

Предложенные рекомендации могут быть сведены к единому механизму геополитического воздействия непосредственно на предмет конфликта (Крым и Севастополь) и на геополитических оппонентов в рамках единой системы международных отношений с целью разрешения «крымского вопроса». Внутри страны механизм должен работать на интеграцию Крымского полуострова во все качественные пространства России. За пределами страны – в направлении комплексного воздействия на западные элиты и общество с целью легитимации внешней политики РФ в Азово-Черноморском регионе.

Таким образом, цель исследования, заключавшаяся в разработке актуального механизма разрешения «крымского вопроса», определении возможностей и направлений политики России в Азово-Черноморском регионе

для обеспечения национальной безопасности РФ, была достигнута. Гипотеза исследования, согласно которой механизм решения «крымского вопроса» лежит не в правовой и политической плоскостях, а в геополитической, и носит комплексный характер, с точки зрения своего действия на внутреннем и внешнем направлениях, нашла подтверждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 98% жителей Крыма высоко оценивают работу президента России: опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/ratings/2156037.html
2. Абдурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л., Пирумов В.С. Геополитика и национальная безопасность. Словарь основных понятий и терминов / М.И. Абдурахманов, В.А. Баришполец, В.Л. Манилов, В.С. Пирумов; под общ. ред. В.Л.Манилова. — М.: РАЕН, 2012.
3. Аблятипов А. Республика Крым: образование на родных языках / А. Аблятипов // Международная жизнь. —2019. — Декабрь.
4. Абрамова Е.Н., Аникин В.И. Политический анализ проблематики Крыма: оценки и позиции международных акторов / Н.Е. Абрамова, В.И. Аникин // Обозреватель – Observer. — 2020. — №2.
5. Аксючиц В. Русский маятник или формула русской победы [Электронный ресурс] / В. Аксючиц // АПН. — Режим доступа: https://www.apn.ru/publications/article31771.htm
6. Акт провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 г. // Правда Украины. — 1991. — 31 августа.
7. Акулов Д.А. Цивилизационное развитие и российская идентичность / Д.А. Акулов. — М., 2009.
8. Американцы решили, что за Украину должны погибать грузины и молдаване 17.02.2021 [Электронный ресурс] // РИА Новости. — Режим доступа: https://ria.ru/20210217/alyans-1597720228.html
9. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в.: социально-философское исследование / Т.В. Адрианова. — М.: ИНИОН РАН, 2010.
10. Анисимова Н.Н. Культурная, национальная и цивилизационная идентичность / Н.Н. Анисимова // KANT. — 2019. — №2(31).

11. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / П.К. Анохин // Очерки по физиологии функциональных систем. — М.: Медицина. 1975.
12. Антонов Д.А. Понятие идентитета и проблема идентичности общества / Д.И. Антонов // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — №2.
13. Антонов Д.И. Идентичность личности и общества (социально-философский анализ в контексте методологических традиций номинализма и реализма) : дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Д.А. Антонов. — Красноярск. 2017.
14. Антонов Д.А. Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества / Д.А. Антонов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2013. — №3.
15. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. — М.: Изд-во Московского университета, 2012.
16. Багров Н.В. Геополитическая модель трансграничного региона / Н.В. Багров // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 2002.
17. Багрова Л.А., Боков В.А., Багров Н.В. География Крыма / Л.А. Багрова, В.А. Боков, Н.В. Багров. – Киев: Изд-во «Лебедь», 2001.
18. Баранов А.В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией / А.В. Баранов // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2018. — Том 4 (14). — Вып.2.
19. Баранов А.В. Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией / А.В. Баранов // Научная мысль Кавказа. — 2014. — №4.
20. Баранов А.В. Трансформация сложносоставного конфликта в Крыму в условиях воссоединения региона с Россией: внутриполитические и внешнеполитические факторы / А.В. Баранов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2015. —Т. 11. — №4.

21. Барсенков А.С. К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России / А.С. Барсенков // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
22. Бафоев Ф.М. Пояса безопасности в мировой политике: специфика, проблемы, перспективы / Ф.М. Бафоев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — №12-1.
23. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. — М.: Междунар. отношения, 1998.
24. Большаков А.Г. Внутренние вооруженные конфликты в странах Северо-Восточной Евразии в начале XXI в. : трансформация и перспективы завершения / А.Г. Большаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2019. — Т.35. — Вып.1.
25. Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://bigenc.ru/world_history/text/1930560
26. Бруббекер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» / Р. Бруббекер, Ф. Купер // Ablimperio. — 2002. — №3.
27. Буденный А.А. Формирование новой стратегической концепции союзников по отношению к России после украинского кризиса / А.А. Буденный // Мировая политика. — 2018. — №2.
28. Бутенко Н.А. К проблеме критериев разграничения этнической, национальной и цивилизационной идентичности / Н.А. Бутенко // СОЦИОС ФРРА. — 2014. — №1.
29. Буянов В.С. Очерки о России: власть, политика, идентичность: монография / В.С. Буянов. — М.: МАКС Пресс, 2020.
30. Вагина В.О., Пантелеев В.Г. Воссоединение Крыма с Россией: проблематика интеграции в социально-экономическое пространство / В.О. Вагина, В.Г. Пантелеев // Ученые записки Крымского

федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т. 4 (70). — № S1.

31. Вакулова Т.В., Гарас Л.Н., Маковская Д.В. Особенности религиозной идентичности крымчан в контексте национальной безопасности России / Т.В. Вакулова, Л.Н. Гарас, Д.В. Маковская // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 14.
32. Валяровский Ф.И., Цапко М.И. К вопросу о международно-правовых основаниях провозглашения независимости Республики Крым / Ф.И. Валяровский, М.И. Цапко // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 2.
33. Вдовин А.И. Русский вопрос и русское государство на современном этапе / А.И. Вдовин // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
34. Вдовиченко О.В., Масляков Д.С. Политические особенности формирования многонационального сообщества в Республике Крым / О.В. Вдовиченко, Д.С. Масляков // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества : сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во ПИУ им. П.А. Столыпина, 2016.
35. Вельяминов Г.М., Вознесенская Н.И., Курбанов Р.А. Воссоединение Крыма с Россией / Г.М. Вельяминов, Н.И. Вознесенская, Р.А. Курбанов // Закон и право. — 2019. — №1.
36. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. — М.: Юридическая литература, 1997.
37. Вилков А.А. Проблематика Крыма в отечественном научном дискурсе 2014-2019 гг. / А.А. Вилков // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. — 2019. — Т. 19. — Вып. 4.
38. Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией. 2020 17 мая [Электронный ресурс] // РИА Новости. — Режим доступа: https://ria.ru/20200517/1571580444.html

39. Власов А.А., Брега А.В. Крым и политика легитимности в международных отношениях / А.А. Власов, А.В. Брега // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — №1(58).
40. Волков Ю.Г. Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму / Ю.Г. Волков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т. 4(70). — № S1.
41. Волков Я.В. Геополитика и безопасность в современном мире / Я.В. Волков. — М.: ВУ, 2000.
42. Волкогонова О.Д. Русская диаспора в Крыму: этнополитический аспект / О.Д. Волкогонова // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2007. — №1. — С. 32-44.
43. Волкогонова О.Д., Полунов А.Ю. Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму / О.Д. Волкогонова, А.Ю. Полунов // Россия и современный мир. — 2008. — № 2. — С. 144-163.
44. Волконская М.Ю. Гуманитарные права крымчан и западная политика «двойных стандартов» / М.Ю. Волконская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2021. — Т.7. — №4.
45. Володин А.В. Региональная политика и национальная безопасность / А.В. Володин. — М.: Научная книга, 2013.
46. Володин заявил, что Крым стал символом национального единения [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: https://tass.ru/politika/6220305
47. Гаджиев К.С. Геополитика / К.С. Гаджиев. — М.: Международные отношения, 2001.
48. Гайдамакин А.В. История поправляет политиков / А.В. Гайдамакин // Национальные приоритеты России. — 2014. — №1 (11).

49. Галас М.Л. Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации / М.Л. Галас // Власть. — 2017. — №5.
50. Галиев Р.С. Принятие Республики Крым в состав Российской Федерации (международно-правовой аспект) / Р.С. Галиев // Развитие государственности и права в Республике Крым : материалы Всерос. науч.-практ.конф. / под общ. ред.С. А. Буткевича. — Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2016.
51. Гапизов З.Р. «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России / З.Р. Гапизов // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — №82 (Октябрь). — С. 270–289. — Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/82_2020gapizov.htm
52. Гапизов З.Р. «Крымский вопрос» и задачи пространственного развития России в контексте обеспечения национальной безопасности / З.Р. Гапизов // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: вызовы и риски пространственного развития: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / Под общей ред. д-ра полит. наук А.В. Шевченко. – М.: «Издательство «Проспект», 2021. ISBN 978-5-98597-498-0
53. Гапизов З.Р. Варианты решения «крымского вопроса» в целях обеспечения национальной безопасности России / З.Р. Гапизов // Западный фланг СНГ и Прибалтика: итоги 30 лет независимости. Материалы Международной научной конференции, Ассоциация Балтийско-Черноморских исследований (Москва, 19 ноября 2021 г.). — М.: URSS, 2023. ISBN 978-5-9710-7503-5
54. Гапизов З.Р. Позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу» / З.Р. Гапизов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2020. — Т.15. — №3. — С. 244–257. — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_43101514_97680184.pdf

55. Гапизов З.Р. Политико-правовые аспекты воссоединения Крыма с Россией / З.Р. Гапизов // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты. Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.). Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. – Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. — С. 90–94.
56. Гапизов З.Р. Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство / З.Р. Гапизов // Государственное управление. Электронный вестник. — 2021. — № 85 (Апрель). — С. 189–210. —Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2021/vipusk__85._aprel_2021_g./pravovie_i_polititcheskie_aspekti_upravlenija/gapizov.pdf
57. Гапизов З.Р., Харитонова Н.И. Геополитическое противостояние вокруг Крыма: технологии и инструменты / З.Р. Гапизов, Н.И. Харитонова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — №79 (Апрель). — С. 193–206. — Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/79_2020kharitonova_gapizov.htm
58. Гессен, М. Россия становится лидером антизападного мира (The Washington Post, США) / М. Гессен. // Портал тоСМИ.Ли. — 2014. — 31 марта. — Режим доступа: http:// inosmi.ru/russia/20140331/219140257.html#ixzz2xuBV39wH.
59. Гетц Э. «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины / Э.Гетц // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2016. — Т.9. — Вып.4.
60. Горшков М.К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки / М.К. Горшков // Социологическая наука и социальная практика. — 2018. — №2 (22).

61. Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым [Электронный ресурс] // Информация об основных наиболее важных результатах реализации государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым - территория межнационального согласия» на 2015-2017 годы» за 2016 год. — Режим доступа: http://gkmn.rk.gov.ru/file/info_za16.pdf
62. Гришай Е.В., Манацкой И.В. Украина в системе геополитических приоритетов Российской Федерации / Е.В. Гришай, И.В. Манацкой // Историческая и социально-образовательная мысль. — Т.6. — №6. — Часть.1. — С. 13-17.
63. Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности /М.Н. Губогло. Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — №241. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2015.
64. Губогло М.Н. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан — оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) / М.Н. Губогло, Р. А. Старченко. — М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2014.
65. Гузенкова Т.С., Неменской О.Б., Хизриева Г.А. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство / Т.С. Гузенкова, О.Б. Неменский, Г.А. Хазриева // Проблемы национальной стратегии. — 2016. — № 4.
66. Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Право народов на самоопределение, международное право и федерализм (анализ событий в Шотландии, Каталонии и Крыму) / А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин // Гражданское общество в России и за рубежом. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — 2018. — № 1.

67. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период / Л.Н. Гумилев. — Л.: Наука, 1990.
68. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Л.Н. Гумилев. — М., 1993.
69. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. канд. геогр. наук К. П. Иванова. — М.-Л., 1987.
70. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008.
71. Декларация «О государственном суверенитете Крыма» от 4 сентября 1991 г. [Электронный ресурс] // Ведомости Верховного Совета Крыма. — 1991. — № 2 (Июль – сентябрь).
72. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя от 11.03.2014. [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым. — Режим доступа: http://crimea.gov.ru/app/2988
73. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года) // Действующее международное право. — Т. 1. — М.: Московский независимый институт международного права, 1996. — С.233-331.
74. Дмитриев В.А. Крым. Севастополь. Флот / В.А. Дмитриев // Пространство и время. — 2014. — №2(16).
75. Доклад об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html

76. Долгова Г.Н., Масляков Д.С. Историко-политические основания республиканской субъектности Крыма / Г.Н. Долгова, Д.С. Масляков // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — №2.
77. Дондурей Д. Навстречу / Д. Дондурей. — М.: Искусство кино, 2019.
78. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л.М. Дробижева // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. — Вып. 7. — М.: Институт социологии РАН, 2008.
79. Дубовицкий В.В. Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России / В.В. Дубовицкий // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
80. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А.Г. Дугин. — М.: Арктогея, 1997.
81. Дятел В.Н., Асаев Ф.Т. Состояние продовольственной безопасности Республики Крым / В.Н. Дятел, Ф.Т. Асаев // Известия сельскохозяйственной науки Тавриды. — 2016. — №6 (169).
82. Евтюшкин И.В. Крымский автономизм в контексте распада СССР / И.В. Евтюшкин // Теория и практика общественного развития. — 2014. — №7.
83. Егорова Л.Г. Крымская идентичность в медийной картине мира / Л.Г. Егорова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т.8. — №2.
84. Ерохина О.В. Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации / О.В. Ерохина // Наука. Общество. Оборона. — 2016. — № 2 (7).
85. Жаде З.А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире / З.А. Жаде // Власть. — 2014. — №4.

86. Живарев В.Е., Салихов Б.В., Синайский А.С. Геополитические интересы России и военно-экономическая безопасность / В.Е. Живарев, Б.В. Салихов, А.С. Синайский. — М.: ВУ, 2014.
87. Жильцов С.С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. — 2019. — Т. 6. — № 2.
88. ЖКХ важнее Украины. 21.07.2016 [Электронный ресурс] // Газета.ru. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/21_a_9704009.shtml
89. Задохин А.Г. Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы / А.Г. Задохин // Обозреватель-Observer. — 2005. — №5.
90. Заключение на тему "соответствует ли конституционным принципам принятое Верховным Советом Автономной Республики Крым в Украине решение об организации референдума о вхождении в состав Российской Федерации или восстановлении Конституции Крыма 1992 года", принятое Венецианской комиссией на ее98-я пленарная сессия (Венеция, 21-22 марта 2014 г.) [Электронный ресурс] // Венецианская комиссия. — Режим доступа: www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e
91. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 03.04.1990 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1737
92. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях / Д.Н. Замятин. — М., 2004.
93. Запарий Ю.В. Миротворческие операции ООН: эволюция концепции и ее реализация (середина 40-х - начало 70-х г.г. XX в.) / Ю.В. Запарий. — Екатеринбург, 2005.

94. Ивашов Л.Г. Россия и мир в новом тысячелетии / Л.Г. Ивашов. — М.: Палея-Мишин, 2012.
95. Игра в нефть // Коммерсантъ Власть. — 2015. — 9 февраля. — №5.
96. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий» / Отв. ред. И.С. Семененко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
97. Исеев Д.Р. Цивилизационная идентичность: символический дискурс / Д.Р. Исеев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — №7(346).
98. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf
99. Как Европейская комиссия принимала решение по крымскому референдуму // Российская газета. — 2014. — 17 апреля.
100. Каламкарян Р.А., Галиев Р.С. Международно-правовая оценка принятия Республики Крым в состав Российской Федерации / Р.А. Каламкарян, Р.С. Галиев // Алтайский юридический вестник — 2015. — № 4 (12).
101. Капицын В.М. «Младороссийская идентичность»: Крым, 2014-2016 годы / В.М. Капицын // Вестник Пермского научного центра. — 2016. — №5.
102. Карпушин Е.С. Импортозамещение в России: результаты и перспективы развития / Е.С. Карпушин // Петербургский экономический журнал. — 2016. — № 2.
103. Карташкин В.А. Судьба Крыма и международное право /В.А. карташкин // Обозреватель-Observer. — 2015. — №10.
104. Кашаф Ш.Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического

сообщества России: крымский казус / Ш.Р. Кашаф // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2014. — №2.

105. Кирсанова Е.Г., Панкратов С.А. Воссоединение Крыма с Россией в контексте тенденций и противоречий развития современного политического процесса / Е.Г. Кирсанова, С.А. Панкратов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2016. — Т.21. — №6.
106. Киселев С.Г. Трансформация мировой геополитической модели: последствия для России / С.Г. Кисилев // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — №2(38).
107. Киселев С.Н. «Пять постулатов крымского регионализма»: двадцать лет спустя / С.Н. Киселев // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2019. — Т. 5(5). — Вып.1.
108. Киселев С.Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность / С.Н. Киселев // Учёные записки Таврического национального университета. Серия: География. — 2004. — Т. 17. — № 4.
109. Киселев С.Н., Киселева Н.В. Размышления о Крыме и геополитике / С.Н. Киселев, Н.В. Киселева. — Симферополь, 1994.
110. Климова Д.В., Обринская Е.К. Развитие национально-культурных автономий - необходимое условие формирования межнационального согласия (на примере Республики Крым) / Д.В. Климова, Е.К. Обринская // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). — № 2.
111. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек / Н.Г. Козин // Вопросы философии. 22.02.2011. [Сайт]. — Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=254&Itemid=1

112. Колбин А. Россия как пространство безопасности / А. Колбин // Россия в глобальной политике. 12.01.2022 [Сайт]. — Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/prostranstvo-bezopasnosti/
113. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы / И.В. Кондаков // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т.IV.
114. Коновалов В.С. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / В.С. Коновалов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. — 2003.
115. Коноплева А.А. Регулирование межэтнических взаимоотношений в Республике Крым в рамках профилактики развития экстремизма / А.А. Коноплева // Символ науки. — 2015. — №.11.
116. Конституция Автономной Республики Крым от 21 октября 1998 г: утв. Законом Украины от 23 декабря 1998 г. // Відомості Верховної Ради України. — 1999. — № 5-6.
117. Конституция Республики Крым: принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г. [Электронный ресурс] // Гарант. — Режим доступа: http://constitution.garant.ru/region/cons_krim/
118. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001
119. Конституция Украины от 26.06.1996 р. — К.,1996.
120. Конуров А.И. Территориальные аспекты военной безопасности государства (философско-политологический анализ): Автореф. дис. ..канд. филос. наук / А.И. Конуров. — М., 2000.

121. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / Утв. Президентом РФ 14 ноября 2013г. N Пр-2685 [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/19653
122. Королева Л.Г. Культурно-цивилизационная идентичность России (история, сущность, перспективы) / Л.Г. Королева. — М., 2005.
123. Костина А.С. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы / А.С. Костина // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — №2.
124. Кошкин А.П., Черданцев В.В. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово / А.П. Кошкин, В.В. Черданцев // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — №2.
125. Крымская идея: сб. ст. / Авт. –сост. С.Н. Кисилев. — Симферополь : Изд-во ООО «Антиква», 2019.
126. Крымский голос Эрдогана [Электронный ресурс] // Газета.ru. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/09/25_a_10214633.shtml
127. Кудлай А.А. Региональная социально-политическая безопасность как новая стратегия безопасности для Крымского полуострова / А.А. Кудлай // Психология. Социология. Педагогика. — 2016. — № 1 (50).
128. Кузнецова Г.В., Цедилин Л.И. Импортозамещение: предварительные результаты политики за пять лет / Г.В. Кузнцова, Л.И. Цедилин // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — №10.
129. Кузничевский В.Д. Крым и Русский мир. Духовное единение или воссоздание Советского Союза? [Электронный ресурс] / В.Д. Кузничевский // ПолитИнформация. — Режим доступа: https://politinform.su/2312-krym-i-russkiy-mir-duhovnoe-edinenie-ili-vossozdanie-sovetskogo-soyuza.html
130. Кукурудза И.И. Европейская экономическая интеграция Украины: необходимость и возможные последствия / И.И. Кукурудза // Вестник экономической науки Украины. — 2015. — №2.

131. Кульпин Э.С. Феномен Крыма с позиций социоестественной истории / Э.С. Кульпин // История и современность. — 2014. — №1.
132. Курилюк Ю.Е., Семеновский И.Д. Правовой аспект вхождения Крыма и Севастополя в состав России /Ю.Е. Курилюк // Научные записки молодых исследователей. — 2014. — №2.
133. Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Политические исследования. — 2014. — №5.
134. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. — М., 2003.
135. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
136. Макаренков Е.В. Военно-политическое решение: подготовка, принятие, проблемы реализации / Е.В. Макаренков. — М.: ВУ, 2013.
137. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер // Полис. — 1995. — № 5; № 10.
138. Мальгин А. Крымский узел. Очерки политической истории крымского полуострова. 1989-1999 / А. Мальгин. — Симферополь, 2000.
139. Мальгин А.В. Крымское сообщество: между прошлым и будущим [Электронный ресурс] / А. В. Мальгин // Глобалтека. — Режим доступа: http://globalteka.ru/articles/doc_ details/3802------.html
140. Мальгин А.В. Присоединение Крыма к России в свете мотивов имперской экспансии / А.В. Мальгин // История и современность. — 2013. — №1.
141. Маркедонов С.М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / С.М. Маркедонов // Постсоветские исследования. — 2019. — Т.2. — №2.
142. Маслов А.А. Цивилизационная идентичность российского общества: Социально-философские аспекты: дис. …канд. философ. Наук / А.А. Маслов. — М.: РАГС, 2005.

143. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // United Nations, Treaty Series. — Vol. 999. — P. 225–240.
144. Милецкий В.П. Реинтеграция Крыма в социально-экономическое пространство России в контексте современных политических мегатрендов / В.П. Милецкий // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2015.
145. Минобороны назвало сроки модернизации базы МВФ в Севастополе. 28 августа 2017 г. [Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59a3d90a9a794703beac7a15
146. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир / Г. Моргентау // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред и коммент. П..А. Цыганкова. — М.: Гардарики, 2002.
147. Морозов И.Л. Геополитическая безопасность современной России / И.Л. Морозов // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 8.
148. Най Дж. Мягкая сила: как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. — New York: Public Affairs Group, 2004.
149. Нарочницкая Н.А. Крым в исторической судьбе России / Н.А. Нарочницкая // Перспективы. Электронный журнал. — 2019. — №2.
150. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. — М., 2002.
151. Неменский О.Б. Русский мир и русская земля: территориальный аспект русской идентичности / О.Б. Неменский // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
152. Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья / В.Д. Нечаев, И.А. Чихарев, А.А. Ирхин, Д.В. Маковская // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2019. — №1.

153. Никифоров А. Политические перспективы Крымской весны: взгляд с дистанции пяти лет 18.03.2019. / А. Никифоров // Russkie.org [Сайт]. — Режим доступа: https://russkie.org/articles/politicheskie-perspektivy-krymskoy-vesny-vzglyad-s-distantsii-pyati-let/
154. Никифоров А.Р. Крымское региональное сообщество в трёх проекциях и измерениях / А.Р. Никифоров // Вестник СевНТУ. — 2012. — №136.
155. Никифорова В.А. О некоторых последствиях подписания Соглашения об ассоциации с ЕС для металлургии Украины / В.А. Никифорова // Экономика промышленности. — 2013. — № 3 (63).
156. Обращение Президента Российской Федерации 18.03.2014 [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://kremlin.ru/events/ president/transcripts/speeches/20603
157. Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А. Прохожева. — М.: Издательство РАГС, 2002.
158. Ожегова Л.А., Сикач К.Ю., Ожегов А.Ю. Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия / Л.А. Ожегова, К.Ю. Сикач, А.Ю. Ожегов // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2018. — Том 4 (14). — Вып. 4.
159. Опрос: 76% украинцев считает себя патриотами. 17 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. — Режим доступа: http://korrespondent.net/ukraine/events/1139167
160. Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе. 30 сентября 2008. [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. — Режим доступа: korrespondent.net/Ukraine/politics/600886
161. Отставнова Е.А. Полуостров Крым и национальные интересы России / Е.А. Отставнова // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 3-7.
162. Панарин А.С. Православная цивилизация / А.С. Панарин. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.

163. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе / А.С. Панарин. — М.: ИФРАН, 1995.
164. Пантелеев С.Ю. Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы / С.Ю. Пантелеев // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009. С. 8-16.
165. Пастухов, В. Крестный поход // Новая газета. — 2014. — 25 марта.
166. Пашковский П.И. Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991-2014 гг.): ретроспективный анализ / П.И. Пашковский // Научные ведомости. Серия «История. Политология». — 2019. — Т. 46. — № 2.
167. Петров В.П. Геополитическое значение Крыма / В.П. Петров // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2018. — Т.20. — №1.
168. Политическая идентичность и политика идентичности. Т.1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. — М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
169. Политическая идентичность и политика идентичности. Т.2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. / Отв. ред. И.С. Семененко. — М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
170. Поздняков А.И. Основы теории национальной безопасности. Курс лекций Лекция 1. Концептуальные основы национальной безопасности России / А.И. Поздняков // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2013. — Т.2. — Вып.1.
171. Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности / А.И. Поздняков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — №21(210).
172. Поздняков Э.А. Геополитика / Э.А. Поздняков. — М.: Международные отношения, 2011.

173. Попков Ю.В. Цивилизационная миссия этнокультурного разнообразия и проблемы его институциональной поддержки в России / Ю.В. Попков // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. — Вып. 17. — Ч.1. — М.: ИНИОН РАН, 2022.
174. Попов М.Ю., Карепова С.Г., Некрасов С.В. Исторический и современный контекст интеграции Крыма в Российскую Федерацию: планы и перспективы / М.Ю. Попов, С.Г. Карепова, С.В. Некрасов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т.4 (70). — № S2.
175. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества / О.В. Попова. — СПб.: Изд-во СПБГУ, 2002.
176. Портная Н.О. Стратегические направления развития морских портов России / Н.О. Портная // Вестник Государственного университета морского и речного флота им. Адмирала С.О. Макарова. — 2009, — Вып.3.
177. Постановление «О независимости Крыма» от 17 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Гарант. — Режим доступа: http://base.garant.ru/23700012/
178. Постановление Государственного Совета Республики Крым «О независимости Крыма» от 17.03.2018. [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым. — Режим доступа: http://crimea.gov.ru/act/11748
179. Постановление Конституционного Суда России от 19.03.2014 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» [Электронный ресурс] // Гарант. — Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70515182/

180. Потемкина О.Ю. Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы / О.Ю. Потемкина. — М., 2002.
181. Права человека и межнациональные отношения. — М., РАН. Ин-т гос. и права, 1994.
182. Прохожев А.А. Национальная безопасность: теория, сущность, проблемы / А.А. Прохожев. — М.: Изд-во РАГС. 2005.
183. Прохожев А.А. Новые подходы к безопасности в связи с современными концепциями развития / А.А. Прохожев // Среднерусский вестник общественных наук. — 2007. — №1(2).
184. Путин внес в СФ обращение об использовании войск на территории Украины [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: https://tass.ru/politika/1013802
185. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Правительство РФ. — Режим доступа: http://government.ru/docs/35733/
186. Резолюция ГА ООН № 3314 (XXIX)
187. Резолюция ГА ООН № 68/262.
188. Резолюция ГА ООН №1513 (XV).
189. Резолюция ГА ООН №2625 (XXV).
190. Резолюция ГА ООН №47/135.
191. Резолюции ГА ООН № 74/17.
192. Резолюции ГА ООН № 75/29.
193. Резолюции ГА ООН №71/205.
194. Резолюции ГА ООН № 72/190.
195. Резолюции ГА ООН № 73/263.
196. Резолюции ГА ООН № 74/168.
197. Резолюция ГА ООН по Крыму выражает мнение меньшинства // Взгляд. —2017. — 20 декабря.

198. Рогов И.И. Украинский кризис: предварительные замечания по интеграции АР Крым в состав Российской Федерации / И.И. Рогов // Электронный вестник Ростовской социально-экономического института. — 2014. — Вып.1 (январь-март).
199. Романовский Г.Б. Итоги воссоединения Крыма с Россией: правовые вопросы / Г.Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2016. — Т. 4. — № 3.
200. Российская гражданская и цивилизационная идентичность: теоретические подходы, экспертиза и механизмы формирования: сборник материалов регионального научно-методического семинара (г. Ставрополь, 23 октября 2019 г.). — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019.
201. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. — Вып. 17. — Ч.1. Разд. Национальная и цивилизационная идентичность. — М.: ИНИОН РАН, 2022.
202. Русско-турецкие войны 1676—1918 / Под общ. ред. А.Е. Тараса. — М., 2000.
203. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. — М.: Аграф, 1997.
204. Сараф М.Я. Социокультурные аспекты интеграции Крыма в Россию / М.Я. Сараф // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2015.
205. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. — 2010. — №3.
206. Семененко И.С., Фадеева Л.А., Самаркина И.В. Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / И.С. Семененко, Л.А. Фадеева, И.В. Самаркина. — М.: Изд-во «Весь мир», 2017.
207. Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии / В.П. Семенов-Тян-Шанский. — Пг., 1915.

208. Сенченко Н.А. Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма / Н.А. Сенченко // Общество: социология, психология, педагогика. — 2020. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-markery-grazhdanskoy-identichnosti-zhiteley-kryma/viewer
209. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора / Т.А. Сенюшкина // Проблема суверенности современной России : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. — М. : Наука и политика, 2014.
210. Современная политическая наука. Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гоман-Голутвина, А.И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2020.
211. Сокуров С.А. Прорусское и пророссийское на Украине / С.А. Сакуров // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
212. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991-2014) : дис. ... канд. полит. наук / Д.В. Сосновский. — М., 2014.
213. Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора. Утверждена Главами Государств и Правительств в Лиссабоне 19 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора. — Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm
214. Стрежнева М.В. ЕС: пространство безопасности и правопорядка / М.В. Стрежнева // Современная Европа. — 2003.
215. Тамбиянц Ю.Г. Проблематика интеграции Крыма и России в свете цивилизационного подхода / Ю.Г. Тамбиянц // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т. 4(70). — № S2.

216. Тимофеев Е.В. Новые аспекты права наций на самоопределение / Е.В. Тимофеев // Московский журнал международного права. — 1993. — №4.
217. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001.
218. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — М.: Рольф, 2002.
219. Тойнби А.Дж., Хантингтон С. Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации — М.: Алгоритм, 2016.
220. Токарев А. А. Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России / А.А. Токарев // Вестник МГИМО. История. — 2015. — Вып. 5.
221. Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2014. — №5.
222. Торопыгин А.В. Общее пространство безопасности СНГ: специфика и основные направления формирования: Автореф. дис. …д-ра. полит. наук / А.В. Торопыгин. — СПб, 2008.
223. Узлов Ю.А. Интеграция Крыма и Кавказа в геокультурное пространство России (XVII-XIX вв.) / Ю.А. Узлов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014.
224. Указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015-2018 годы. — Симферополь, 2015.
225. Указ Президента России от 17.03.2014 №147 «О признании Республики Крым» [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38202
226. Указ Президента России от 31.03.2014 №190 «О Министерстве Российской Федерации по делам Крыма» [Электронный ресурс] //

Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38250

227. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 2 июля 2021 г. N 400. Собрание законодательства Российской Федерации. Изд. «Юридическая литература». — 5 июля 2021 г. —Часть II. — Ст. 5351.
228. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 31 декабря 2015 г. N 683. Собрание законодательства Российской Федерации. Изд. «Юридическая литература». — 18 мая 2009 г. — № 20. — Ст. 2444.
229. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» от 21 апреля 2000 года. Пр-706. — М.: МИД РФ, 2000.
230. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации. 25 декабря 2014 года. Пр-2976. // Российская газета. — 2014. — 30 декабря. — № 6570.
231. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 30 ноября 2016 г. № 640. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. — № 49. — Ст. 6886.
232. Указ Президента Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1
233. Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782

234. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года N 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106
235. Указ Президента Российской Федерации от 6.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843
236. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 5 декабря 2016 г. № 646. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. — № 50. — Ст. 7074.
237. Указ Президента Украины от 26 мая 2015 г. № 287/2015 О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 6 мая 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Украины» [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины. — Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015#Text
238. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» [Электронный ресурс] // Гарант. — Режим доступа: http://base.garant.ru/185534/
239. Усов С.А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (историко-политологический анализ) : дис. ... д-ра полит. наук:23.00.02 / С.А. Усов. — М., 2003.
240. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. — Т. 1. — М.:

Московский независимый институт международного права, 1996. — С.7- 33.

241. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. — М.: Эксмо, 2002.

242. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_goroda_federalnogo_znacheniya_sevastopolya/federalnaya_celevaya_programma_socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_do_2022_goda/

243. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Принят Государственной Думой 7 декабря 2010 г. // Российская газета. — 2010. — 29 декабря. — № 295.

244. Федеральный закон от 21.03.2014 г. № 36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38219

245. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями): принят Государственной Думой 20 июня 2014 г. // Российская газета. — 2014. — 3 июля. — № 146.

246. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001г. №6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17637

247. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность / Ю. Хабермас // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. С. 208-245.
248. Харитонова Н. И. Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта / Н.И. Харитонова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2019. — Т. 9. — №1(30).
249. Харитонова Н.И. Возможные последствия подписания соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом / Н.И. Харитонова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2014. — №43.
250. Харитонова Н.И. Концептуализация внешней политики современной России в контексте конституционной реформы / Н.И. Харитонова // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты. Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.). Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. – Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. — С. 26-28.
251. Харитонова Н.И. Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. / Н.И. Харитонова — М., 2019.
252. Харитонова Н.И. Непризнанные государства: «спорная субъектность» как вызов международной безопасности / Н.И. Харитонова // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. – Т. 12. — № 2.
253. Харитонова Н.И. Перспективы урегулирования приднестровского конфликта в контексте европейского вектора развития Молдовы / Н.И. Харитонова // Вестник Поволжского института управления. — 2019. — Т. 19. — №1.

254. Харитонова Н.И. Русская идентичность – этническая или гражданская? / Н.И. Харитонова // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
255. Харитонова Н.И. Специфика переговорного процесса по политическому урегулированию приднестровского конфликта в контексте украинского кризиса (2014-2018 гг.) / Н.И. Харитонова // Среднерусский вестник общественных наук. — 2019. — Т. 14. — № 2.
256. Хартия об особом партнёрстве между Организацией Североатлантического Договора и Украиной. 9 июля 1997 г. [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора. — Режим доступа:: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm
257. Хачатурян В.М. Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности / В.М. Хачатурян // Вопросы социальной теории: науч. альм. 2010. Т. IV. С. 218-240.
258. Цыкунов Г.А. Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации / Г.А. Цыкунов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т.25. — №3.
259. Цымбурский В.Л. Идентичность цивилизационная / В.Л. Цымбурский. — Новая философская энциклопедия. В 4 т. — М.: Мысль. 2001. — Т. 2.
260. Чаевич А.В. Геополитические факторы и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации: Автореф. дис. ...канд. филос. наук / А.В. Чаевич. — М., 2000.
261. Чебан В.В. Геополитическое положение и военная безопасность России / В.В. Чебан. — М.: Фонд «Воин», 2013.
262. Чебан В.В. Геополитическое положение и военная политика России / В.В. Чебан. — М.: 2001.

263. Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) / С.В. Черниченко // Московский журнал международного права. — 1996. — № 4.
264. Шамин И.В. Своеобразие «американского варианта» концептуальной модели ведения борьбы между государствами «стратегия непрямых геополитических действий» /И.В. Шамин // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2010. — №6.
265. Шарапов А.К. Характеристика отдельных геополитических технологий, применяемых в современном геополитическом процессе / А.К. Шарапов // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2015. — № 27 (75).
266. Швец А.Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья / А.Б. Швец // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2018. — Т. 4 (14). — Вып. 2.
267. Шевченко А.В. Электронная геополитика против теории Х. Маккиндера / А.В. Шевченко // Управление безопасностью информационных процессов: учебно-методическое пособие. — М.: РАГС, 2009.
268. Шершнев Л.И. Русская идентичность: цивилизационное измерение / Л.И. Шершнев // Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. — М., 2009.
269. Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт / Пер. с немецкого Ю. Ю. Коринца. — М.: Праксис, 2007.
270. Эйвазов Дж. Россия в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность / Дж. Эйвазов // Кавказ и глобализация. — 2009. — Т.3. — Вып. 1.
271. Юрченко В.М., Юрченко И.В. Информационная безопасность России в Черноморском регионе / В.М. Юрченко // Власть. — 2009. — №4.

272. Юрченко И.В. Проблемы противодействия угрозам социокультурного и идеологического экстремизма в процессе реинтеграции Крыма в российское социально-экономическое пространство / И.В. Юрченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т. 4(70). — №S2.
273. Яковлев А.Н. Внешние риски развития социокультурной конфликтности в Крыму / А.Н. Яковлев // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2018. — Т. 4 (14). — Вып. 3.
274. Меморандум про взаєморозуміння між МЗС України, Грузії та Молдови щодо започаткування посиленого співробітництва з питань європейської інтеграції – Асоційованого Тріо [Электронный ресурс] // МИД Украины. — Режим доступа: https://mfa.gov.ua/news/memorandum-pro-vzayemorozuminnya-mizh-mzs-ukrayini-gruziyi-ta-moldovi-shchodo-zapochatkuvannya-posilenogo-spivrobitnictva-z-pitan-yevropejskoyi-integraciyi-asocijovanogo-trio.
275. Спільна декларація Учасників Міжнародної Кримської платформи [Электронный ресурс] // Кримська платформа. — Режим доступа: https://crimea-platform.org/samit/deklaraciya
276. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundation, Development, Applications / L. Bertalanffy. — NY.: Braziller, 1968.
277. Boulding K. Conflict and Defense. A General Theory. N.Y., 1961.
278. Chayiska M., Minesku A., McGarty C. Political solidarity trough action (and inaction): how international relations changed intracultural perceptions in Ukraine / M. Chayiska, A. Minesku, C. McGarty // Group processes and intergroup relations. — 2017. — Vol. 20. — №3. P. — 396-408.
279. Easton D.A. Political System / D.A. Easton. — NY., 1971.
280. Easton D. The Analysis of Political Structure / D.A. Easton. — NY.: Routledge, 1990.

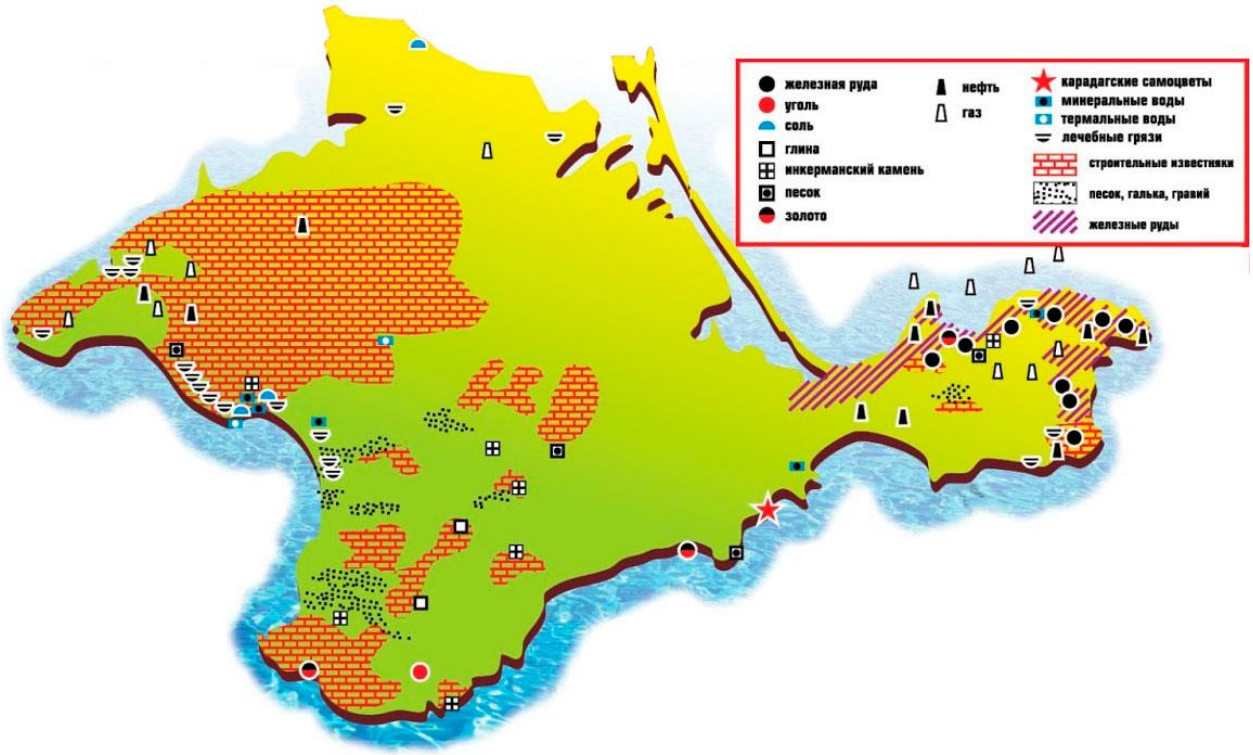
281. Erikson E.H. Identity, Youth and Crisis / E.H. Erikson. — New York : W.W. Norton & Company, 1968.
282. Giddens A. Modernity and Self – Identity / A. Giddens. — Stanford, 1991.
283. Gide F. Geopolitical analysis of the Crimean peninsula and the Black Sea in the context of Turkish-Russian energy policy / F. Gide // Управленческое консультирование. — 2020. — №2.
284. Gotz, E. It's Geopolitics, Stupid: Explaining Russia's Ukraine Policy / E. Gotz // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2016. — Т. 9. — №.4.
285. Griban I.V., Popp I.A., Tagiltseva N.G., Korobitsyna L.V. Historical memory as a basis of civil identity of Russian youth / I.V. Griban, I.A. Popp, N.G. Tagiltseva, L.V.Korobitsyna // The European proceedings of social & behavioural sciences EPSPB. Yekaterinburg: Future Academy. — 2019. — P. 1162-1168.
286. Hogan J.P. Cultural identity, pluralism and globalization / J.P. Hogan. — Vol.2 Global ethics and religions pluralism. — Washington, 2005.
287. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S.P. Huntington. London [etc.] : Touchstone books, 1998. — 367 с.
288. Kuzio T. Nationalism, Identity and Civil Society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution'. Communist and Post-Communist Studies / T. Kuzio. — 2010. — Vol. 43. — №.3. — P. 290-299.
289. Mahan A.T. The Influence of Sea Power on History, 1660-1783 / A.T. Mahan. — 1890.
290. Mearsheimer J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault. The liberal delusions that provoked Putin / J.J. Mearsheimer // Foreign Affairs. — 2014. — No. 93(5).
291. Overextending and Unbalancing Russia // RAND Corporation [Official site] https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.
292. Parsons T. Politics and Social Structure / T. Pardons. — NY., — L.,1969.

293. Smith A.D. National Identity. Ethnonationalism in Perspective / A.D. Smith. — Reno: Uneversity of Nevada Press, 1991.
294. Social Theory and Politics of Identity / Ed. by C. Calhoun. — Cambridge MA: Wiley-Blackwell.1994.
295. Tilly Ch. Political Identities in Changing Polities / Ch. Tilly // Social Research. — 2003. — Vol. 70. — No 2.
296. Tilly Ch. Stories, Identities, and political Change / Ch. Tilly. — Lonham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002.
297. Qualls K.D. Manufacturing Local Identification behind the Iron Curtain in Sevastopol, Ukraine after World War II [Электронный ресурс] / K.D. Qualls // In Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World. Ed. by M. Beyen and B. Deseure, Houndsmill: Palgrave Macmillan. — 2015. — P. 94-114.
298. Merkel R. Die Krim und das Völkerrecht: Kühle Ironie der Geschichte / R. Merkel // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 08.04.2014. — URL: faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/die-krim-und-das-voelkerrecht-kuehle-ironie-der-geschichte-12884464.html
299. Schmitt C. Der Nomos der Erde im Volkerrecht des Jus Publicum Europaeum / C. Schmitt. — Berlin, 1988.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Крым
Джанкой
Черноморское
п-ов Тарханкут
Оленевка
Окуневка
м. Тарханкут
Саки
Евпатория
Симферополь
Белогорск
Старый Крым
Щелкино
м. Казантип
Аджимушкай
Керчь
Аршинцево
Героевское
Керченский п-ов
Приморский
Береговое
Феодосия
Коктебель
Орджоникидзе
Кара-Даг
Курортное
Судак
Новый Свет
Песчаное
Перевальное
Бахчисарай
Генеральское
Рыбачье
Малореченское
Солнечногорское
Севастополь
Малый Мзяк
Алушта
Никита
Партенит
Ялта
Гурзуф
Балаклава
Кореиз
Массандра
Ливадия
Форос
Санаторное
Гаспра
Береговое
Симеиз
Алупка

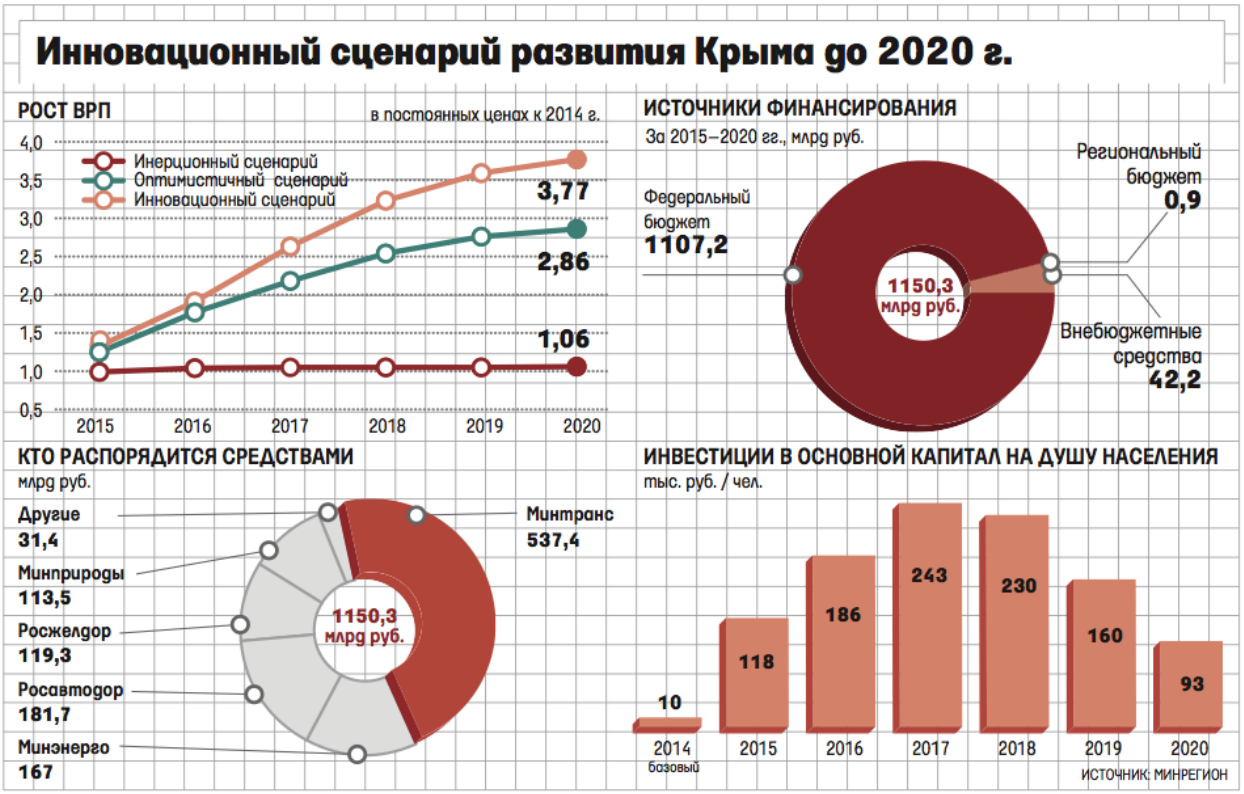
UKRAINE
RUSSIA
UKRAINE
Kiev
Kharkiv
Odessa
Donetsk
CRIMEA
Armyansk
Strilkove
Black Sea
Sea of Azov
CRIMEA
Kerch
Gvardeyskaya airbase
Yevpatoria
Feodosia
RUSSIA
Simferopol airport
Simferopol
Perevalnoye
Kacha airbase
Belbek military airport
Sevastopol
Balaklava
Black Sea
50 km

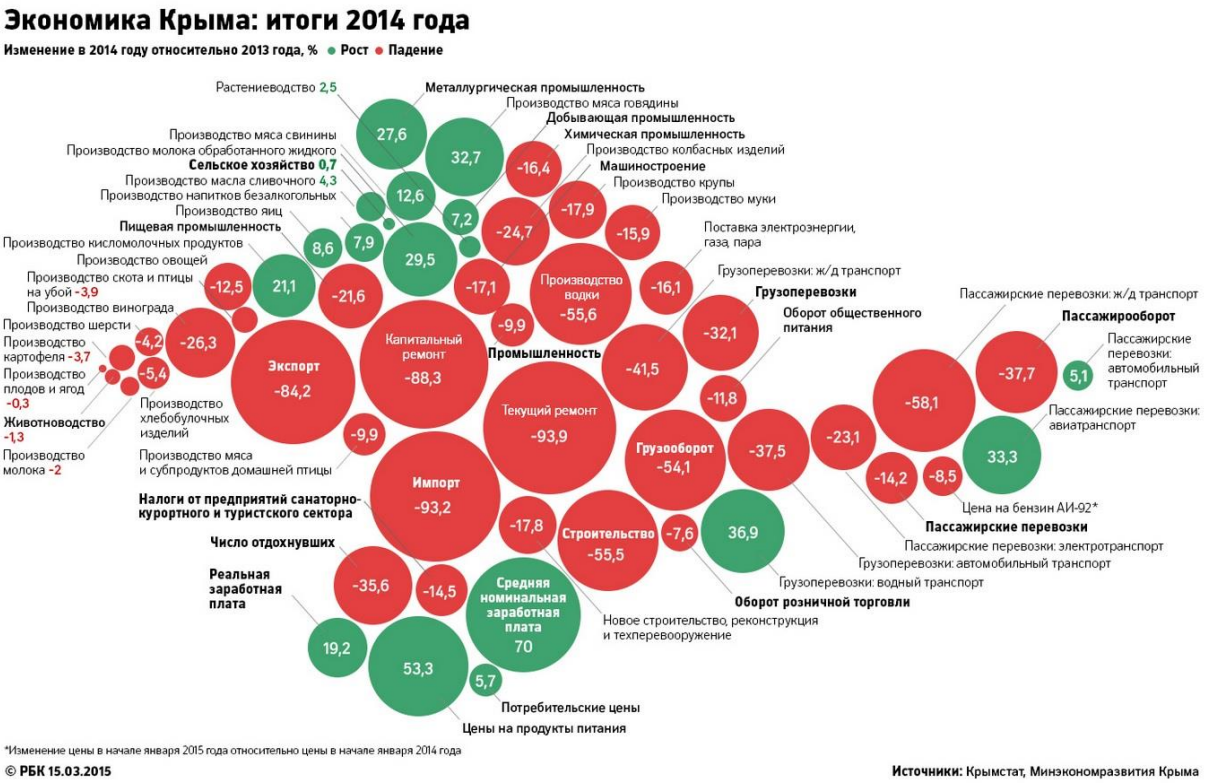

железная руда
уголь
соль
глина
инкерманский камень
песок
золото
нефть
газ
карадагские самоцветы
минеральные воды
термальные воды
лечебные грязи
строительные известняки
песок, галька, гравий
железные руды

Достояние Республики Крым
ТЕРРИТОРИЯ
Площадь Крыма
26 081 кв. км
НАСЕЛЕНИЕ
Население автономной республики составляет
1 млн. 959 тыс. человек
Городское население
1 млн. 219 тыс.
62%
Сельское население
740 тыс.
38%
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
На территории автономии проживает свыше 125 национальностей и народностей.
Русские
58,5%
Украинцы
24,3%
Крымские татары
12,1%
Армяне
1,1%
Белорусы
1,4%
2,6%
Другие
По данным Госстата Украины на 1 ноября 2013 года.
УКРАИНА
Герб АР Крым
Автономная Республика Крым
Джанкой
Черноморское
Новоозерное
Петровка
Евпатория
Саки
Октябрьское
Административный центр автономии
Симферополь
Кировское
Феодосия
Керчь
Судак
Алушта
Ялта
Севастополь
База Черноморского флота РФ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
РОССИЯ
ЭКОНОМИКА
Сельское хозяйство
10%
Другое
14%
Промышленность
16%
60%
Сектор услуг
Валовый региональный продукт..... $4,3 млрд.
Доля в ВВП Украины..... 3%
Экспорт..... $849,3 млн.
Импорт..... $1 млрд. 66 млн.
Безработица..... 1,4%
ВИНОГРАДАРСТВО
Предприятий винодельческой промышленности....38
Производственная мощность...264 тыс. тонн винограда в год
Общая площадь виноградников....3 тыс. га
Крупнейшие винзаводы:
Инкерманский завод марочных вин
«Коктебель»
«Массандра»
«Новый Свет»
ТУРИЗМ
Аэропорты
Популярные места отдыха
В 2013 году Крым посетили 6 млн. туристов
На территории автономии расположены 233 гостиницы и 562 санатория
Графика: Алексей СТЕФАНОВ.

АПРЕЛЬ 2014
КРЫМ И СЕВАСТОПОЛЬ
как инвестпроект
ВО СКОЛЬКО ОБОЙДЕТСЯ БЮДЖЕТУ ПОЛНОЦЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ДВУХ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
6,9 МЛРД РУБ.
ОБЪЕМ НАЛОГОВ И СБОРОВ С ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В 2013 ГОДУ, ВКЛЮЧАЯ ТАМОЖЕННЫЕ ПЛАТЕЖИ (В ПЕРЕСЧЕТЕ С ГРИВЕН)
9,9 МЛРД РУБ.
ТРАНСФЕРЫ ИЗ ГОСБЮДЖЕТА УКРАИНЫ В БЮДЖЕТ КРЫМА, ПЛАНИРОВАВШИЕСЯ В 2013 ГОДУ
ПОСТОЯННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА 01.02.2014
1 958 046 ЧЕЛ.
(СЛУЖБА СТАТИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПО ПЕРЕПИСИ 2001 ГОДА:
РУССКИЕ 58,32%
УКРАИНЦЫ 24,32%
КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ 12,1%
БЕЛОРУСЫ 1,44%
ТАТАРЫ 0,54%
АРМЯНЕ 0,43%
ЕВРЕИ 0,22%
$4,8 МЛРД
ВАЛОВЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ КРЫМА В 2011 ГОДУ (СЛУЖБА СТАТИСТИКИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)
КРАСНОПЕРЕКОПСК
ДЖАНКОЙ
ГАЗОПРОВОДЫ
ВОДОПРОВОДЫ
ЕВПАТОРИЯ
СИМФЕРОПОЛЬ
БАХЧИСАРАЙ
АЛУШТА
СЕВАСТОПОЛЬ
ЯЛТА
ФЕОДОСИЯ
СУДАК
КЕРЧЬ
РЕСУРСНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
2 КУБ. КМ
ГОДОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ВОДЕ. 85% ВОДЫ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ
ИСТОЧНИКИ ВОДОСНАБЖЕНИЯ
45% (2,0 КУБ. КМ) ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ
55% (1,1 КУБ. КМ) СЕВЕРО-КРЫМСКИЙ КАНАЛ
1,7-2,0 МЛРД КУБ. М
ГОДОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ КРЫМА В ГАЗЕ
1,05 МЛРД КУБ. М
ОБЪЕМ ГАЗА, ДОБЫТОГО «ЧЕРНОМОРНЕФТЕГАЗОМ» В 2013 ГОДУ
5,9 МЛН ЧЕЛ.
ОБЪЕМ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТОКА В 2013 ГОДУ
СТРУКТУРА ТУРПОТОКА
51,2% ЖИТЕЛИ УКРАИНЫ
40,2% ЖИТЕЛИ РФ
8,1% СНГ И ДАЛЬНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
СОЦИАЛЬНЫЙ ПАКЕТ
36 МЛРД РУБ. В ГОД
РАСХОДЫ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ КРЫМА (МИНИСТЕРСТВО ТРУДА И СОЦЗАЩИТЫ РФ)
до 80 МЛРД РУБ. В ГОД
РАСХОДЫ ПРИ УВЕЛИЧЕНИИ РАЗМЕРА ПЕНСИЙ КРЫМЧАН ДО СРЕДНЕГО УРОВНЯ ПО РФ
ТЕКУЩИЕ ПЕНСИИ КРЫМЧАН В ПЕРЕСЧЕТЕ С ГРИВЕН 6 200 РУБ. В СЕВАСТОПОЛЕ 5 500 РУБ. В СРЕДНЕМ ПО КРЫМУ
677 ТЫС.
КОЛИЧЕСТВО ПЕНСИОНЕРОВ НА ПОЛУОСТРОВЕ (МИНИСТР ТРУДА И СОЦЗАЩИТЫ РФ МАКСИМ ТОПИЛИН)
60 МЛРД РУБ.
СУММА, В КОТОРУЮ ОБОЙДЕТСЯ ОБЕЩАННОЕ РОССИЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ ПОВЫШЕНИЕ ЗАРПЛАТ БЮДЖЕТНИКОВ В КРЫМУ
СРЕДНЯЯ ЗАРПЛАТА В КРЫМУ 10 080 РУБ. В МЕС.(Я)
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАКЕТ
55 МЛРД РУБ.
ОБЩИЙ ДЕФИЦИТ БЮДЖЕТА СЕВАСТОПОЛЯ И КРЫМА В 2014 ГОДУ. ДЕФИЦИТ БУДЕТ ПОКРЫВАТЬСЯ В ТОМ ЧИСЛЕ ЗА СЧЕТ НЕРАСПРЕДЕЛЕННЫХ ДОХОДОВ БЮДЖЕТА РОССИИ — ТАК НАЗЫВАЕМОГО РЕЗЕРВА (МИНИСТР ФИНАНСОВ РФ АНТОН СИЛУАНОВ)
5 МЛРД РУБ.
НЕОБХОДИМЫЕ ДОТАЦИИ РФ НА ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ПЕРИОД (ДО СЕРЕДИНЫ МАЯ)
ВОЕННЫЙ ПАКЕТ
100 МЛРД РУБ.
ВЛОЖЕНИЯ В ВОЕННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ ПОЛУОСТРОВА (МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РФ)
ЧИСЛЕННОСТЬ ВС РФ В КРЫМУ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ УВЕЛИЧИТЬ ДО 30-40 ТЫС. ЧЕЛ. (СЕЙЧАС ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЧФ — 12 ТЫС.)
ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПАКЕТ
100 МЛРД РУБ.
ПОТРЕБУЕТ РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КРЫМА (МИНИСТР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ АЛЕКСЕЙ УЛЮКАЕВ)
СТОИМОСТЬ СТРОИТЕЛЬСТВА МОСТА ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ, КОТОРЫЙ СВЯЖЕТ ПОЛУОСТРОВ С МАТЕРИКОВОЙ РОССИЕЙ, — ОТ 50 МЛРД РУБ. (МИНИСТР ТРАНСПОРТА РФ МАКСИМ СОКОЛОВ) ДО 80 МЛРД РУБ. (НЕЗАВИСИМЫЕ ОЦЕНКИ)
6,5 МЛРД РУБ.
ПОТРЕБНОСТИ КРЫМА В ТЕКУЩЕМ РЕМОНТЕ АВТОДОРОГ (ВАЛЕНТИН ЗАВАРЗИНСКИЙ, НАЧАЛЬНИК СЛУЖБЫ АВТОДОРОГ КРЫМА)
60 МЛРД РУБ.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕТЫРЕХ МОРСКИХ ТОРГОВЫХ ПОРТОВ (ТПП РФ)
8,5 МЛРД РУБ.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕТЫРЕХ ГРАЖДАНСКИХ АЭРОПОРТОВ ПОЛУОСТРОВА (ТПП РФ)
1 МЛРД РУБ.
СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ (ТПП РФ)
18 МЛРД РУБ.
МИНИМАЛЬНЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ (ОЦЕНКИ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТОВ)
ОБЩИЙ ОБЪЕМ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИЗ БЮДЖЕТА РФ ТОЛЬКО ПО ПРИВЕДЕННЫМ СТАТЬЯМ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШИХ ПЯТИ ЛЕТ МОЖЕТ СОСТАВИТЬ
265 млрд руб. в год,
ТО ЕСТЬ ПРИМЕРНО 135,3 ТЫС. РУБЛЕЙ НА КАЖДОГО ЖИТЕЛЯ КРЫМА, ИЛИ 1 845 РУБ. С КАЖДОГО ЖИТЕЛЯ РОССИИ.
20 БИЗНЕС-ЖУРНАЛ АПРЕЛЬ 44 2014
БИЗНЕС-ЖУРНАЛ АПРЕЛЬ 44 2014 21

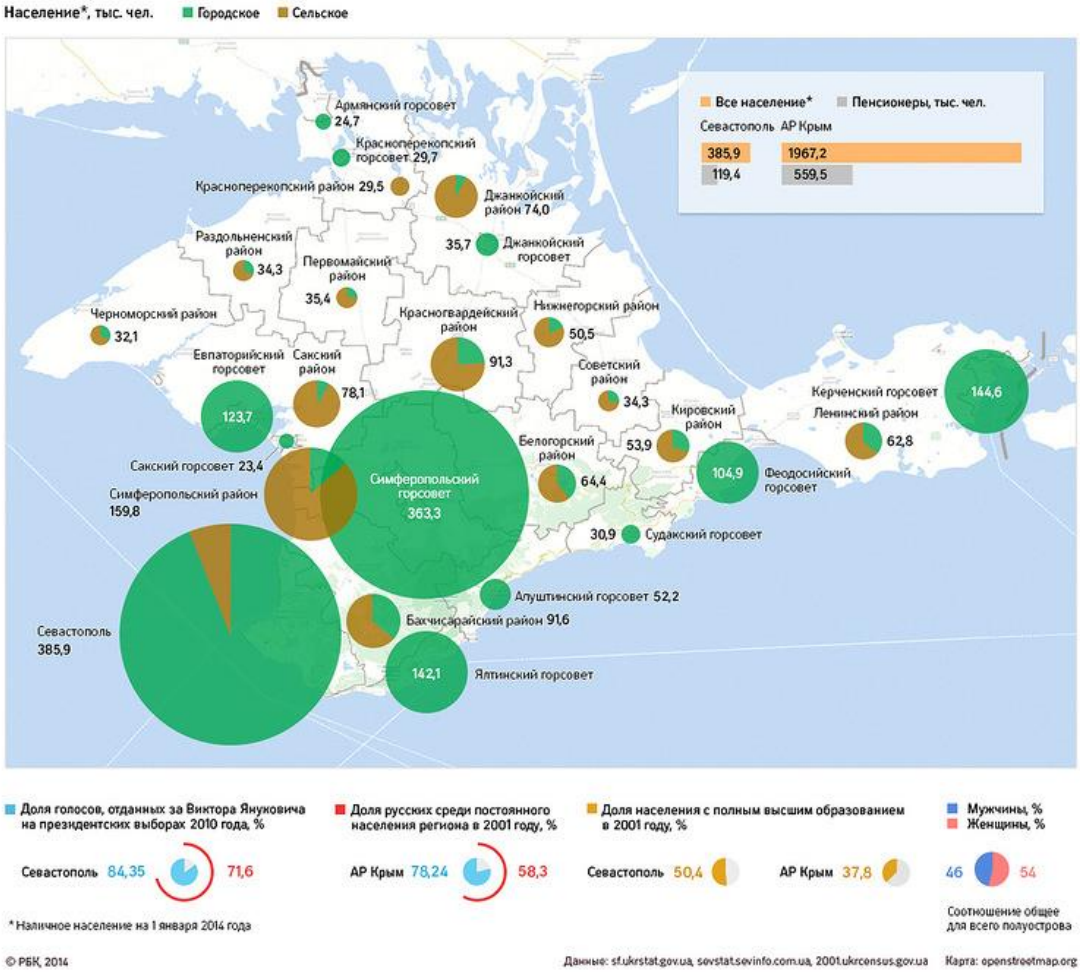
Инвестиции в Крым, 2013-2016 гг.
МЛН ДОЛЛ
2000
1931
784
697
324
1931
697
784
324
2013 г.
2014 г.
2015 г.
2016 г.
Крым.Реалии
Yevhenii Chak (RFE/RL)


Инновационный сценарий развития Крыма до 2020 г.
РОСТ ВРП
в постоянных ценах к 2014 г.
Инерционный сценарий
Оптимистичный сценарий
Инновационный сценарий
3,77
2,86
1,06
2015
2016
2017
2018
2019
2020
ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ
За 2015–2020 гг., млрд руб.
Федеральный бюджет 1107,2
Региональный бюджет 0,9
Внебюджетные средства 42,2
1150,3 млрд руб.
КТО РАСПОРЯДИТСЯ СРЕДСТВАМИ
млрд руб.
Другие 31,4
Минприроды 113,5
Росжелдор 119,3
Росавтодор 181,7
Минэнерго 167
Минтранс 537,4
1150,3 млрд руб.
ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
тыс. руб. / чел.
10
118
186
243
230
160
93
2014 базовый
2015
2016
2017
2018
2019
2020
ИСТОЧНИК: МИНРЕГИОН


Экономика Крыма: итоги 2014 года
Изменение в 2014 году относительно 2013 года, % Рост Падение
Растениеводство 2,5
Производство мяса свинины
Производство молока обработанного жидкого
Сельское хозяйство 0,7
Производство масла сливочного 4,3
Производство напитков безалкогольных
Производство яиц
Пищевая промышленность
Производство кисломолочных продуктов
Производство овощей
Производство скота и птицы на убой -3,9
Производство винограда
Производство шерсти
Производство картофеля -3,7
Производство плодов и ягод -0,3
Животноводство -1,3
Производство молока -2
Производство хлебобулочных изделий
Производство мяса и субпродуктов домашней птицы
Налоги от предприятий санаторно-курортного и туристского сектора
Число отдохнувших
Реальная заработная плата
Металлургическая промышленность
Производство мяса говядины
Добывающая промышленность
Химическая промышленность
Производство колбасных изделий
Машиностроение
Производство крупы
Производство муки
Поставка электроэнергии, газа, пара
Производство водки
Промышленность
Капитальный ремонт
Текущий ремонт
Экспорт
Импорт
Строительство
Средняя номинальная заработная плата
Новое строительство, реконструкция и техперевооружение
Потребительские цены
Цены на продукты питания
Грузоперевозки: ж/д транспорт
Грузоперевозки
Оборот общественного питания
Грузооборот
Грузоперевозки: водный транспорт
Оборот розничной торговли
Пассажирские перевозки: ж/д транспорт
Пассажирооборот
Пассажирские перевозки: автомобильный транспорт
Пассажирские перевозки: авиатранспорт
Цена на бензин АИ-92*
Пассажирские перевозки
Пассажирские перевозки: электротранспорт
Грузоперевозки: автомобильный транспорт
*Изменение цены в начале января 2015 года относительно цены в начале января 2014 года
© РБК 15.03.2015
Источники: Крымстат, Минэкономразвития Крыма

Кто голосовал в Крыму

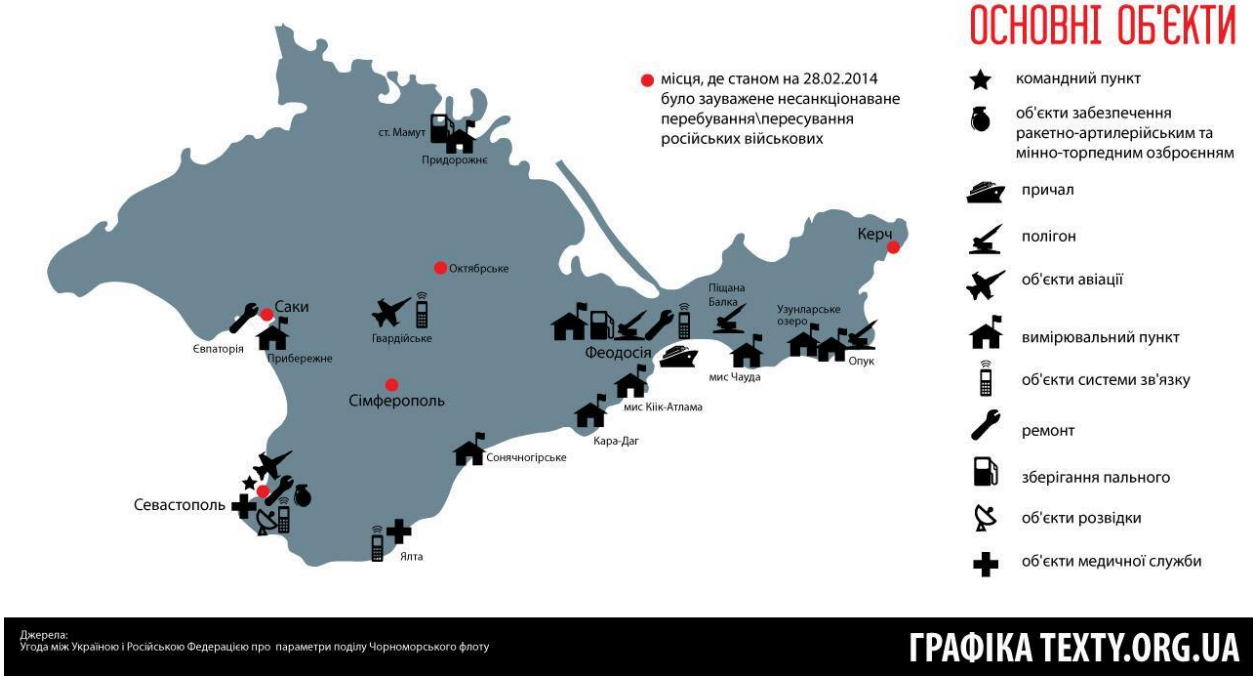
По предварительным данным крымского ЦИК, явка на референдуме составила 82,71%. За воссоединение автономии с Россией проголосовали более 95,7% крымчан. Кто эти люди?



ESTONIA
RIGA
LATVIA
DENMARK
KOBENHAVN
LITHUANIA
VILNIUS
MINSK
MOSKVA
POLAND
BELARUS
DUBLIN
AMSTERDAM
BERLIN
WARSAW
LONDON
BRUXELLES
PRAHA
KIEV
UKRAINE
PARIS
LUXEMBOURG
BRATISLAVA
FRANCE
VIENNA
BUDAPEST
BERN
KISHINEV
LJUBLJANA
ROMANIA
ZAGREB
BUCURESTI
BEOGRAD
SARAJEVO
SOFIYA
PODGORICA
SKOPJE
MADRID
ROMA
TIRANE
ISTANBUL
TBILISI
ANKARA
YEREVAN
BAKU
LISBOA
SPAIN
GREECE
ATHINAI
TURKEY
ALGIERS
TUNIS
NICOSIA
TEHRAN
RABAT
BEIRUT
DAMASCUS
BAGHDAD
TUNISIA
TRIPOLI
TEL AVIV-YAFO
AMMAN
IRAQ
CAIRO
AL KUWAYT
LIBYA
EGYPT
AR RIYAD
DOHA
ABU ZABY

ESTONIA
RIGA
LATVIA
DENMARK
KOBENHAVN
LITHUANIA
VILNIUS
MINSK
MOSKVA
POLAND
BELARUS
DUBLIN
AMSTERDAM
BERLIN
WARSAW
LONDON
BRUXELLES
PRAHA
KIEV
UKRAINE
PARIS
LUXEMBOURG
BRATISLAVA
FRANCE
VIENNA
BUDAPEST
BERN
KISHINEV
LJUBLJANA
ROMANIA
ZAGREB
BUCURESTI
BEOGRAD
SARAJEVO
SOFIYA
PODGORICA
SKOPJE
MADRID
ROMA
TIRANE
ISTANBUL
TBILISI
ANKARA
YEREVAN
BAKU
LISBOA
SPAIN
GREECE
ATHINAI
TURKEY
ALGIERS
TUNIS
NICOSIA
TEHRAN
RABAT
BEIRUT
DAMASCUS
BAGHDAD
TUNISIA
TRIPOLI
TEL AVIV-YAFO
AMMAN
IRAQ
CAIRO
AL KUWAYT
LIBYA
EGYPT
AR RIYAD
DOHA
ABU ZABY

РОСІЙСЬКИЙ ЧОРНОМОРСЬКИЙ ФЛОТ В КРИМУ



Джерела:
Угода між Україною і Російською Федерацією про параметри поділу Чорноморського флоту

ГРАФІКА TEXTY.ORG.UA

УКРАИНА
РОССИЯ
РУМЫНИЯ
БОЛГАРИЯ
ТУРЦИЯ
ГРУЗИЯ
4 дивизиона С-300
Миргород
Истребители Су-27 - 17
Штурмовики Су-25 – 36
Штурмовой авиаполк Су-25
Авиаполк истребителей Су-27
Вертолёты Ми-8, Ми-24, Ми-28, Ми-35, Ка-52
Бригада воздушно-космической обороны
Николаев
Очаков
Одесса
Приморско-Ахтарск
Кореновск
Крымск
Новороссийск
Кача
Севастополь
Бельбек
Балаклава
Михаил Когэлничану
Констанца
Безмер
Варна
Граф Игнатиево
Стамбул
Синоп
Самсун
Поти
Батуми
Сенаки
Телави
До 2000 военнослужащих НАТО
Собственные ВВС:
49 истребителей
23 ударных вертолёта
От 2500 до 5000 военнослужащих НАТО
Собственные ВВС:
120 боевых самолётов
Катера - 7
Вспомогательные суда - 4
Корабль управления - 1
Фрегат - 1
Большие десантные корабли - 8
Малые корабли, катера и корабли обеспечения - более 40
Большие противолодочные корабли - 2
Подводные лодки - 2 Сторожевики - 2 Крейсер - 1
Надводные корабли - 13
Подводная лодка - 1
Катера - 6
Боевые корабли - 24
Катера - 8
Тральщики - 20 Подводные лодки - 14
Боевые катера - 25 Десантные катера - 49
Сторожевики - 17
Корветы - 6
Катера - 2
Подготовил Сергей ОСИПОВ,
инфографика Марии ЛЕОНОВОЙ

Энергомост в Крым
ЭНЕРГОМОСТ В КРЫМ
Геополитическая ситуация меняется практически ежедневно.
Из – за инцидента с российским самолетом в Сирии переговоры по поводу «Турецкого потока» были остановлены.
«Благодаря» и вопреки «энергобло-каде Крыма» досрочно введена в действие линия энергомоста, соединяющего Кубань и Крым.

Палитра мнений о российской геополитике в Крыму (в цитатах):

Маша Гессен, российско-американская журналистка, автор книги «Человек без лица: невероятное восхождение Владимира Путина» (The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin): «Путин намерен спасти мир от Запада. Начал он с Крыма. Когда он говорит, что защищает русских на Украине, он имеет в виду, что защищает их от многочисленных ужасных вещей, которые идут с Запада. <...> Именно эта миссия, а не просто желание откусить кусок соседней страны, является движущей силой в новой войне Путина. Именно поэтому так сильна поддержка российского общества» (Гессен, М. Россия становится лидером антизападного мира (The Washington Post, США). Портал тоСМИ.Ли. 31 марта 2014. URL: http://inosmi.ru/russia/20140331/219140257.html#ixzz2xuBV39wH.).

Владимир Пастухов, доктор политических наук (St. Antony College, Оксфорд): «Лидеры Старого и Нового Света не понимают, что произошло. Конфликт лишь поверхностно связан с Украиной и тем более с Крымом. Это всего лишь повод. Война объявлена не Украине, а Западу, его политике, идеологии, его жизненному укладу, его ценностям и образу мыслей. Это “священная”, то есть идеологическая и религиозная война, которая обречена стать тотальной. Ее целью не является приобретение каких-либо территорий (их в России и так более чем достаточно, свои некому осваивать). Присоединение Крыма - это сакральный акт, лишенный экономического и политического смысла. Такая война ведется до полного уничтожения одной из сторон. Ее итогом будет либо поражение Запада, либо распад России. Не исключено, что единственным бенефициаром этого столкновения в конечном счете станет Китай. Тот, кто полагает, что Путин остановится на Крыме, заблуждается. Он запустил маховик ожиданий, которыми не в состоянии управлять. Русским нужна теперь только победа, и они за ценой, как водится, не постоят. Путин больше не сможет уступить никакому “внешнему врагу” ни по одному вопросу. Политически он загнал себя в угол»…

Пастухов также говорит о глубинных истоках русской иррациональности: «Помимо имперской ностальгии, у русской истории есть еще один дифференциал, так сказать, “второго порядка”, куда более мощный, чем первый: стремление русского народа к социальной справедливости, как в локальном, так и во всемирном масштабе. На этом “обламывались” все русские цари. ... Приватизация - незаживающая рана в душе поколения 90-х, которая ноет и гноится сильнее, чем любой Крым. А безудержная коррупция властей предержащих - все равно что соль на раны. И какой бы эффективной ни была примененная Путиным военная анестезия, боль эту победить нельзя. Социальная справедливость - это красная кнопка в русской душе. Кто нажмет на нее, тот выбьет стул из-под Путина. Потому что настоящая русская идея -не имперская. Это идея всеобщей справедливости. Русское социальное мессианство сильнее русского национального мессианства. Тяга к высшей

справедливости в православном сознании выше приобретательского инстинкта, заставляющего расширять империю. Тот, кто сумеет органично объединить приватизацию в России с идеей модернизации капитализма во всемирном масштабе, сможет стать новым русским пророком. Будущее в России - это левый поворот» (Пастухов, В. Крестный поход // Новая газета 25 марта 2014, С. 7-8.).

Петр Турчин, доктор биологических наук, начавший применять математические методы в истории: «Говорят, что канцлер Германии Ангела Меркель заявила, будто Путин живет в другом мире. Она права. Мир Путина - это русское культурное пространство, которое очень сильно отличается от Западной Европы, где сегодня действует Меркель. .Я вырос в России, и меня поразило то (в отличие от американских комментаторов), насколько настойчиво Путин в своей речи о присоединении от 18 марта указывал на чувство общности и на общие символы. мы наблюдаем совместную эволюцию геополитики и того, что антрополог Скотт Атран (Scott Atran) называет “священными ценностями”. Геополитические ресурсы обретают ауру святости <...> Священные ценности по своей природе важнее материальных соображений. В международной политике на карту поставлено нечто большее, чем голый геополитический расчет». Это большее - честь. «“Честь” означает, что ваша решимость <. > подлинная и заслуживает доверия. Опасность вас не напугает, откупиться от вас никто не сможет. Если вы поддадитесь первому или второму искушению, вы утратите свой авторитет. Чтобы понять Крым, нам нужна теория эволюции национальной чести. Она нелогична и беспощадна - но она работает» (Turchin, P. Russia's Sacred Land. Aeon Magazine. 2014, April 03).

Элиас Гетц, научный сотрудник Факультета политологии и управления в Университете Орхуса: «Я бы хотел, чтобы меня поняли правильно: вышеприведенные доводы вовсе не означают, что Запад должен придерживаться политики умиротворения в отношении России. Логичнее

будет заключить, что проведение политики расширения «вполсилы» гарантированно ведет к неудачам. В конце концов, вопрос о том, насколько целесообразным для ЕС является проецирование своего экономического и дипломатического влияния на Центральную Евразию, является открытым для обсуждения и споров между здравомыслящими людьми. Есть аргументы как за, так и против этого подхода. Никого, однако, не должно удивлять, если такой курс приведет к ухудшению отношений с Москвой и вызовет жесткую реакцию со стороны России. Если Запад намерен распространять свое влияние на Центральную Евразию, ему следует прекратить давать пустые обещания и начать подкреплять свои слова реальными действиями. Брюссель и Вашингтон должны оказывать существенную дипломатическую, экономическую и военную поддержку тем странам, которые находят в себе достаточно смелости для укрепления своих связей с Западом даже перед угрозой давления со стороны России. В качестве альтернативного варианта правительства западных стран должны прекратить давать обещания, которые они не хотят или не могут выполнить. Однако, тыкая палкой в глаз русскому медведю и подставляя его малых соседей под размашистый удар медвежьей лапы, Запад выбирает худшую политику из всех возможных» (Гетц Э. «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып.4., Т.9.).